

3

1995

САФАРИ
В САВАННЕ

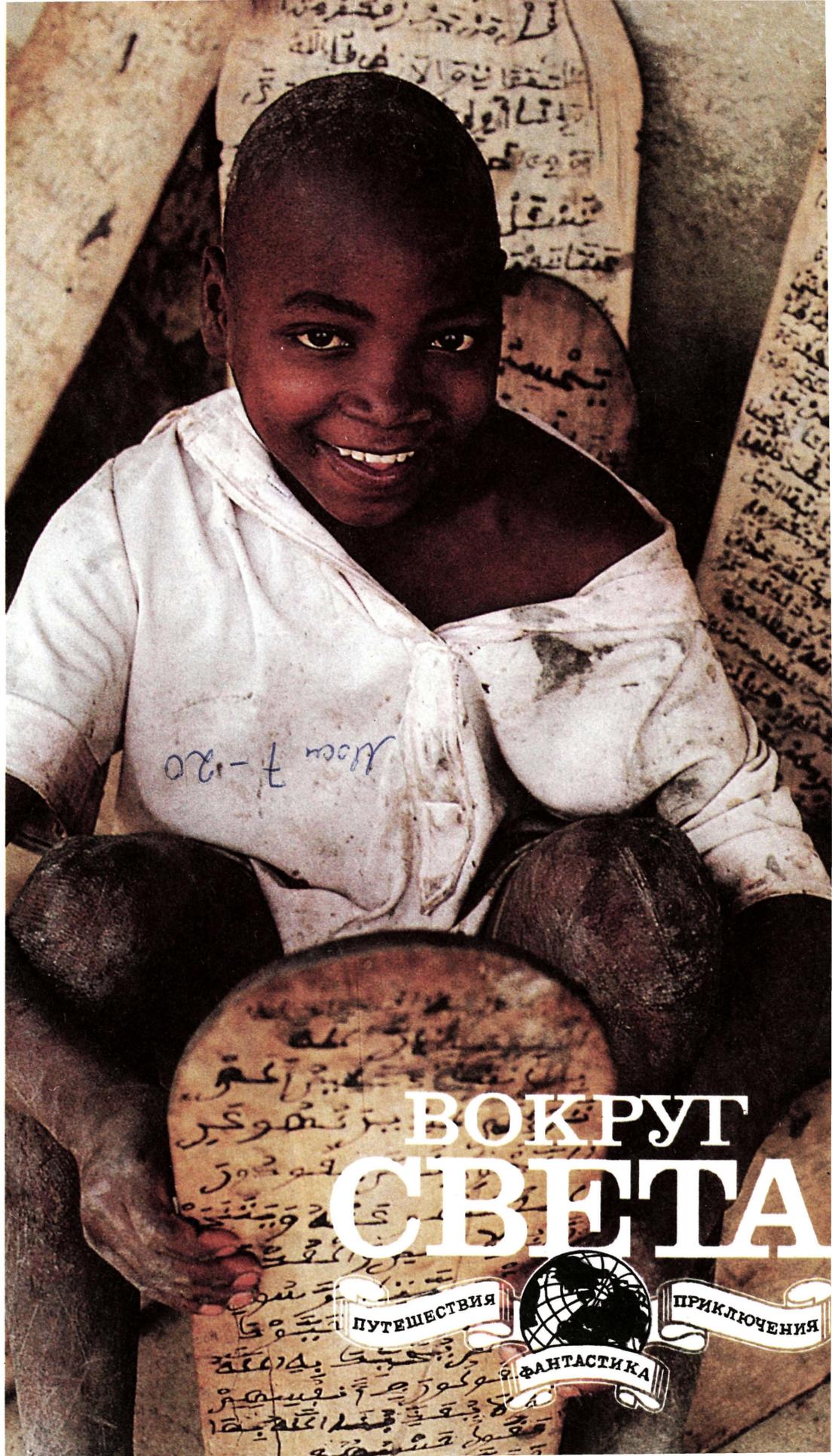
РУССКИЙ ЛЕГИОН
ВО ФРАНЦИИ

ПИРАТСКИЕ
КЛАДЫ

ТОРТИЛЛЫ
МОРСКИХ ГЛУБИН

ISSN 0321-0669

ВОКРУГ СВЕТА

ПУТЕШЕСТВИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА

Ежемесячный
научно-
художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики

ВОКРУГ СВЕТА

«Vokrug sveta»
(«Around the World»)
Monthly
Travels
Adventures & SF
Founded in
1861

3/95 март

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

2

В. ЛЕБЕДЕВ

Возвращение в саванну,
или Обыкновенное сафари
в Самбуру

14

Лидия ЧЕШКОВА

Дом караванов

40

Владимир ЛОБЫЦЫН

Погибли за Францию

VIA EST VITA

10

Владимир СУПРУНЕНКО
Держали дорогу и ветер

18

Виталий ВОЛОВИЧ
Бродячие мамонты

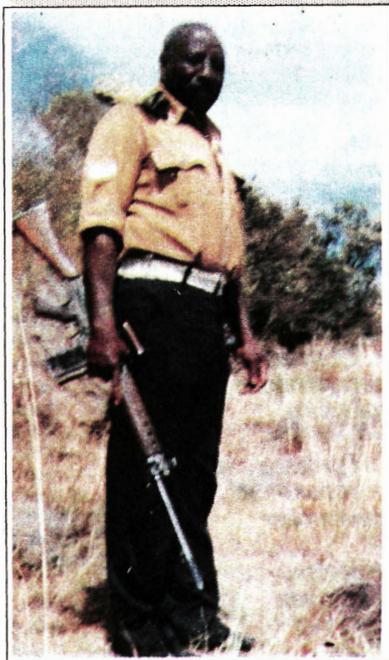
НЕВЕДОМЫЕ ТРОПЫ

24

И. КУЖЕЛЬКОВ

Беззащитны даже в броне

Юмористиче-
ские заметки
В. Воловича
читайте
на стр. 18

Аскари —
охранник
из заповедника
Масаи-Мару.
Читайте
очерк
В. Лебедева
на стр. 2

44

Анатолий КОЧНЕВ
Заблудившийся морж

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

28

Деннис УИТЛИ
Сокровища царя Камбиза

ЗОЛОТОЙ ГАЛЕОН

46

Никита КРИВЦОВ
«Таинственный пират»
и его собраты

54

ПЕСТРЫЙ МИР

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОЗЫСК

52

Жорж ЛЕНОТР
Пиренейская дикарка

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

56

Жорж БЛОН
Уцелевший в Тихом океане

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ГВИНЕЯ

На фотографии, предлагаемой вашему вниманию — юный гвинеец, прилежно сжимающий в руках деревянную табличку с текстом Корана. Лет десять тому назад в Гвинее, благодаря рьяному усердию тогдашнего президента-диктатора этой западноафриканской страны Ахмеда Секу Туре, местным жителям, всем без исключения, независимо от возраста и пола, было строго-настрого запрещено не только разговаривать и читать по-французски, не говоря уже о том, чтобы общаться с приезжими иностранцами, но и предаваться даже самым безобидным развлечениям, как-то: ходить в кино, читать, петь и танцевать — словом, радоваться жизни. Тем более запрещены были французские иллюстрированные журналы, рассматривать которые обожали гвинейцы, даже не умеющие читать. Полиция, заметив их, тут же рвала на клочки. И кораническое прилежание местных школьников удесятерилось. Благо, в школе при деревенской мечети — слокон веку хранились учебные тексты, вырезанные на твердых деревянных дощечках.

Фото из журнала «Grands reportages».

Возвращение в саванну, или Обыкновенное сафари в Самбуру

В. ЛЕБЕДЕВ,
наш спец. корр.
Фото автора

Первый раз я попал в саванну в Эфиопии, которая, как и Кения, находится в Восточной Африке, только расположена севернее экватора. Но саванна едина: и кочевники, — сомали, или галла, и животные, антилопы и зебры, пересекают просторы саванны от Огадена до Масаи-Мару и Серенгети, невзирая на государственные границы. В Огадене, на буровой у российских нефтеразведчиков, я видел мало животных: подкармливал страусят, отбившихся от мамыши, да гонялся на газике за дикдиками, самыми крошечными антилопами. И вот теперь выпала счастливая возможность побывать в самой заповедной африканской стране — Кении, любимой Хемингуэем, супругами Адамсонами и Гржимеком. Как говорится, Бог услышал мои молитвы. Но не только он. Благодаря приглашению кенийского посла, бесплатному пролету самолетом Аэрофлота и обеспечению поездки-сафари компанией «African Tours and Hotels», группа менеджеров турфирм, в которую я был включен по инициативе туристического агентства «Альбион тур» (с рекламой этой фирмы вы можете познакомиться на второй обложке журнала), побывала в заповедниках Кении, чтобы проложить туда путь нашим туристам. Еще Эрнест Хемингуэй в «Зеленых холмах Африки» писал, что он всегда хотел только одного: снова вернуться в Африку. Пожалуй, это чувство знакомо всем, кто хоть раз там побывал. И вот под крылом самолета, в сиянии ольнца, разворачивается бескрайнее желтое пространство кенийской саванны, размеченное зелеными взрывами зонтичных акаций...

**«НА ГОРЕ» В НАЙРОБИ,
ИЛИ НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА
С САМЫМ ЗНАМЕНЫТЫМ СЛОНОМ**

Нам повезло: отель «Милимани» — что значит «На горе», в котором мы остановились, находился в престижном районе, расположенном на холмах. Его окружали богатые коттеджи, посольские виллы, спрятанные со своими бассейнами и теннисными кортами в кустах цветущих алым и розовым бугенвилей. Даже можно было сквозь металлическую решетку посмотреть на дом, принадлежащий то ли самому премьер-министру, то ли вице-президенту, в котором сдавались квартиры за очень высокую плату.

С холмов был виден и центр Найроби, но мне нравилось пройтись вниз, к городу, под сенью деревьев подышать воздухом, напоенным ароматом цветов. Особенно утром, когда еще прохладно, ведь кенийская столица находится на высоте свыше полутора тысяч метров. Вообще, для тропической страны здесь хороший климат — недаром Кению облюбовали англичане.

Они заложили колониальный форт Найроби (название его идет от небольшой речки и означает «холодная вода») в 1899 году, а в начале века сюда из порта Момбасы переехала английская администрация. Най-

роби становится штаб-квартирой английских банков и разнообразных фирм, где определялись судьбы не только Кении, но и других африканских стран.

...По холодку приятно идти в тени джакаранд (это дерево с пышными шапками соцветий было когда-то вывезено из Южной Америки), кажется, что над головой у тебя плывут сиреневые облака, из которых нет-нет да упадут на одежду «капельки» — нежные цветочки, похожие на наши колокольчики. Спускаешься ниже, и перед глазами разворачивается панорама Найроби. Лучи солнца дробятся в зеркальных стенах небоскребов. Ультрасовременный центр молодой кенийской столицы, пожалуй, напоминает процветающий американский город: так же сверкают золотом названия банков и офисов, и в свои конторы спешат клерки, приодетые, несмотря на жаркое солнце, в пиджаки и галстуки. Правда, в отличие от западных городов, здесь часто попадаются вывески кофейных и чайных компаний, реклама экзотических сафари в саванне, а на центральной площади, вокруг тридцатизэтажного цилиндрического небоскреба, расположены правительственные учреждения. Там же восседает в шапочке на каменном постаменте самый известный кенийский президент Джомо Кениата, долгие годы

поддерживавший дружеские отношения с нашей страной.

Старый центр Найроби колониальных времен, застроенный невысокими домами викторианского стиля, несколько поблек у подножия модернистских небоскребов. Но до сих пор на главных улицах — Гавернмент-роуд, Кениата-авеню и Коинанге — располагается деловое ядро города, здания различных компаний, сохраняющих европейский облик. И тут же можно увидеть мелких ремесленников, в основном, выходцев из стран Азии, которые что-то режут, пилят, сваривают в небольших мастерских. Они живут своей общиной неподалеку. В восточной части города, через которую я лишь проезжал, находятся африканские предместья, кварталы нищеты, где домишки подчас слеплены из досок, фанеры и обрезков жести. Контраст с ухоженным, зеленым центром велик, как, впрочем, и в других столицах Африки.

На главных улицах, пожалуй, интереснее всего побывать в самых разнообразных магазинах, которых здесь на любой вкус.

На втором этаже одного довольно respectable магазина открыта выставка-продажа деревянной скульптуры. Выставлено все: от крошечных фигурок носорогов и слонов до больших скульптурных женских и мужских фигур. На стенах развешены ма-

ски, изображающие воинов-масаев и разные божества.

Однако, надо сказать, что в большинстве кенийских племен было не принято надевать деревянные маски на своих празднествах.

Во время танцев и ритуальных обрядов обычно просто раскрашивали лицо или надевали плетеные маски-капюшоны из стеблей трав, выкрашенных в разные цвета. Колдуны и лекари предпочитали кожаные маски со свирепым или скорбным выражением (соответственно обстоятельствам). Но раз есть спрос на деревянные маски у туристов, значит, резчики будут их делать, несмотря на традиции.

Туристский спрос определяет и изготовление многочисленных фигурок зверей: жирафов, зебр, бегемотов, львов. Это сравнительно новое направление у кенийских резчиков по дереву, отличающееся от тематики мастеров других африканских стран. За день опытные резчики вырезают не менее десятка фигурок животных, довольно искусно сделанных, но, как две капли воды, похожих друг на друга.

И хотя в кенийской прессе время от времени затеваются дискуссии об африканских традициях и «искусстве на конвейере», о том, что мастера-резчики, работая на потребу туриста, превращаются в простых ремесленников, большие магазины и маленькие ла-

вочки забиты масками и скульптурками-близнецами.

Впрочем, рядом с ними, в художественных галереях, можно полюбоваться и на настоящее искусство. Эти выставки, а также университет, библиотека, музей расположены все в тех же старых кварталах города.

Когда я спрашивал, как пройти к музею, мне охотно показывали дорогу. И вот на окраине парка я действительно отыскал вход, где значилось слово «музей», но там меня встретило... шипенье змей. Оказывается, я попал в «Музей змей». Но стоило перейти дорогу, как за зеленой изгородью кустов передо мной возник внушительный двухэтажный особняк — Национальный музей, основанный еще в начале века. Я не берусь рассказать о всех его отделах: живой и неживой природы, историко-этнографическом, но могу дать совет — кто будет в Найроби, обязательно побывайте в этом музее, чьи коллекции собирались великими энтузиастами.

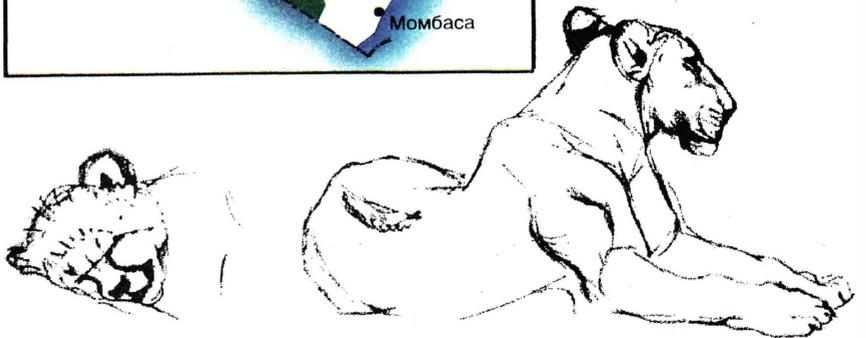
Миновал панно с наскальными рисунками — застывшими в вечном беге стадами животных, охотой на слонов — я увидел на стене фото знаменитой семьи Лики. Льюис Лики, директор Института палеонтологии Кении и доктор Кембриджского университета, был снят вместе с женой Мэри и сыном Ричардом. Это они открыли, возможно, прародину человека, обнаружив на восточном берегу озера Рудольф орудия труда и останки предка человека, возраст которого определялся в два миллиона пятьсот тысяч лет.

А рядом с Лики — снимок, обошедший весь мир: знакомое лицо Джой Адамсон, которая обнимает лежащую рядом львицу Эльсу. История Эльсы — сага о любви человека и животного — рассказана Джой во множестве книг и фильмов. Вся соседняя стена увешана ее рисунками. Это другая сторона деятельности замечательной женщины, которая сама по себе могла бы заполнить всю ее жизнь и сделать Джой Адамсон знаменитой.

Не все знают, что первые пять лет жизни в Африке Джой занималась ботаникой, отправившись в экспедицию вместе с сотрудниками Кориндонского музея (так тогда назывался музей в Найроби). Она увлеклась коллекционированием и зарисовками местной флоры, хотя нередко рисовала также птиц и рыб.

Я смотрю на ее рисунки растений и поражаюсь научной точности изображения каждого листочка с тонкими прожилками, каждого лепестка. Яркая цветовая гамма, декоративность сразу привлекают к ним внимание. Здесь явно уместно выражение: «Они, как живые». Особенно поражает фантастическая расцветка коралловых рыб, которых Адамсон зарисовывала на рифах Индийского океана.

Позже Джой делает многочисленные зарисовки львов, обезьян, зарекомендовав себя как оригинальная художница, обладающая своей манерой. Ее акварели были вы-

Рисунки африканских животных Джой Адамсон.

соко оценены специалистами и использовались как иллюстрации в альбомах о флоре и фауне Восточной Африки. За эту работу Адамсон была удостоена золотой медали английского Королевского общества, а также различных высоких наград в других странах; ее родина, Австрия, наградила Джой за заслуги в области науки Почетным крестом.

Спустившись на первый этаж музея, я stalkиваюсь, буквально лицом к лицу с... огромным слоном. Точнее, скульптурой слона в полный рост.

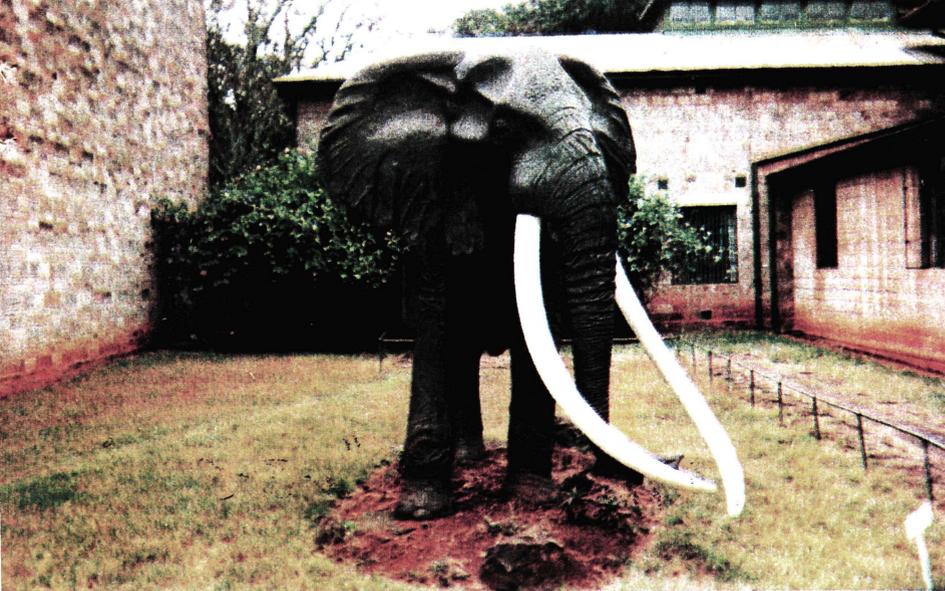
В этой скульптуре кенийцы выразили уважение и любовь к самому знаменитому слону страны — Ахмеду.

Я видел его на фотографиях и могу подтвердить, что скульптура является точной копией Ахмеда. С могучими бивнями, почти касающимися земли, громадный и величавый, как скала, он мог исчезнуть в одно мгновение из глаз охотников. Эту способность Ахмед унаследовал от своего учителя —

неуловимого слона с арабским именем Сулейман. За его двухметровыми бивнями гонялся не один десяток охотников. Он ухитрялся выскользнуть из любых облав и засад, не попасть в вырытые на его тропах к водопоям ямы-ловушки и даже раненый уходил в заросли от охотников. В старости, как и многие африканские слоны-одиночки, Сулейман стал появляться в сопровождении двух молодых слонов, охраняющих его от врагов и помогающих ему существовать в суровых условиях саванны. Одним из этих слонят и был Ахмед, который затем прославился не менее своего великого наставника, но, к сожалению, не перенял у учителя его осторожности. Ахмед стал спускаться с горных склонов в саванну, где не раз подвергался преследованию охотников. А когда стало известно, что за его

Скульптура самого известного кенийского слона Ахмеда в Национальном музее в Найроби.

Юные музыканты на «холме споров».

дел тамтама, который бы обязательно присутствовал в ансамбле другой африканской страны. Здесь преобладали струнные инструменты, такие, как лира, представлявшая собой деревянную раму с резонатором из жесткой дубленой кожи (иногда для этого берут шкуру жирафа) в нижней части, где были натянуты струны из сухожилий животных. Это один из самых мелодичных инструментов, под аккомпанемент которого и танцуют, и поют. Был здесь и амадинда — кенийский ксилофон, на котором обычно играют два человека. Мальчуган держал в руках маримбу — небольшой щипковый инструмент, состоящий из украшенного резьбой деревянного резонатора, к которому прикреплены металлические пластинки различной длины, издающие резкие вибрирующие звуки. Не буду описывать другие инструменты, некоторые я видел впервые, а скажу только, что все радовались музыке и песням. Это наверняка было лучше, чем бесконечные речи, обычно звучащие у подножия «холма споров».

Незатейливые мелодии сопровождали меня почти до самого отеля, из окон которого слышались... российские песенки. Оказывается, в гостинице остановились наши летчики, служащие в частях ООН. Они-то и запаслись записями отечественных песен: нелишне на чужбине, когда овладевает тоска по родным местам.

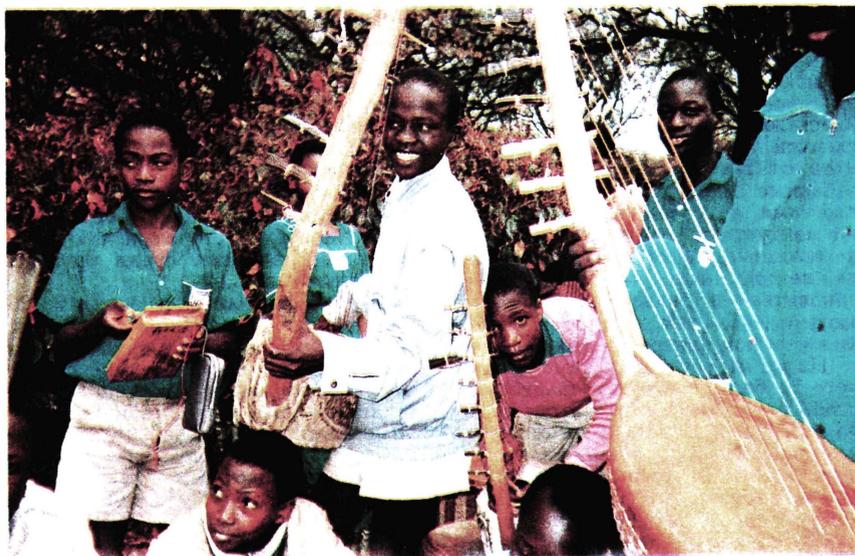
Я прошел во дворик, где под деревьями за столиком сидела Марина, администратор «Милимани», наша соотечественница, вышедшая замуж за кенийца и уже много лет живущая в Найроби. Еще в день приезда она долго расспрашивала нас о России, там теперь учится ее старший сын.

Гостеприимная и внимательная, Марина очень помогала нам освоиться в новой обстановке. И сейчас, пригласив меня за свой столик и подвинув бокал апельсинового сока, она улыбнулась и сказала:

— Ну вот, я вижу, вы уже нагулялись по Найроби. Пора теперь укладывать вещи — утром отправляетесь в заповедник.

У БУЙВОЛИНОЙ ТРОПЫ, ИЛИ В ОЖИДАНИИ ЛЕОПАРДА

Еще какие-то мгновения назад вокруг шумела городская жизнь, и вот уже наш маленький автобус, миновав чек-пойнт с солдатами, вооруженными автоматами, мчит мимо плантаций ананасов. Да, те самые дорогие, экзотические ананасы с московских прилавков здесь выглядят, как простая капуста: растут себе на полях, вытянувшись в ровные ряды. Их срубает парангом, длинным ножом с широким лезвием, и бросают

бивнями — самыми большими в Африке в 1970 году — отправляется экспедиция, экипированная «слоновьями» ружьями, то натуралисты, защитники природы в разных странах обратились с протестом к правительству Кении. И произошло чудо: президент страны Джомо Кениата подписал специальное распоряжение. В нем Ахмед объявлялся национальным достоянием и правительство брало на себя обязательства защищать этого выдающегося слона от любых посягательств на его жизнь. Став знаменитостью, Ахмед сделался постоянным объектом для фотографов и кинооператоров, охотно позировал и совсем перестал бояться людей, хотя с возрастом старался уже больше не покидать заповедник и, вероятно, благополучно умер в окружении своих воспитанников...

Пора было возвращаться под уютный кров отеля «Милимани». Я выбрал дорогу через парк, где, как мне рассказали служащие нашего

«Аэрофлота», находится «свободная трибуна», подобная лондонскому Гайд-парку. Миновав памятник свободы, увенчанный факелом, и пройдя по лужайкам парка под цветущими деревьями, я оказался около холма, в склоне которого были вырублены скамейки, покрытые зеленым дерном. Это места для публки, а ораторы, выступающие на таких своеобразных митингах, находятся на небольшой эстраде. Подобного новшества я до сих пор не встречал в африканских странах, и появилось оно в Найроби одновременно с образованием оппозиции правящей партии. Здесь можно говорить на любые темы, но сейчас на скамейках сидели школьники, а на эстраде — музыканты.

Я уже в музее убедился, что музыка, связанная с традиционными обрядами и праздниками, сопровождает кенийца всю жизнь. Семья Лики при своих раскопках наткнулась рядом с костями предков на древние инструменты. У юных музыкантов я не уви-

за зеленые хвосты в кузова машин, а рядом шустрый красный трактор выворачивает лемехами плугов жирные пласты земли — идет вспашка перед новым севом.

Кстати, среди вывозимых Кенией в другие страны овощей и фруктов ананас, несомненно, лидер. Урожай свозят с государственных плантаций на завод по консервированию ананасов в город Тика. С каждым годом растет их сбор и в частных африканских хозяйствах.

У деревенских хижин с круглыми соломенными крышами-тукулями, выглядывающих из-за широких банановых листьев, стоят ребятишки и машут руками. Вокруг деревьев раскинулись привычные для нашего глаза поля с овощами и картофелем, а рядом — целая плантация, заросшая ромашкой. Неужели это заброшенное поле с сорняками? Ведь у нас ромашка растет на пустырях, засоряет посевы. Но нам объяснили, что это совсем другая ромашка — далматская, или пиретрум, знакомая многим российским садоводам. Ее в просторечии называют «блохомором» или «клоповой травой», потому что она используется для борьбы с вредителями сельскохозяйственных растений и плодовых деревьев. Экстракт пиретрума служит для производства инсектицида, который с одной стороны эффективен в уничтожении разных паразитов, а с другой — совершенно безвреден для растений и животных. Словом, полный антипод ДДТ, настоящему «элексиру смерти» для всего живого.

Уход за посевами пиретрума прост: надо хорошо вспахать и удобрить поле да почаще его пропалывать. А вот сбор урожая требует времени и терпения, поскольку приходится срывать вручную цветочные головки несколько раз за год.

По выращиванию этого милого белоголового растения Кения занимает первое место, почти вся далматская ромашка произрастает на полях африканских фермеров. Эта ромашка, кстати, хорошо растет и в наших краях, так что перенимайте опыт, уважаемые российские фермеры.

Видели мы и поля хлопка, и кофейные плантации, где среди темно-зеленых листьев кустарника блестяли красные ягоды; и колючие изгороди из сизала, родственника мексиканской агавы, из которого делают прекрасные канаты и рыболовные сети. И, конечно же, чайные плантации (о замечательных свойствах кенийского чая я напишу отдельно).

Кончились посевы; скрылись последние тукули; застыл пастух с посохом, выгнавший коров к пойме реки Тана, в мутно-желтых водах которой скрывается немало крокодилов и бегемотов; напоследок вильнула перед машиной негр, картинно восседающий на велосипеде в шляпе и белом пиджаке. Все. Наша «тойота» нырнула в густой лес.

За время короткого пути от Найроби мы воочию убедились, как тяжело

сохранить национальные парки вблизи крупных городов. Например, первый парк, мимо которого мы проезжали по дороге из аэропорта, находится всего в нескольких километрах от столицы. По сути он стал похож на зоопарк: животным в нем тесно, а уйти некуда. Парк с двух сторон огорожен (у остальных заповедных территорий нет оград), а с двух других к нему примыкают городские районы. Так как он близко от Найроби и удобен для посещения, по нему «гуляют» десятки машин с туристами. Подобную картину мы видели и в популярном заповеднике в Самбуру. Животные пытаются спрятаться от назойливых туристов: им нужно кормиться, наконец, размножаться. Среда обитания нарушена, а границы парков не позволяют животным мигрировать.

Проблема «перенаселенности» парков туристами налицо, а выход лишь один: ограничение их притока, но это означает и уменьшение доходов от туристического бизнеса.

Направляясь по лесной дороге к Маунтин-лодж, мы оставили за спиной наступающую на заповедник цивилизацию: растущие города и деревни, новые дороги, распаханное поле. Здесь же под пологом густого леса, слышен лишь стрекот и щелканье птиц, с ветки на ветку перепрыгивают забавные маршутки с пушистыми хвостами, да через дорогу перебегают мангусты — ловцы змей. Глядя на изящные движения зверьков, никак не подумаешь, что они способны справиться с большими, злобными змеями, вроде тех, которых мы видели в змеином центре в Найроби.

Но вот мы останавливаемся у зеленого в белую полоску шлагбаума, чтобы отдать служителя, вышедшему из деревянной будки, наши пропуски в заповедник. (Примечание для туристов: билеты на двухнедельную поездку по заповедникам обошлись каждому из нас по пятьсот долларов. Это плата только за право входа на территорию парков, которые содержатся и охраняются за счет этих сборов.)

Уже за шлагбаумом, перед высоким дощатым забором, служители отеля буквально выхватывают из наших рук поклажу. У меня и нести-то нечего — одна сумка. Но здесь так принято: вещи туриста обязательно донесут до порога комнаты и непременно нужно дать на чай, минимум десять шиллингов. В дальнейшем я еще не раз буду говорить об отношении местного населения к туристам: оно, в общем, хорошее, но за все услуги — от продажи какого-нибудь изделия, до фотографирования своей osoby — абorigine норовит оборвать туриста. В его понимании будет непростительной глупостью, если он не поживится за счет белого человека, конечно же, очень богатого, если он приехал посмотреть на зверей в Кению из далекой Европы или Америки. Вот такая психология, оставшаяся, вероятно, еще с колониальных времен...

Итак, нас проводили по узкому дощатому настилу до высокого деревянного дома с потемневшими от времени стенами, где мы разошлись по своим номерам. Я вышел в номер и, распахнув дверь на небольшой балкончик, выглянул наружу.

И тут от неожиданности даже сумку уронил. Внизу прямо под балконом, я увидел большое стадо крупных животных, неподвижно стоявших у воды. Массивные темные фигуры с широко раскинутыми рогами четко вырисовывались на фоне леса.

Бывалые люди, живущие в Африке, изъездившие саванну вдоль и поперек, тем более участники настоящих, «кровавых» сафари, могут сколько угодно подсмеиваться над восторгами наивных туристов — «Ах, антилопы, ах, бегемотики!» — но, честное слово, у меня просто замерло сердце, когда я впервые, да еще так близко, увидел могучих буйволов. Быстро выхватив «Кодак», я судорожно стал щелкать кадр за кадром. Но затем, отпечатав снимки, я лишь сквозь лупу мог разглядеть этих великанов. Мой аппаратик «бил» лишь на два метра, тем более в момент съемки уже наступали сумерки. Так что фотографии не получились. Зато, вернувшись домой, я запоем стал читать книжки об охоте на буйволов.

Однажды знаменитому охотнику Джону Хантеру, еще мальчишкой попавшему в Кению, задали вопрос:

— Хантер, какого зверя вы считаете самым опасным среди крупных животных Африки?

Хантер охотился на все виды крупных африканских зверей, установив рекорды по отстрелу некоторых из них. Только слонов он убил около полутора тысяч. Но это было в конце прошлого века, когда все пространство саванны занимали стада животных, и Хантер, называвший себя «последним охотником старых времен», зарабатывал ружьем себе на жизнь. Так вот, этот опытнейший охотник в большую пятерку «выдающихся», как он назвал, крупных зверей Африки включил слона, носорога, льва, леопарда и... буйвола. Именно этих зверей Хантер считал самыми опасными для охотника.

Как-то раз я вплотную видел буйвола, неподвижно стоявшего у дороги. Он гордо смотрел вдаль, возвышаясь над машиной. Рост под два метра, вес за тысячу килограммов, прямо на тебя выставлена упрямо наклоненная голова, похожая на танковую башню, прикрытая броней широко размахнувшихся, толстых у основания рогов. Действительно, прав Хантер, ставя его по степени опасности на третье место после леопарда и льва. При встрече один на один с кафрским буйволом во чистом поле дрожь проберет и бывалого охотника.

Вроде бы такой тяжелый, неповоротливый, этот зверь в самом деле может развивать довольно большую скорость. Когда стадо буйволов галопирует по саванне, дрожь земли чувствуется даже в машине. А когда буй-

вол идет в атаку, выставив свою бронированную голову, — его может остановить лишь пуля из ружья очень большого калибра. Главное — успеть перезарядить ружье и всадить вторую пулю — после первого попадания животное, как правило, продолжает свой неукротимый бег.

Раненый буйвол, чувствуя, что дальше идти не может, делает петлю и устраивает засаду у своего следа, норвая перехитрить охотника. У носорогов прекрасное обоняние, но плохое зрение; у львов, наоборот, хорошее зрение, но слабое обоняние, а у буйвола в равной степени хорошо развиты зрение, слух и обоняние. Да, это грозный противник. Сообразительный и жестокий.

Из засады, он, как таран, бросается на человека и, даже сбив его, возвращается, чтобы терзать свою жертву. Буйвол не только поднимает несчастного на рога и подкидывает его вверх, но тяжестью всего своего могучего тела припечатывает охотника к земле, пронзая его рогами. Затем рассвирепевшее животное топчет своего повергнутого врага, исполняя нечто вроде пляски победителя. При всей трагичности происходящего нельзя не отметить, что буйвол в то же время напоминает нашкодившего пса: он обязательно должен еще и разгребать землю задними ногами.

Мне посчастливилось посмотреть фильм о буйволах. Такие фильмы об африканских животных показывают длинными вечерами по теле-приставкам в лоджах. В нем была мастерски снята душераздирающая сцена нападения львиной семейки на стадо буйволов. Вернее, на буйволицу с теленком, который был еще мал и еле держался на тонких узловатых ножках. Львы отсекали эту пару от стада и попытались свалить малыша, что им быстро удалось. Но разъяренная буйволица, делавшая вначале круги вокруг своего чада, неожиданно пригнула голову и бросилась на львицу, задев ее острым концом рога. Та, как мячик, отлетела в сторону. Буйволенок вскочил на ножки и опротясь бросился искать защиты под боком у матери, а от стада уже спешили на помощь матерые самцы...

С балкона своего номера я наблюдал за буйволиным стадом целый вечер. Трудно передать словами, что ты чувствуешь, находясь буквально в нескольких десятках метров от огромных животных. Они сюда пришли на водопой и переминались на топком берегу небольшого озера, поросшего травой. Пологий край берега весь вытоптан сотнями животных. Мимо землястых буйволов робко пробравляются антилопы. Вот пример, опровергающий мнение о неуживчивости буйволов: они не только спокойно соседствуют с антилопами, но могут и мирно пасти рядом со слонами. На крошечном острове расхаживает важно, как клерк из Найроби, марабу, иногда быстро выхватывая большим клювом из воды очередную лягушку. Но вот он тяжело взмахивает

крыльями и улетает, вероятно, обиженный насмешливыми выкриками, несущимися с одного из балкончиков (что поделать: турист заплатил за развлечения и желает повеселиться).

Но вот весельчаки уходят в бар, постепенно смолкают трели и пошвист птиц, лишь изредка поквакивают лягушки. Наступает тишина.

Ты остаешься один на один с таинственной долиной, где в сгущающихся сумерках загадочно проступают очертания холма, поросшего внизу кустарником, за которым виднеются деревья-великаны, опутанные лианами. Кажется, что в их тени движутся очертания каких-то фигур, и в темноте вспыхивают злыми огоньками глаза хищников.

Озеро пустеет, и я спускаюсь по гостиничной лестнице в подвал, чтобы перейти бетонированным подземным коридором в бункер. Поражает, насколько продуманы изоляция и защита туриста от дикой природы. Наблюдай, пожалуйста, сколько душа пожелает, а выйти наружу нельзя.

Бункер вынесен вперед за пределы гостиницы, сверху его бетонированный колап прикрыт землей и порос травой. Так что зверь может пройти по нему и не обнаружить ничего подозрительного. Когда я приближаюсь к разрешенной узкой амбразуре, появляется ощущение, что нахожусь снаружи, на зеленой траве, покрывающей лужайку перед озером. Никого не видно, лишь временами тишину нарушает пронзительный визг даманов.

Эти маленькие зверушки совершенно безобидны, хотя они любопытны и храбры, но, кроме острого зрения, сильных передних резцов, да пахучей железы на спине, других защитных средств у них нет. Поэтому даманы обороняются довольно странным образом: поворачиваются к недругам спиной, показывая свою железу, вокруг которой в случае опасности дыбом встают желтые волоски, хорошо заметные на буро-серой спинке зверька. Есть еще у даманов когти на задних лапках, но это не оружие, а «туалетный ноготок», которыми зверек расчесывает шерсть.

Но прославился даман тем, что он «внучек слону, племянник носорогу, дядюшка лошади». И это не просто присловие. Изучение строения органов дамана доказало, что он родня всем этим трем млекопитающим, самый крохотный из них. А подтверждение тому — маленькие копытца на больших пальцах его лап.

Когда даман пронзительно кричит на всю округу, он, наверное, вспоминает далекое прошлое (в Египте были обнаружены ископаемые останки вида размером с лошадь), словно говоря всем, что, мол, были и мы молодцами.

...Утром, часов в шесть, меня разбудил осторожный, но настойчивый стук в дверь. Я вспомнил, что многие из нас договорились о побудке, если у водопоя появятся выбранный ими зверь. Я «заказал» от жадности двух: носорога и леопарда. Именно в этих местах водятся леопарды.

С вечера на специально сделанные деревянные помосты перед гостиницей кладут тушу антилопы — приманку для хищников. Говорят, что ночью к ним подкрадываются леопарды и, несмотря на яркие лампы, успевают оторвать от туши (она привязана цепью) лакомый кусочек.

Очевидец рассказывал: «Я даже не заметил, как на помост вскочила крупная пятнистая кошка и, щуря глаза от яркого света, беспокойно вертя головой, лапами и клыками стала рвать добычу. Исчезла так же бесшумно, как и появилась, лишь качнулись ветви кустарника».

...Накинув куртку — было еще прохладно — я вышел на балкон. Над озером поднимался туман: фотографии снова бы не получились. Хотя я рискнул и снял марабу. Этот нахал сидел вместо леопарда на помосте и жадно клевал мясо, изредка взмахивая для равновесия большими крыльями.

Но зато судьба мне сделала другой подарок, за что я ей благодарен по сию пору. Я увидел, как к водопою выходило еще одно стадо буйволов.

Это был почти театральный выход. Темная стена леса в утренних сумерках служила отличной декорацией. Из редкого предлесья один за другим появлялись черные большие силуэты и скользили, словно тени, вдоль лесной кромки. Они шли цепочкой по тропе, протоптанной к водопою. Вот появились рядом с озером, и двинулись вдоль берега — крупные фигуры с величаво вскинутыми рогами. Буйволы стгудились у озера, наклонили морды и стали жадно пить воду, отталкивая друг друга.

Порядок наводил вожак — большой белый бык. Он с достоинством расхаживал вокруг стада. Но вот гостиница начала просыпаться, захлопали двери, и стадо медленно стало вытягиваться в лес. Последними вожак отогнал от озера двух игривых молодых буйволиц.

У опустевшего озера вышагивал лишь один важный марабу, объемный дармового мяса.

Во время утреннего чая (кстати, ночью служители, по желанию гостей, разносили также кофе, о чем я просто не знал) подбежал мой сосед по номеру Саша Попов и взволнованно крикнул:

— У нас обезьяны! Грабят!

Мы ворвались в комнату, но те уже выскочили на балкон. Корзинка для фруктов оказалась пустой: ни бананов, ни манго. Особенно было жаль пейзаж-фрукт (плод с хвостиком, набитый мякотью и мелкими семечками), из которого мы наловчились выжимать сок.

А длиннохвостая мартышка преспокойно сидела на перилах нашего балкончика и доедала последний банан. Она даже не моргнула глазом, когда я сфотографировал ее со вспышкой...

И вот мы снова идем вдоль высокого забора по деревянному настилу, с которого лучше не ступать ни вправо,

ни влево. Помните, как в одном из фантастических рассказов Брэдбери, нельзя было, вернувшись в далекое прошлое, даже смять единственную травинку. В будущем это может отозваться непредвиденными изменениями, даже катастрофой.

Что ж, пусть эта прекрасная таинственная долина сохранится нетронутой и будет продолжать удивлять и радовать людей.

ЛОДЖИ И ЗВЕРИ, ИЛИ ПРОБУЖДЕНИЕ В ЕВРОПЕЙЦЕ ИНСТИНКТА РВН

Чтобы не мучить читателя загадками, раскрою сразу же секрет иностранных букв в заголовке. Аббревиатура «РВН» — понятная каждому западному охотнику и вообще любителю охотничьей и художественной литературы о сафари — обозначает начальные буквы английского термина, что на русский язык переводится, как «профессиональный белый охотник», соответственно в сокращении это выглядит, как ПБО.

Не каждому любителю охоты в Европе, Азии или Америки по карману выложить тысячи долларов за лицензию на отстрел слона или льва где-нибудь в Ботсване или Замбии, да еще плюс к этому транспортные расходы, дорогие отели и проводники. Но ведь, прочитав «Зеленые холмы Африки» Хемингуэя или «Охотник» Хантера, так хочется поучаствовать в настоящем сафари, лицом к лицу встретиться с дикими зверями: совсем другие ощущения, чем на охоте на уток да зайцев, старательно выращиваемых в европейских угодьях.

В Кении запрещена охота, но любой выезд в десятки заповедников и национальных парков звучно называется «сафари». И охота с фотоаппаратом и кинокамерой вполне заменяет охоту с ружьем, тем не менее пробуждая в сердце каждого неопытного любителя сафари инстинкты первобытного охотника.

Попав в Найроби, я сразу же на улицах и в отелях обратил внимание на особый тип белых людей. Хотел назвать их туристами, но передумал. По виду это были настоящие трапперы из американских вестернов. Обычно они красовались в одежде цвета хаки: обязательно ковбойская шляпа, шорты с широким кожаным ремнем, на котором болтались охотничий нож в кожаных ножнах и фляжка в чехле отнюдь не с родниковой водичкой и, конечно, на ногах — башмаки со шнуровкой на толстой рифленой подошве. Настоящий ПБО!

Правда, прежние африканские охотники одевались в полувоенные френчи с короткими рукавами и украшали тульи своих шляп кисточками с хвостов львов-людоедов или, на худой конец, полосками из шкуры леопарда. Так что, надевая рубашку с погончиками и кокетливыми патронташами вместо карманчиков, мы часто и не задумываемся об истоках стиля «сафари». Но его преимущество в

жаркой и пыльной саванне сразу же оценил мой спутник Александр Попов, директор турфирмы «Эр вояж», который поглядев на свои модные цветные пиджаки, уже довольно помятые в дороге, с досадой убрал их в чемодан, похожий на сейф, воскликнув при этом:

— Скажу «пешеходам» (так он называл туристов), чтоб одевались в защитную форму спецназа, когда соберутся в Кению. А то мы все вырядились, как на бал-маскарад, а тут — сафари!

Саша поменял свой цивильный наряд на тренировочный костюм в первом же нашем пристанище после Найроби — в Маунтин-лодж.

Кстати, знакомясь с маршрутом нашего путешествия по саванне, я обратил внимание, что мы останавливаемся не в отелях, а в каких-то «лоджах». Что же это такое?

Секрет объяснил довольно просто менеджер принимающий нас туристической компании Чарльз Мвити:

— Вы уже поняли, что «сафари» в Кении — любой выезд на природу из столицы. А ведь заманчиво прочесть слово, сафари, на страницах красочного проспекта, где помещены снимки львов и носорогов. Точно такая же история и со словом «лодж». С английского это переводится, как «выгвам», «охотничий домик», а для избалованного комфортом европейца или американца пожить в охотничьем домике во время сафари гораздо соблазнительнее, чем остановиться в отеле. Хорошо придумано, правда? Ну, конечно же, все удобства трехзвездного отеля в лоджах сохраняются...

В этом мы убедились на личном опыте. Когда после изнурительной дороги или многочасового кружения на машине по жаркой и пыльной саванне подъезжали к очередному лоджу, он нам казался настоящим раем. Служащие отеля быстро и подхватывали наши сумки (кстати, никаких заполненных анкет), и через несколько минут мы оказывались в симпатичном домике под соломенной крышей с верандой, где с удовольствием смываете в ванной пыль саванны, а потом можно искупаться и в бассейне.

Все в лодже старательно выдерживается в национальном стиле: сами коттеджи построены в виде африканских хижин-тукулей, на стенах — африканские пейзажи, иногда шкуры, иногда рога животных; вас могут приветствовать масаи с копьями и щитами, а их танцы можно посмотреть после «шведского стола». Конечно же, в каждом лодже имеется магазинчик, торгующий необходимыми вещами, вроде фотопленки, и сувенирами: бусами, резными фигурками людей и животных, масками, брелоками, марками и т.д. Естественно, весь этот африканский колорит производит большое впечатление на туриста.

Даже небольшие детали вам все время напоминают, что вы среди дикой природы, и вас окружают всевозможные опасности.

Вернувшись после ланча в домик отдохнуть, я обнаружил над кроватью нечто вроде балдахина из марли — москитную сетку. Конечно, могут залететь комары, даже желтоватая муха цеце. Но, во-первых, эта зараза обитает в определенных местностях, куда не возят туристов, во-вторых, говорят, что малярию или сонную болезнь переносит лишь одно из нескольких тысяч этих насекомых. Спросите кенийцев, многие ли из них спят под москитной сеткой? Почти никто. Поэтому, помучившись часа два под душной марлей, я откинул ее и спокойно заснул, несмотря на назойливое гудение и даже укусы нескольких комариков. И все же приятно было сознать, что от грозной мухи цеце ты можешь прятаться под москитным пологом.

Чарльз Мвити нас предупредил — во время сафари следует соблюдать несколько простых правил: надевать кепи (кстати, служащие отеля сразу же раздали нам эти шапочки с козырьками и сумки «а-ля сафари») от солнца, не выходить из машины и за пределы лоджа:

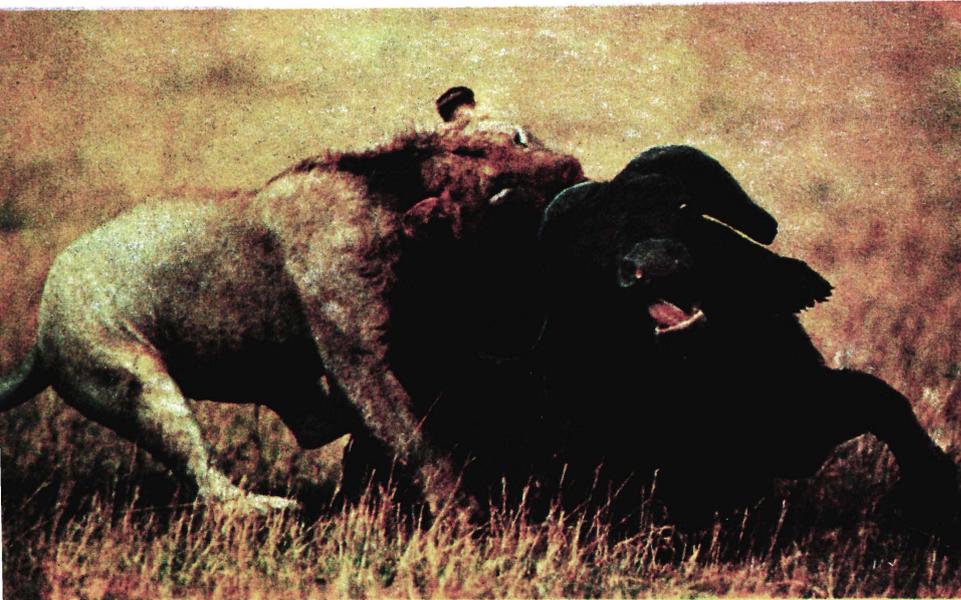
— Всегда помните — вокруг хищники!

Этот призыв к осторожности льстит самолюбию туриста. Лоджи, которые представляют из себя целые гостиничные комплексы, всегда окружены оградой. Достоинство, даже хочется произнести немодное ныне слово «очарование», лоджей в том, что они все гармонизируют с окружающей природой, «вписываются» в пейзаж. Понравившийся мне больше всех Буффало-спринге буквально сливается с саванной. Кажется, что просто в куще деревьев спрятались несколько сельских домиков. Но его тоже окружала каменная ограда. А в лодже Масаи-Мара, расположенном высоко на холме, я долго не замечал тонкой проволоки, протянутой сквозь колючий кустарник. Конечно, и сюда может забежать разная живность: грызуны, мангусты, обезьяны, да еще кружат в небе стервятники, привлеченные отбросами, и в каменной ограде ютятся змеи. Но все-таки зверье, как правило, обходит стороной жильё человека.

Тем не менее, в лоджах имеется оружие, у ворот стоят охранники-аскеры, и даже, когда мы, нарушив правила, вышли из автобуса, а сиденье рядом с шофером моментально появился здоровый абориген, вооруженный современной винтовкой с оптическим прицелом, отнюдь не напоминающей ружье знаменитого Тартарена-победителя львов. Охранника специально приставили к очень дисциплинированным туристам.

Но, если говорить всерьез, звери есть звери. Не случайно опытейшим охотникам-профессионалам загонять зверей помогали местные жители, они обязательно брали следопыта-проводника, и все же редко доживали до преклонного возраста, как Хантер, погибая от клыков и лап хищников. Глубоко уважая благородную дея-

тельность супругов Адамсонов или Гржимека по охране животных, я все же учел бы и другую точку зрения: хищник всегда опасен, не случайно нападали на людей «одомашненные» львы Адамсонов. По утверждению бывалых охотников и натуралистов, голодный зверь всегда способен броситься на человека, а когда он становится людоедом, его обязательно нужно уничтожить. Поэтому всегда стоит соблюдать простые правила сафари — не выходить из машины, не увлекаться фотоохотой и не бродить одному вдоль рек, около лоджей и деревень. Всякое может случиться.

Львица нападает на буйвола. Этот снимок удалось сделать местному фотографу.

Я не купался ни в одном неизвестном мне водоеме в Африке, хотя в жару соблазн был велик. Однажды во время путешествия по Эфиопии мы было собрались переправиться через небольшую, мутную речку, как вдруг с берега устремились к нам крокодилы, которых мы приняли издали за бревна. Кроме того, в африканских озерах запросто можно подхватить какую-нибудь заразную болезнь.

Был еще такой забавный случай: на крышу машины в парке прыгнул гепард. Кто-то сквозь приоткрытое стекло дернул его за соблазнительно свисающий кончик хвоста, и моментально зверь ударил лапой. Это поучительный пример: никогда не дергайте зверя за хвост...

Кроме того, в бескрайней саванне может случиться и нападение на одинокого туриста: так однажды исчезла английская девушка, взявшая машину напрокат (в заповеднике можно не только нанять персональное авто, но даже самолет или воздушный шар — были бы деньги). Несчастную затем нашли сожженной на костре. Правда,

произошло это несколько лет назад, и по вине людей.

Не знаю, кого как, а меня обстановка в национальных парках располагала к самому мирному, радостному созерцанию природы. Беспечное времяпрепровождение мог нарушить лишь суровый воин саванны с копьем в руке, внезапно появившийся из-за кустов и предлагавший купить нитку бус или резную фигурку из дерева, да микроавтобусы, поднимавшие клубы пыли в погоне за животными.

Но разве можно осуждать восторженного туриста за беспечность, когда он впервые попадает в Кению, ко-

охотятся, выращивают потомство. Количество парков с каждым годом увеличивается: сейчас их уже пятьдесят, и парки занимают больше десяти процентов территории нашей небольшой страны. Такого количества заповедников нет ни в одной стране мира, например, в США под них отведено лишь два процента земель, — с гордостью говорит Мурити. — Очень трудно охранять пространства саванн, на которые наступает цивилизация: расширяются площади под посевами, леса вырубают, появляются поселки, проводятся дороги и т.д. Кроме того, парки не огорожены, хотя имеются въездные ворота, где собирается плата за вход. Поэтому, несмотря на удаленность, труднодоступность заповедников (в буш можно попасть только на крепком лендровере), браконьеры все же проникают на охраняемые территории.

Правда, разветвленная сеть грунтовых дорог позволяет администрации поддерживать порядок в заповедниках, а туристам — посетить любой уголок, посмотреть животных у водопоя или в тени под деревьями.

Покой зверей оберегается целым сводом правил, которые вывешены у ворот в парках или у развилки дорог на больших щитах. Так, около скопления зверей нельзя шуметь или выходить из машины, да и ездить по саванне следует на небольшой скорости, пропуская перед собой стада животных.

Терпеливые туристы каждый день колесят по пыльным дорогам на автобусах, раскрашенных под зебру, и часами не встречают другие тургруппы. Дело в том, что, выезжая из лоджей с восходом солнца, автобусы строго по графику передвигаются из одного квартала осматриваемой территории — в другой (на такие квадраты разбиты почти все парки), и проводники-шоферы строго придерживаются этого расписания, не допуская скопления машин, например, у львиного прайда, чтобы не беспокоить зверей.

— И все же, создается впечатление, что все привилегии предоставлены хозяевам саванн — зверям?

— Естественно, потому что это их дом, — улыбается Мурити, — а турист, даже богатый, всего лишь временный посетитель. Но он наш и самый желанный гость. Вы знаете, что Кения — главная в Африке страна туризма, и именно от него получает самый большой доход, даже больше, чем от экспорта чая и кофе.

Поэтому туриста ждут в Маунтин-лодж — горные леса, где по тропам пробираются буйволы; в Самбур — стада зебр и антилоп, пасущихся под зонтичными акациями; в Масаи-Мару — львиные прайды.

Возвращайтесь в Африку, которая силась Хемингуэю и Гржимеку. Вас встретят снова гордые масаи и самбуру — хозяева саванны.

торую известный немецкий путешественник Г.Шомбург назвал «самой прекрасной страной в мире», а английский принц Чарльз и принцесса Диана именно по Кении совершили свое свадебное путешествие, хотя, может быть, это и не принесло им большого счастья. Турист просто обалдевает от радости, чувства свободы, когда впервые видит стада антилоп и зебр, а обезьяны берут у него бананы прямо из рук. Как тут не потерять бдительность и в погоне за хорошим фотокадром не вылезти из автобуса или перешагнуть ограду лоджа.

И звери до того привыкли к туристам, что подчас кажется, что это не вы наблюдаете за животными, а они, разгуливая, как хозяева по саванне, рассматривают вас в автобусах-клетках. Возникает даже парадоксальная мысль: для чего учреждены все эти заповедники — сохранения там слонов и львов или для прогулок по ним многочисленных толп туристов.

Об этом и многом другом мы беседовали уже в конце путешествия с Мурити М'Мбуи, одним из руководителей Министерства туризма и охраны природы.

— Конечно же, кенийские парки и заповедники созданы для сохранения редких животных: здесь они пасутся,

Найроби

Окончание следует

Владимир СУПРУНЕНКО
Фото участников экспедиции

ДЕРЖАЛИ ДОРОГУ И ВЕТЕР

В 4-м номере нашего журнала за прошлый год рассказывалось о велопробеге «Украинский кордон-93», организованном редакцией «Вокруг света» при поддержке журнала «Мир путешественников» и торгового дома «Вик». Участники пробега — братья Супруненко: Владимир, литератор, увлеченный этнографией, и Юрий, географ. В 1994 году велозаезда вдоль украинского пограничья была продолжена и завершена. Об этом рассказывает предлагаемый очерк.

Крутишь педали и кажется, что мотаешь не километры, а горячий и вязкий, как патока, воздух, который стекает с полуденного неба и липнет к большому и малым степным протяженьям. Травы и чахлый кустарник на обочинах замерли, будто погруженные в мед. Нет сил оглянуться на спутника за спиной, нет желания глазеть по сторонам, чтобы потом соскабливать из памяти приметы прямой и унылой дороги. Взгляд — лишь вперед, где, возможно, засереет пятючок тени от придорожной вербы. Если он мелькнет слева, то, пренебрегая правилами, перескажешь шоссе

и катишь по левой стороне, чтоб хоть на мгновение избавиться от зноя. Некоторое облегчение приносит спуск, когда ветер бьет в грудь, слизывая пот. Однако после спуска непременно — подъем-тягун...

Такое вот начало у нашего путешествия. Вернее, продолжение. В 1993 году, стартовав от днепровских берегов, где когда-то у грозных порогов обрывался водный путь купцов и воинов, мы отправились на восток и, пройдя за полтора месяца по российско-украинскому пограничью почти три тысячи километров, омыли колеса своих велосипедов в днепровских водах в стольном Киеве-граде. В этот раз нам предстояло отправиться за солнцем вдоль южной, западной и северной границ Украины. Но, как и год назад, язык и набор новых карт с «мерилом» (так нынче на украинских картах — «мапах») переводится слово «масштаб»), должны вновь довести нас до Киева.

В 1993 году ситуация, как в пограничье, так и внутри молодой страны, была неспокойная и во многом неопределенная. Это отражалось и на настроении сельского люда, и на его восприятии (а точнее — неприятии!) перемен. Однако новые ветерки (для многих, правда, еще непонятно, с какой стороны они дуют и куда зовут) уже успели повывести из

душ жителей сельбищ и хуторков уныние и растерянность. Это новое еще далеко не радужное, но уже не подавленное настроение достаточно точно передала одна бабуля из полесского села Старики: «Що було, то мы вже видели, а що будз, побачимо».

Если раньше дорожные впечатления сыпались в память без разбору и огранки, а потом выживалось то, что было на слуху у всех, по обе стороны пограничного плетня, то ныне уже захотелось прислушаться к интонациям, посмаковать диалектные особенности языка, пощупать корни. Где они? В какой земле? Как глубоко залегают?

Мы искали эти корни на пыльных обочинах дорог, а сельский люд с тревогой поглядывал на раскаленное небо, и заботы его были о корнях и корешках на пыльных грядах. Мы останавливались на перекрестках, где ветры обдували корявые пальцы, пытались определить, откуда и когда ветер одарит прохладой и влагой. Так пришло понимание того, что солнечные восходы и закаты, ветры, реки и родники, которые определяли и ритм нашего движения, и дорожный быт, издревле составляли коренную основу жизни земледельцев и скотоводов.

Свой язык, свои счеты у селян с природой. Словечками из этого языка, записями

народных наблюдений над поведением ветров и движением вод стали полниться наши путевые дневники. Калейдоскоп пограничных наречий и нравов логично обрамил разноцветную картину природы Украины.

Когда-то украинцы называли природу «животвором». Белые облачка, стремительная вода, желтые пески, черные скалы, соленый ветер, цветущие сады, душистые травы — все это живое творение земли и неба, природа, которая окружает человека с колыбели и определяет его поступь, куда и зачем бы он ни шел. И за что бы ни брался селянин, какое бы дело ни начинал, он всегда оглядывался на время года, сверял свои устремления с природой. Именно природа, ее пейзажи и явления часто формируют внутреннюю суть народа, поэзию его языка.

Многие путешественники прошлого, изучавшие быт жителей окраинной полуденной земли, отмечали их мечтательность, поэтичность, склонность к фантазированию, придумыванию разных чудес, объяснений всему сущему. «Эта-то склонность к умозрению», — писал П.П.Семенов в «Живописной России», — питающаяся, притом, богатою, поэтической природою, среди которой вырастает малоросс, развила в нем воображение, способность к творчеству, чем и обясняется его склонность к символикe, к образам, к чудесному... Какой-то неуловимый, если можно так выразиться, внутренний аристократизм природы и духа малоросса и изящество, так сказать, этого духа породили в украинце и любовь к красотам внешней природы».

У другого бытописателя встречаем такие строки: «Особенно малоросс любит полежать на зеленой травке, на спине, вперив зоры в отдаленное пространство; к этому его располагает прекрасная природа Малороссии». Вот и объяснение многим чертам — прекрасная природа. О ней, как о первопричине, упоминал и А.Афанасьев-Чужбинский, исследуя образ жизни украинского селянина. «Лень проглядывает во всех его действиях и движениях, — замечал он, — но не та, которую придает ему досужие наблюдатели нравов народных... а лень — достоинство южного климата. Лень эта вытекает собственно из всех его работ и занятий».

Эти строки часто вспоминались нам и в степных краях, и близ черноморских лиманов, и на приднестровских взгорьях, и на галицких перекрестках. Мы продвигались на запад «посолонь» — за солнцем, и всегда жаркое его око было рядом с нами — такое уж выдалось лето. Порюю казалось, что жгучий взгляд этого недремлющего небесного стража проникает в самые дальние закутки сознания и там располагается на правах хозяина и строгого судьи. Где-то после обеда полновластие солнца становилось невыносимым, и, как в прохладную купель, мы кидались в спасительную тень под вербами и на берегу сонного пруда, падали на зеленую траву и бесконечно оттягивали время выезда. Предлоги, конечно, были разные, однако каждый из нас хорошо понимал, что первопричина лени — раскаленный солнечный диск, который время от времени злорадно поблескивал в кружевной листве над нашими головами. Именно в этот момент дошел до меня смысл услышанного на одном степном хуторке слова «здорово», которым пожилая степнячка назвала свежую, прохладную погоду. Действительно, в полуденном краю чувствуешь себя здоровым и работоспособным только утром или под вечер, когда солнце стоит низко. «На одну — две коцюбы», — говорят в народе. «Кочюбой» — кочергой в

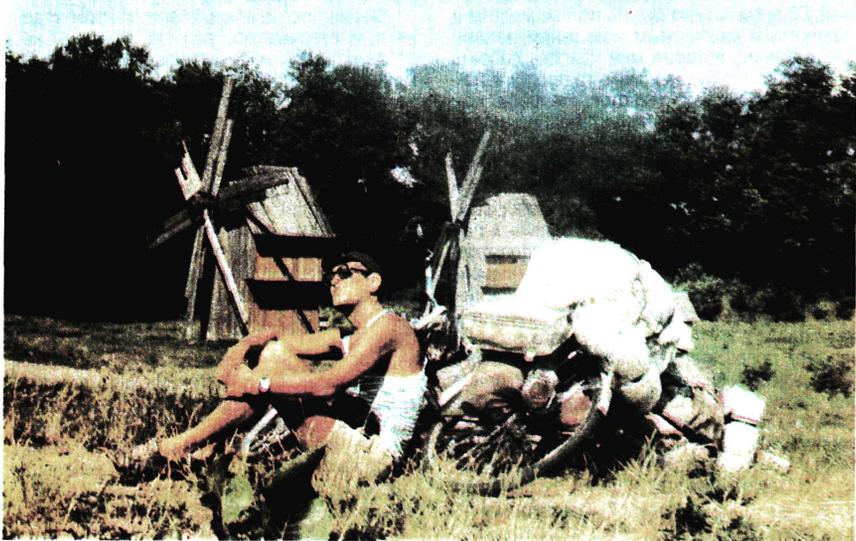
старину измеряли время — селянин на глазок прикидывал, сколько «коцюб» уместится между опускающимся солнечным кругом и землей. Время отсчитывали и «ступнями» — измеряли длину тени ступнями. «Вже й сонце высоченько, двi ступнi тeнь — поря й перепочитъ», — бросал своим товарищам глава артели косарей.

Мы старались выехать пораньше, когда солнце еще выпутывалось из сетей утренних туманов. Росисто и здорово было вокруг, здоровыми и бодрыми чувствовали мы себя в седлах наших велосипедов. Но все стремительнее взлетало над дорогой светило, и росла уверенность, что в творении нового знойного дня принимает участие какая-то злая сила. По народному поверью, солнце после ночного сна выкатывают на небосклон черти. Даже для всеильной нечисти это довольно тяжкий труд. Черти то и дело обжигаются, прыгают в воду, а потом трясут руками — во все стороны летят брызги, из которых рождаются чертенята. Вот почему и ныне матери в украинских селах запрещают дeтворe стряхивать руки после умывания. «На тэ й рушник, щoб погань не плодилась», — отчитывают они своих чад, что озоруют во дворе у рукомойников. Благо, полотенец-рушников в украинских хатах предостаточно. Для вытирания лица и рук существуют специальные рушники-«кутирачи». Под какой бы крышей нас не ждал ночлег, у чьего бы порога не прерывалось наше дневное кочевье, везде после вечернего омовения хозяева протягивали нам, хоть и старенькие, но обязательно чистые рушники. Встречались среди них и красочно расшитые. В каждом регионе — свои краски, свой узор. И в этом рушниковом разнообразье — богатство и пышность природы, взлелеянной солнцем.

С древних времен и степняки, и верховинцы, и полешуки считали себя светополонниками, обожествляли небесное светило и его огненную силу. Эта сила заставляет солнце без остановки и усталости двигаться небесной дорогой. «Куда оно?» — спрашивает внук у деда, который все на свете знает. «До дому», — бодро отвечает старик. «А откуда?» — подкидывает мальчуган новый вопрос. «З дому», — звучит уверенный ответ. «А почему?» — любопытствует малец. Дед чешет затылок. Как всегда, выручает бабушка. Тихо,

почти незаметно катится солнечный колобок, рассказывает она, нигде не споткнется, не зазевается, но за этой легкостью трудная, в поте чела работа. Солнце встанет и утро настанет, хоть и летух не прокукарекает, — солнце просыпается раньше всех и начинает свой долгий путь над степями и горами. Сельские мудрецы утверждают, что солнце может двигаться с разной скоростью. Все зависит от того, какой человек утром начинает работу. Если ленивый, привыкший делать все спустя рукава, то солнце вялое, едва шевелится, иногда кажется, что оно топчется на одном месте. Для человека же работающего, легкого на подъем день проходит быстро — солнце катится по небу, как колесо с горы.

Кстати, со старым колесом от телеги связан один интересный украинский обычай, имеющий прямое отношение к светилу. В начале июля наш путь пролегал по Галиции, и ехали мы, соответственно, уже не на велосипедах, а на «роверах» — так на Западной Украине называют велосипед. Двигались от фигуры к фигуре — так здесь называют придорожные кресты, которые устанавливают на обочинах или в честь какого-нибудь события, или просто так. И вот однажды вечером на окраине села, мимо которого проभागало шоссе, вдруг задергался огонек. Мы проехали километров пять до следующей фигуры и увидели еще один костер. Далеко было до этих костров, и мы развели свой огонь на полянке под старыми кленами. А утром узнали (с сожалением!), что галичане накануне праздновали Ивана Купала. В стремительном велосипедном беге по украинским протяженным перемешались дни и даты, и совсем выпал из головы этот один из самых главных праздников наших предков, который связывали с летним солнцеворотом. В некоторых местностях на Украине существовал обычай, когда на Купала откатывали от костра колесо — это должно было означать поворот светила на зиму. Эта подвижность, резвость солнца отражены в одной древней народной загадке, где светило названо «птицей-вертеницей». «Стоит дуб-стародуб, на том дуби птыця-вертениця — ни хто ее не достане, ни цар, ни цариця» — как голова птицы все время дергается в разные стороны, так и солнце вертится, его ни решетом не поймать, ни в мешок не посадишь. Рассказывали,

что светило в купальский день «играет» на рассвете — переливается всеми цветами радуги, ныряет в воду и опять появляется на поверхности, словно купается.

Когда-то, уверяют старые люди, солнце светило ярче, веселее, так как его утром умывала и чистила яслиночка белокурой красавица. С помощью волшебных снадобий она выводила пятна на солнечном лике, и светило излучало энергию на полную силу. Можно было, скажем, в поле засыпать пшено в казан с водой, и кулеш варился сам по себе, закопашь яйцо в песок — оно тебе и испеклось. Что потом стало с этой панянкой, что солнце чистила, куда она исчезла, никому ныне не известно. Солнце же без obsługi затосковало, побледнело, с его лица уже не сходят пятна.

Восходы и закаты стали украшением наших знойных кочевых дней. И утром, и вечером мы наблюдали за тем, как солнце играет в водах больших и малых водоемов. Их немало встречалось по пути. Голубизна вод радовала взгляд, прохлада освежала тело, однако, как известно, что видит око, то часто зуб неймет. Утолять жажду мы предпочитали из придорожных колодезев и криниц. Они были нашими дорожными маячками, отчетливой желанной целью и одновременно итогом прожитого в скитании по пыльным шляхам дня.

В одном из степных сел Белобережья (так в древности называли херсонские края) незнакомая женщина, которая вынесла нам ковш холодной колодезной воды, на наше «спасибо» ответила сердито: «За воду не дякують». Кстати, странствующий люд в украинских селах привечают и охотно угощают не только водой. В Подолье женщина в черном платке остановила нас и предложила выпить молока. Мы стали отказываться (только перед этим останавливались у колодца), но подолжанка уже наполнила коухол. «Выпейте, хлопцы, за моего сынка, шо вбився на этой дороге месяц назад». Но вот неприятие нашей благодарности за воду — что это? Смысл ответа степнячки такой: напоить путника — не услуга, не проявление доброй воли хозяйина, а его долг. Ведь вода — исток бытия, она начинает и замыкает жизненный круг человека наряду с такими вечными и незыблемыми категориями, как земля, хлеб, солнце.

Странствуя вдоль украинской границы, мы убеждались на каждом шагу в особом отношении сельского люда к питьевой воде (о малых и больших водоемах разговаривать особый). Об этом можно судить по тем метким и колоритным диалектным названиям родников и криниц, которые мне удалось собрать на подольских, буковинских, галицких и полесских перепутьях. Животок, желобок, колыбелька (исток реки), жерло (родник на дне колодца), дзюрок, живинец, ключина, коровье копыто, подгорник, родовище, слойок, студница, чистяк — эти родниковые слова и поныне можно услышать в украинских селах.

Запомнились и надолго угнездились в памяти степные журавли—«взводы», подольские колодцы с каменными корытами—«тырлами», в которых когда-то стирали белье, буковинские криницы—теремки (некоторые из них даже одеты в хрупкое стекло, украшены зеркалами), полесские карликовые хатки. Все в таких домиках внешне настоящее, пригодное для жизни маленьких человечков: и крыша с дымарем есть, и окна на месте, и стены затейливо расписаны. Но вот открываешь дверцу — и из темной глубины веет колодезной прохладой и тайной: — хатки, оказывается, построены для живительной «зашкурной» —

грунтовой — воды. На Буковине многие колодезные сооружения и родники снабжены надписями. Как не притормозить возле родника, над которым выбиты такие слова: «З глыбыни бежить водыця — зупинись воды налиця»? Невозможно удержаться от хотя бы краткой остановки у полевой кринички, к которой прибита табличка «В память о трагической смерти Кушнера Владимира. От родителей». В селении Малинцы под Черновцами буквально в десяти шагах друг от друга стоят два колодца — один возле фигуры, крест которой обвешан рушниками и иконами, другой у родника. Мы напильсь воды из родника. Ополоснувшись, подняли головы и увидели над стеной, из которой струилась вода, вырезанную из жести цифру «50». Рядом с ней (тоже из жести) лепились какие-то слова, но некоторые буквы выпали, поэтому за разъяснением надписи мы обратились к старике, что кряхтел под тяжестью мешка, набитого травой. Буковинец остановился, разогнулся и, присев на свою ношу, сказал: «То ще при советской власти строили, когда пятьдесят год ей справляли. Теперь все, теперь позакопали». Мы так и не поняли — то ли с радостью, то ли с огорчением прозвучали его слова. Но что «все» и что «позакопали» было, кажется, ясно. Родник-то продолжал хлопотать, одаривая прохожих прохладой и чистой влагой. Старый буковинец—трудяга больше не произнес ни слова — сидел на мешке и молча курил.

А вот другой старик, с которым мы познакомились в степном хуторке, был более разговорчивым.

— Далеко шлях держите? — спросил он, косясь на наши обвешанные дорожным скарбом велосипеды.

— До моря думаем сегодня добраться.

— Ой, не советую, хлопчичи, не раджу, — покачал головой старик. — Непогода к вечеру разгуляется — то у меня верна примета.

— Какая?

— Якщо есть времечко, слухайте. Лет сорок я уже вон з того колодезя, с которого вы воду набирали, тягаю ведра. Так вот, когда в сухую погоду накручиваю ворот, колодезь поет высоко, ровно, як по нотам. А перед дождем звук у него какой-то хриплучий, вихлястий, ровно жалитесь на свою долю. Не знаю, в чем тут дело, може, дерево влагу набирает, а може, яка особлива порода. Только я редко ошибаюсь, капризы его изучил, як жинкину долонь. Так-то, погостуйте—ка лучше у меня. Верное дело будет.

Мы не послушали совета старого степняка и отправились дальше. А через несколько часов нас накрыла грозная туча. Правда, она только поугала, ни дождинки не уронила на землю, однако «колодезный» прогноз запомнился.

«Дощику, дощику, зварю тобі борщику в новенькому горщику, поставлю на дуба, лини як з луба — цебром, видром, дийнычкою над нашою пленичкою», — до сих пор с такими словами крестьянские дети обращаются к небу в засушливое время года, вызывая дождь. Вода небес, в конце концов, попадает на землю. Вот почему многие считают, что в подземной воде скрыта тайна дождей, снегов, туманов. Кстати, дожденосные тучи представлялись древним ариям небесными источниками, а слово «колодець» в индийских Ведах употреблялось для обозначения облака. И поныне во многих местностях Украины связь между колодезной водой и звонкими майскими ливнями или затяжными дождями воспринимается очень непосредственно.

Поля истрадалились от засухи. Разморенные жарой и сытным борщом сельские философы проводили время в холодеке под вишнями, пытаясь ответить на один—единственный вопрос: куда ж девается на небе вода, которая испаряется с рек и морей, если она так долго не возвращается в свои земные берега? Их жены мудрствовать не привыкли — им подавай дело, заботу рукам и ногам. На Полесье возле одного колодца мы встретили шумную и пеструю гурьбу женщин, которые что-то бросали в колодезную воду. Как нам объяснили сельянки, чтоб вызвать с неба дождь, нужно в девять колодезев бросить освященный мак. «Мы уже шесть обийшли, осталось ще три. Може, тогда хоть замрячить», — сказала одна молодича и, подоткнув косынку, бросилась догонять подруг. «Замрячить» — значит: появляться легкие облачка.

Не в характере селян сидеть сложа руки и ждать у моря погоды. Какой она будет завтра? Чего ждать от небес? У селянина в памяти множество природных примет, по которым он выстраивает свои дела. В степных хатах—мазанках и горных хижак можно встретить и хитроумные метеоприборы. В селе Маяки под Одессой рыбаки поведали нам об одном удивительном свойстве рыбы—«чужучки» (из рода осетровых). Если эту рыбку высушить и подвесить в комнате к потолку за плавник, то она будет поворачиваться по направлению ветра, что разгуливает по морским просторам. В Черновицком этнографическом музее под открытым небом, где в старой коморе мы прожили два дня, нам рассказали, что на Гуцульщине в селе Головы один верховинец сестерил шаткулюк в виде миниатюрной хатки. Если в окне появляется мужчина с косой, то будет тепло и солнечно, если же показывается женщина с вальком, то жди дождя. Дело в том, что внутри домика натянута особым образом скрученная кишка молоденького ягненка, которая сжимается в сухую погоду и растягивается во влажную.

Наверное, и там, в горах, где живет гуцульский умелец, стояла сушь и безмарка, и мужик с косой день и ночь торчал в окне домашнего барометра—самоделки. Над всей Украиной, над всеми есе приграничными поселениями знойное и чистое небо, и перед нами такая же дорога. Иногда, правда, что-то менялось в природе. Вдруг среди белого дня мелькало в вышине облачко. И тогда мы пытались на глазок определить его цвет, размеры, форму, направление движения — все, от чего могла зависеть наша дорожная судьба.

Так уж сотворен мир: не бывает безоблачной жизни ни на небе, ни на земле. Иероглифы этой природной азбуки вытиснены на собственной шкуре каждого. Однако снова и снова возникает вопрос: откуда вдруг, почему на чистом небе возникает облака? Ответ ищем повсюду: и в себе, и в поднебесье, и в глубинах народной памяти.

Бывалые люди, что прошли лозы и верболзы, утверждают, что это дым от небесных костров, возле которых греются ангелы. Из этого дыма и возникают первые весенние облачка. Их в некоторых местностях называют «помолодками». Некоторые знатоки уверяют, что облачные шары катятся над землей, когда Бог стреляет из пушек в чертей. Большинство же приписывают способность создавать облачную кутерьму именно нечисти.

Тайком от родителей чертовы дети курят трубки—люльки — легкие облачка (их в народе называют «сухмарками», «молодами»)

скользят над горизонтом. Если же взрослые черты задымают своими трубками, обсуждая очередное черное дело, то над землей потянутся вереницы пухлых синеватых тучек. Из отдельных таких туч (в лесной стороне они известны местным жителям как «памеги») уже может накрапывать дождь. Главный бес решил женить сына, и сразу черти-подхалимы бросятся сносить в одно место заброшенные по свету тучки, а когда свадьба уже в разгаре, то на небе такое начинается, что греческой при виде низкой, расстрепанной, черной тучи (полешуки называют ее «хмурой» или «штурмой») крестится и шепчет: «Бис жєнїца, бес жєнїтє... їзбавь Бог!».

Однажды в Подолье облачка впереди сбились в стадо. Повяло прохладой. Кажется, где-то над дальними холмами даже покрал дождик. Но до нас он так и не добрался. Зато мы увидели радугу, что зависла над долинами и взгорьями. Будто отворились двери в иной, пестрый и счастливый, мир. По-украински слово «радуга» звучит как «райдуга». Действительно «рай-дуга» — дуга рая, арка над входом в небесное райское царство. А в памяти уже выстроились другие народные названия этой дуги, такие же цветистые, как и она сама — веселка, веселуха, тенча, дождевница, цмок, смог, туга, коромысло, росалка, коркобец, града.

Мы подъехали к селу Била (неподалеку от райцентра Ямполь), радуга еще не сошла, как вдруг навстречу нам прямо под колеса выпала гурьба детишек. Один загорелый до черноты мальчуган закричал: «Дядьку, тикайте, а то дуга вас втянет!» Мы посмеялись и продолжили путь: втянет — не беда, хоть глотнем прохлады, своими руками пощупаем это небесное чудо. На другом конце села, в балочке взре родничка старуха в платке, завязанном под острым подбородком, пасла козу. Мы спустились за водой и разговорились со старой сельянкой о радуге, дождях, тучах, ветрах и прочих небесных явлениях. Слово за слово — и вдруг из девяностолетней подолянки (свой возраст она нам назвала позже) посыпались чудеса и химеры, которыми полнится земной и поднебесный миры.

Поведала она нам о «тепличине» — чудесных теплых краях, где никогда не бывает зимы, о сказочных Буваличах — далеко от цивилизации — страшном государстве, где с путниками случаются различные приключения. «Не дай вам Бог там оказаться. Лучше обмните те поганские земли. Наши села хоч и победнее ихних будут, но зато народ свой, не песиголовцы какие-нибудь», — строго предупредила старуха. Узнали мы от нее и о закованных во льды полюсах — «бигунах», и об экваторе — «равноденнике», словно обручем, стягивающем земной шар, и о скалах — «ревунах», и о земном «пупце», из которого вода вытекает в реки и моря.

— Бабушка, откуда вы все это знаете? — полюбопытствовали мы.

— А як же ж, я ведь знахарка, всем известная черномагичка. Бабой Сашею меня кличуть. А фамилию свою не скажу, чтоб и себе не зашкодить и вас не спгзлїтї. Поезжайте с добром. Большой шлях вы держите, и нехай вам будет большая удача!

Но мы не торопились — когда еще вот так на обочине доведется встретиться с разговорчивой «черномагичкой».

— Вот вы про воду говорили. А не знаете, куда она на небе девается?

— А чо ж тут знатї Райдуга ту воду пьєт — все земные цвета, а их по нашим украинским землям ой, як багацько, в себя вбираєт. А райдужная вода вельку силу

имєєт. Но треба умєть єє взятї. Зачєрпнєшь єє не так, без святого слова, то перед очами цветные кульки будут, як горох, прыгати — дороги назад не знайдєшь, а голову так райдужным кругом сожмєт, что можєт и трєснутї, начє спєлный кавун!...

Вот и эта приграничная встреча (рядом, через Днестр — Молдова) нашла свое гнездо в памяти, и никаким ветрам теперь не выдуть ее оттуда. Даже если вдруг сорвется злой «молдаван». О северном характере этого северо-западного ветра нам поведали одесские рыбаки. Причем, прежде чем назвать его, глава артели поинтересовался: «А вы, часом, какой нации будете?» Подстраховывался, чтоб ненароком не задеть, не обидеть соседа, живущего через границу в крае, откуда дует нежелательный ветер.

Ветрам же все нипочем, и границы для них не преграда. А человек вот не может, чтобы не отгородиться от соседа, не провести между: это моя земля, а это твоя. И ветры он часто именуєт по названию народа-сосєда. Запорожские казаки, скажем, называли северный ветер «москалем», южный — «бурсурманом», восточный у них был известен как «донец», а западный именовался «ляхом». От ветра, как и от соседа, можно было ждати добра и зла. И люди, живущие на семи ветрах, давно поняли: с ветрами, как и с народами, нужно умєть ладити. Можно заставить ветры крутити крылья ветряков, можно поднять паруса, которые наполнит попутный ветер. Много раньше было по стєли ветряных мельниц, множество разноцветных парусов мелькало на реках и морях. Унесли ветра, развеяли, как пепел, и память, и дух тех времен. Другие сегодня границы, однако прежние ветры проносятся над ними — с прежним характером и прежними названиями. И по-прежнему много чудесного рассказывают в селах об этих ветрах.

«Кто деревья качает?» — спрашивает малец у бабушки. «Та витєр», — отвечает она. «А что такое ветер?» — не успокаивается внук. Бабушка напрягает память, пытается вспомнить услышанное в детстве от своей няни: «Бегаєт по стєпу патлатый члєвїк с длинными-предлинными вусами. Метулїтєсь между курганами и з усїх сил крутити одним усом. От этого и подымается ветер. А як бы он стал моргати двумя усами, то подняєсь бы такой ураган, що перекинув бы весь белый свет». В соседней хате внук обращается к своей бабушке с таким же точно вопросом. В ответ звучит другой рассказ: «По распоряжению атamana-ветродуя с четырех сторон света чєтыре губатыє члєвєка дуют один на другого. Кто дует сильнее, с той стороны и несєтєся на людєй ветєр».

Ветер на дворе — радость и горе. Когда он гладит травы, слизывая ягодки росы, перебирает ковыльные чубы, несет прохладу и надувает паруса, легко и радостно на сердце у человека. «Гуляй ветер по полю, я с тобой», — говорит он. Эти слова и мы не раз повторяли в походе, когда ветер дул в спину и толкал наши роверы к заветной цели или раздувал костер, пламя которого со всех сторон охватывало казанок — вода в нем закипала буквально за несколько минут. Когда же ураган вырывает с корнями деревья, сметает крыши с мирных жилищ и ломает мачты, то путника охватывает страх и порою кажется, что близок конец света. Нам такого урагана испытать не пришлось, однако степной ветродуй, который сломя голову несся навстречу или предательски бил сбоку, ставившая на обочину, доставлял немало хлопот.

Иногда из-за сильного ветра привалы затягивались до заката солнца, когда движение воздуха прекращалось.

Так и живет человек в объятиях то ветровой радости, то ветровой беды. Каждый ветер дует по-своему, у каждого ветра свой характер и свой язык. Существует не один десяток названий больших и малых ветров. Вот лишь некоторые из них, которым нам удалось записать в экспедиции. «Бурай», «бурелам», «гурикан» — буря, «бурхайло» — порывистый ветер, «гирец», «поветрица», «труба» — вихрь, «половий» — теплый летний ветерок, «помирок» — ветер, «низовик» — южный ветер, «пласун» — западный ветер, «зола» — холодный ветер осенью и весной, «суш» — сухой ветер, «суховетрица» — сухая ветровая погода, «шаркан» — сильный ветер, «шквыря» — снег с ветром, «хвища», «куревица», «охи-за», «вихола» — метель. В нескольких местах довольно оригинально нам объясняли этимологию некоторых народных ветровых названий. Так, в селении Коблево неподалеку от Одессы мы услышали следующее «Як спїдницю в молодїцї задерє, то это будет тебе низовка, а як капєлюх собєєт с высокого молодца, то — вже верховик или по-нашему «горишняк».

Степняк и горец по-разному воспринимают ветры и дают им разные названия. «Азовец» — суховей в Приазовье, «горишняк» — верховой горный ветер в Карпатах и Крыму, «кимлач» — сильный ветер в бассейне Днестра, «кимбуз» — восточный ветер на побережье Черного моря в районе Одессы, «забой» — полесский ветер со снегом, который забивает все щели. «Бунация прижала», — говорят азовские и черноморские рыбаки, когда на море стоит полный штиль. Не менее удивительно звучат на украинском морском побережье и названия ветров. «Левант ворочает», — бросают про восточный ветер. «Гарбий волну гонит», — ведут разговор про южную низовку. «Понєт заходит», — говорят про ветер, что начинается с запада. «Тримунтан сорвалєсь», — тревожатся, когда налетает холодный северный ветер. На Азове рыбаки рассказывают бивальцину, что как-то в свое время прислали председателя, который до того море видел разве что во время отпуска. Однажды он спросил у рыбаков, почему они в море не выходят. «Левант воду баламутит», — отвечают. На следующий день рыбацкие баркасы опять на берегу. Объяснили это тем, что гарбий не дает работать в море. А еще через неделю виноватым в бездеятельности рыбаков стал тримунтан. Председатель не выдержал, собрал всех и рубанул: «Леванта уволїтї, Гарбия строго предупредїтї, а Тримунтана чтоб и духа не было».

«Посєсьєтє ветєр — пожнєшь бурю», — говорят в народе. Мудро поступает божество, которое пускает на землю ветер осторожно и бережно, как заботливый хозяин свою коровку на зеленую травку. Умно ведет себя собака, что не лает на ветер, и вдвойне мудрым бывает человек, который не сердится на ветер, не клянет его, с какой бы силой он ни дул, а тем более не бросает на ветер пустых слов. Они очень не нравятся ветровым и другим божествам.

...Мы держали большую дорогу. Вместе с солнцем и ветрами. Они многому нас научили на пограничных перепутьях. Одно на всех солнце и одни ветра. Выучить язык ветров — значит выучить язык нормального общения между людьми, что рядятся в разные одежды.

ДОМ КАРАВАНОВ

Уже который час мы летим над Африкой. ИЛ-76 возвращается на родину: два месяца летчики работали в Анголе, развозя продовольствие в разные уголки этой бездорожной, охваченной гражданской войной страны. И вот теперь — последний перелет...

Я сижу в кабине штурмана и предаюсь наивно-захватывающему занятию — сверяю лежащую у меня на коленях карту с проплывающим, отлично видимым через блистер пейзажем внизу. Давно пересекли экватор, а желтые плоскогорья, изредка сменяющиеся зелеными пятнами лесов, не кончаются. Наконец, уже на закате дня (а вылетели из Луанды с рассветом) бесконечно долгая пустыня оборвалась — и ослепительная синева заполнила пространство.

Были ли это воды Аденского залива или Индийского океана — сказать не берусь, потому как синеву эту вскоре словно обрезала желтая линия берега. И снова под крылом — пустыня, но уже серо-пепельная, каменистая, коричневые узлы гор, барханы до горизонта, плоскогорья, плоскогорья...

Мы пересекаем самый большой полуостров Евразии, в восточной части которого, у берегов Персидского и Оманского заливов, лежит государство ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты. В одном из его эмиратов — Шардже, в международном аэропорту города Шарджа, мы должны приземлиться. Самолет дозаправится горючим, а экипаж надеется день-другой отдохнуть в этом современном караван-сараяе и оставить — не без пользы для себя — так тяжело заработанные доллары.

Штурман, уже не раз бывавший в Шардже, говорит мечтательно:

— Город из сказок Шехерезады...

Трудно поверить в это, видя проплывающую под нами суровую, скудную землю, хотя знаю, что природа щедро одарила ее нефтью и газом. Нефть обнаружили здесь в 50-х годах, и с тех пор страна стала богаче, как, впрочем, и другие государства, расположенные в нефтегазоносном бассейне Персидского залива.

К Шардже подходили уже ночью. Незнакомый месяц — как ломать янтарной дыни — смотрел рожками вверх в черноту неба. Но свет его, ка-

залось, не доходил до земли: она лежала под крылом темная, немая. И вдруг — словно все жемчужины поднялись разом с отмелей Персидского залива, раскрылись и засияли тысячами огней...

Час спустя мы мчались по скоростному шоссе через эту россыпь огней. «Тойота» была взята напрокат прямо в аэропорту. Конечно, наш водитель имел международные водительские права и отлично владел английским, хотя последнее не понадобилось: у стойки, где оформляли прокат, висело написанное от руки порусски объявление — «Прокат машин», и клерк-пакистанец, обслуживающий клиентов, тоже худо-бедно, но говорил порусски. Эта деталь поначалу меня приятно удивила — и только, но потом натолкнула на некоторые размышления, о которых расскажу дальше.

По обе стороны магистрали, соединяющей аэропорт с городом, мерцали в ночи светлые стены двух-трехэтажных особняков. В темном небе плали белые, подсвеченные купола мечетей и стрелы минаретов. Но вот появились многоэтажные здания, очерченные гирляндами лампочек. Их нижние этажи, занятые магазинами, были буквально залиты светом — и казалось, что все товары прямо здесь, на улице. Замысловатые абстрактные скульптуры, фонтаны, подсвеченные розовым и зеленым, разноцветная круговерт рекламы — все это жизнерадостное буйство света и

огня тянулось на километры. И даже когда кончился город, оно не угасло, лишь словно немного успокоилось, чтобы вскоре вспыхнуть с новой силой: начинался новый город — Дубай, крупный порт, столица эмирата Дубай.

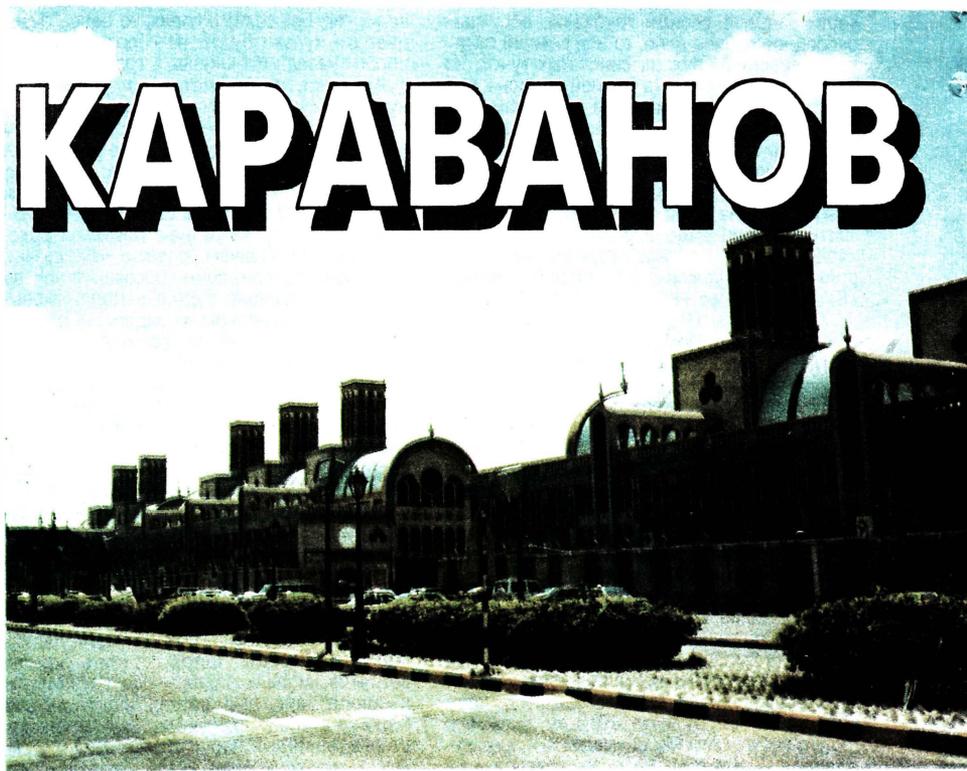
— Может, сегодня какой-то праздник? И иллюминация по случаю? — спросила я своих спутников, уже знакомых с Шарджой.

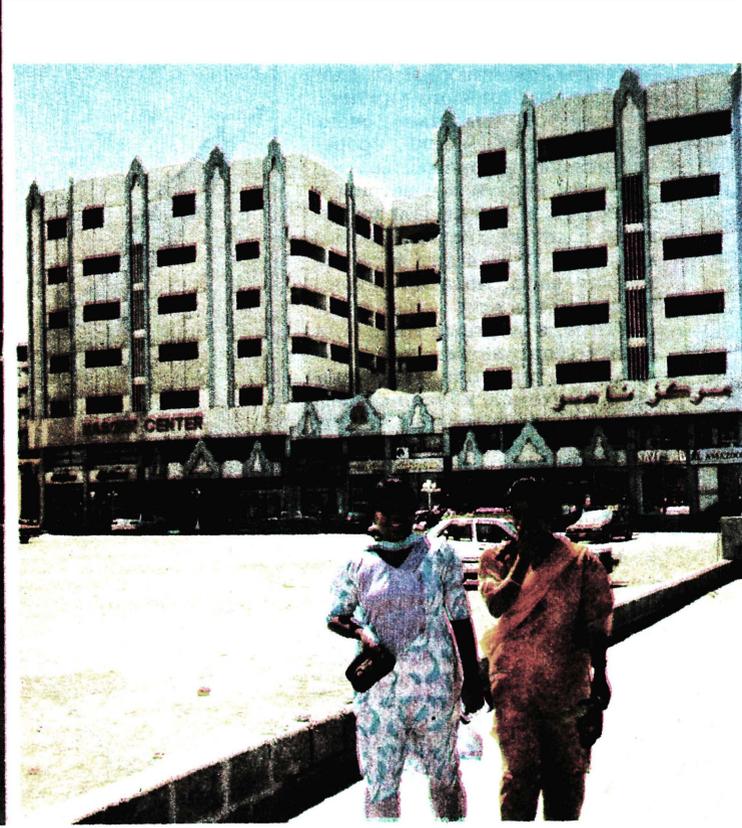
— Она всегда такая...

Действительно, прошел этот день, за ним другой, третий, а вечерняя панорама Шарджи и Дубая оставалась той же. И я поняла, что это был обычный вечер и праздничным он казался только мне, после долгого пребывания в Луанде, где частенько отключали электричество и город погружался в полную темноту.

Утром я выглянула из своего гостиничного номера и увидела на кафельном полу лоджии маленький барханчик и верблюжью колючку. Их принесло ветром из аравийской пустыни. Пустыня начиналась сразу за гостиницей, за синей чашей бассейна, выложенного белым мрамором, и тянулась до самого горизонта, желто-каменистая, жаркая, даже в это мартовское утро. (Кстати, за день барханчик заметно вырос, за что и был сметен безжалостной щеткой служителя-индийца, убирившего номер. Но вскоре маленький холмик песка вновь поселился в углу лоджии.)

Вечерний, залитый светом город и пустыня. Его построили на земле, где

нет постоянных рек, а есть только подземные воды, часто солоноватые, где летом температура поднимается до 50 градусов и лишь зимой бывают недолгие ливни. Но люди жили здесь испокон веков, и традиции долгого существования на этой трудной земле волей-неволей должны были сохраниться. Так думала я, направляясь в город, чтобы рассмотреть Шарджу при ярком свете дня.

...Оазису в пустыне, как известно, полагается быть зеленым. Широкая полоса газона с редкими пальмами тянулась вдоль шоссе на многие километры. К каждому дереву был подведен шланг, каждый метр газона был уложен вручную. С внутренней стороны газон подпирала невысокая насыпь, и по ней были проложены трубы. Самый придирчивый взгляд не заметил бы ни похухшей травы, ни поникших листьев. Даже в многолюдных кварталах, среди многоэтажных домов.

Дома — белые или нежных серых, зеленых, желтых оттенков — выстроились по обе стороны скоростной магистрали, главной улицы города. Их сугубо современный облик естественно сочетался с восточным колоритом. То над голубыми высокими стеклами-витринами нижних этажей увидишь резные панели, прикрывающие спрятанные от жары, как бы утопленные лоджи. То мелькнут тяжелые и тоже резные двери подъездов, то выступающие эркеры сузят зрительно боковую улочку до того, что кажется

идешь между глухими глиняными дувалами...

Мне рассказывали, что в городе сохранились старые дома, построенные из обтесанных коралловых плит. Но сколько я ни ходила по Шардже, а их не видела. Видела районы побогаче и победнее, видела прорезанные бойницами башни каменных дворцов, мечети и минареты, вписанные в жилые кварталы, — но все это были постройки недавних лет, и город продолжал строиться.

В поисках прохлады я зашла во двор многоэтажного дома. В лоджиях сохло белье, тяжелые капли падали с кондиционеров на выложенный плитой тротуар, возле баков в пластиковых пакетах лежал мусор. Разноцветная стайка школьников, бросив ранцы на каменные скамейки, гоняла мяч. Прошла женщина, закутанная в черное, украшенное серебряными монетами покрывало; лицо ее было полуприкрыто платком. Такое традиционное арабское одеяние я видела в Шардже лишь однажды, в основном встречались женщины в европейской одежде. Девушки в ярких шальварах, видимо, пакистанки, тащили сумку с овощами. Группа индийцев, в джинсах и майках, грузили в пикап какие-то ящики: на первом этаже шел ремонт, готовили помещение под ресторан или магазин. Внутри помещения на строительных лесах работали люди, похожие на китайцев. Неожиданно возле пикапа остановился черный лимузин, из него вышел араб в гала-

бее — длинной белой рубаше, с платком-куфией на голове. Как-то лениво, словно нехотя, он подошел к индийцам и процедил несколько слов. Грузчики склонились в почтительном полупоклоне. Похоже, то был хозяин будущего заведения.

Эта случайно подсмотренная картинка, как выяснилось позже, оказалась весьма характерной. В Шардже, как и в других эмиратах, очень много иммигрантов — иранцев, выходцев из Пакистана, Индии, стран Восточной Африки. Их было много всегда — они работали в сельском хозяйстве, на морских промыслах. В наши дни, в связи с интенсивной разработкой нефти, приток иммигрантов еще возрос. Но получить гражданство ОАЭ нелегко, а без этого нельзя открыть свое дело. И чаще всего его открывают коренные жители здешних мест, а на службе у них кто только не состоит... В этом нетрудно было убедиться, побывав в кафе и магазинах города.

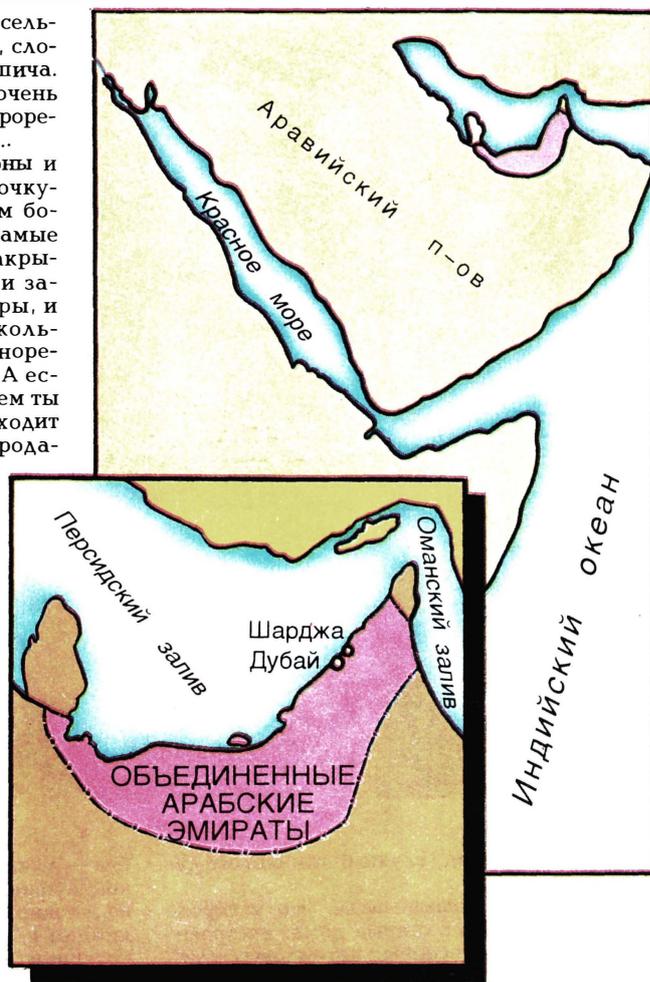
...Этот магазин в центре Шарджи наши соотечественники назвали «паровоз», и, надо сказать, назвали очень точно. Здание состоит из нескольких вагонов-секций, соединенных наземными и воздушными переходами. Закругленные крыши и многочисленные «трубы» довершают сходство. Точное назначение «труб» выяснить мне не удалось, но подумалось — может, это башенки-вентиляторы с отверстиями, открытыми всем ветрам? Ведь такие башенки

встречаются на востоке в сельских традиционных домах, сложенных из сырцового кирпича. А «паровоз» выглядел очень по-восточному — арки, прорези, витиеватые орнаменты...

Чтобы обойти все вагоны и заглянуть в каждую лавочку-купе, и дня не хватит. Тем более, что с 12 до 4 дня, в самые жаркие часы, магазин закрывается. Здесь есть все — и заморские, и местные товары, и должно торговаться, насколько хватит терпения, красноречия и дирхамов, конечно. А если что-то из товаров, на чем ты остановил взгляд, не подходит по размеру или цвету, продавец, любезно улыбаясь, тут же позвонит по телефону, и вот уже несут... Я знала, что Шарджа славится своими коврами и золотыми изделиями. И торчала в этих лавочках, не в силах оторвать глаз от блеска и разноцветья товаров, пока продавцы не стали посматривать на меня с подозрением. Но ни один из них ни словом, ни жестом не поторопил назойливого покупателя. Они торговали с достоинством, и мне вспомнилось восточное изречение: «Только потомком Пророка быть почетнее, чем торговцем».

Если «паровоз» атмосфера почти рыночная, своя, то этого не скажешь о больших магазинах, куда можно въехать на машине и, оставив ее на первом этаже, подняться на второй, третий, а там добраться и до ресторана на крыше с итальянской, китайской, индийской кухней. В таком магазине уже не поторгуешься, и цены здесь пишут не в дирхамах, а в долларах, но внимание продавца к покупателю — неизменно.

Вот маленькое кафе. Прямо у входа, на глазах прохожих жарятся в гриле золотистые куры; с дымящейся на углях баранины, возвышающейся конусом, веселый официант-малаец ловко срезает готовые ломти мяса... Уложив их на горячие лепешки, которые пекутся на железном листе тут же, почти на улице, он исчезает с ароматным подносом в открытых дверях своего заведения, словно приглашая последовать за ним — занять первый свободный столик, уставленный соусниками. (Но выпить, кроме запотевших бутылочек кока-колы или оранжада, ничего не предлагают: в Шардже сухой закон. Говорят, если пьяный появится на улице, ему грозит яма-тюрьма на месяц и десять тысяч долларов штрафа.)

И в магазине «24 часа» (он торгует круглые сутки), даже если ты пришел среди ночи, чтобы купить какую-то мелочь — пачку ли печенья или гроздь бананов, — не увидишь на лице продавца ни тени неудовольствия и усталости. Только приглашающая улыбка.

Умение торговать, даже, пожалуй, искусство торговать здесь отшлифовано веками. Когда-то, давным-давно, жители прибрежных поселений, стремясь наладить торговые связи между юго-западной и южной Азией, бесстрашно пускались в дальние плаванья, становясь первыми навигаторами в Индийском океане. Ну а сегодня это умение проявляется — как частность, конечно, — в объявлениях, написанных по-русски и висящих в некоторых магазинчиках: «Здесь самые дешевые и самые лучшие товары». Торговцы быстро среагировали на приток новых покупателей и стараются заполнить российский челнок, который с блуждающе-целеустремленным взглядом двигается меж торговых рядов, еле отрывая от земли гигантскую клетчатую сумку...

И еще одно наблюдение. В магазине «24 часа», где я была уже за полночь, меня удивило обилие детей. Дневная жара диктовала, видимо, свой ритм жизни... Дети были с родителями, но как бы и сами по себе. И вели себя очень раскованно: трогали игрушки, бегали из зала в зал между прилавками, а один мальчонка ухитрился забраться в витрину и расхаживал среди космических ракет и плюшевых слонов как у себя дома. И никто на детей не кричал, и они не боялись взрослых, и взрослые не опасались за них.

А в ночь отлета я стала свидетелем такой сценки.

...Неподалеку от огней аэропорта, как бы в развилке скоростных магистралей, ярко зеленела освещаемая огнями машин лужайка. Одна из машин остановилась у бордюра, и из нее высыпало большое семейство. Дети бегали по траве, мокрой от ночной росы, кувыркались и радостно визжали. Их отдых был, конечно, непохож на тот, которому предаются очень богатые люди в этой очень богатой стране: демонстрируя верность бедуинским традициям, они выезжают весной в пустыню, разбивают шатры и охотятся с борзыми собаками и ловчими птицами на газелей и дроф. Но кроткое прикосновение к природе, пусть городской, — состоялось, и это радостное завершение дня не уйдет, наверно, из памяти детей и тогда, когда они станут взрослыми...

Под сводами очень современного и по-восточному богатого аэропорта раздавался голос муэдзина (видимо, с ближайшего минарета), и мужчины в белоснежных галабях стояли на коленях — в специально устроенных нишах с ковриками на полу. Они молились, а за их спинами текла жизнь большого аэропорта и диспетчер продолжал объявлять на разных языках о ближайших уходящих в путь караванах.

Я опасалась, что после нескольких дней пребывания в Шардже наш ИЛ-76 не взлетит. Ящики занимали все чрево самолета, до потолка. Немногочисленные пассажиры сидели на узенькой скамеечке, тесно прижавшись друг к другу. Коридорчик в полшага шириной отделял нас от перетянутой веревками, закрепленный растяжками груды вещей. Да, Шарджа — настоящий «дом караванов» — так дословно переводится с персидского «караван-сарай».

Ш а р д ж а, ОАЭ

Виталий ВОЛОВИЧ,
врач, почетный полярник

Рисунки В.ХОМЯКОВА

БРОДЯЧИЕ МАМОНТЫ

Кто летал и плавал в Арктике, зимовал на дальних «полярках» и дрейфующих станциях, испытал чувство постоянной опасности и риска — тот знает, как нарастает внутреннее напряжение и нервы становятся похожими на перетянутые струны гитары. Достаточно легкого прикосновения — и они оборвутся. И есть только одно-единственное лекарство, чтобы выйти из подобного состояния. Это — смех. «Драгоценный дар, — как заметил Сомерсет Моэм, — ниспосланный нам Богом. Он облегчает нашу жизнь в этом смешном мире и помогает терпеливо выносить удары судьбы». Помню, я как-то спросил одного опытного начальника полярной экспедиции:

— Кого бы вы предпочли взять к себе? Посредственного специалиста с хорошим характером или знающего — с плохим? — Я бы отдал предпочтение первому, — отвечал тот. — Первый, конечно, может испортить прибор, но второй — способен развалить целый коллектив. В Арктике ценят шутку, смешную историю, остроумный анекдот. Но особым почетом пользуются розыгрыши. Мне рассказывали о них в палатках на дрейфующих станциях, в кают-компаниях далеких полярных обсерваторий, за столом на арктических аэродромах. Иногда я и сам бывал их автором, а порой — жертвой.

ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ

«Мороз и солнце, день чудесный, еще ты дремлешь, друг прелестный», — раздался за кирзовой стенкой палатки знакомый голос, и через пару секунд в облаках морозного пара в палатку ввалился мой приятель аэролог Вася Канаки. Присев на ящик с полуфабрикатами знаменитой фабрики А.И.Микояна, он приподнял крышку нашей кастрюли, в которой булькали пельмени, и сказал, потирая застывшие руки:

— Выключай свое варево. Объявлен общий сбор. По случаю Первого мая начальство устраивает той. Натягивай доху и — вперед.

В просторной штабной палатке за накрытым столом уже собрались почти все обитатели ледового лагеря Высокоширотной воздушной экспедиции. Кто не мечтал оказаться за таким праздничным столом у самого Северного полюса!

Все были чисто выбриты, надушены, в белых рубашках, выглядывавших из-под суконных курток и голстых свитеров. Позабыты на время многочасовые бодрствования у теодолитов на 45-градусном морозе, бурение лунок в твердом, как бетон, льду, бесконечные промеры океанских глубин, рискованные посадки на неподготовленные льдины, торошения, разломы... И угнетающая секретность, секретность во всем: в записях, радиосообщениях, в разговорах. Словно везде виднелись угрожающие плакаты: «Помни! Враг подслушивает».

Сейчас все — по боку. Хлопают бутылки с шампанским, золотится коньяк и стол украшен яствами, многими давно позабытыми. Все рассла-

бились, зашумели. Потекли анекдоты, байки. Рассказчики сменяли друг друга, изошряясь в остроумии. Только мой сосед, известный профессор-геофизик, сосредоточенно ковырял салат, изготовленный местными умельцами, и лишь иногда криво улыбался, когда анекдот казался ему уж слишком соленым. Вид у него был

такой укусный, что у меня родилась идея: ну, я тебя расшевелю, — естественно, это я сказал про себя.

— Кто сегодня слушал последние известия? — выбрав момент, когда затих смех, спросил я. — Никто? Так вот послушайте новость. Передавали сообщение ТАСС...

— Определенно, о нашей экспедиции, — хохотнул Иван Черевичный.

— До чего ж ты, Иван Иванович, догадливый.

Все наостригли уши, поняв, что грядет хохма.

— Так вот, ТАСС сообщил, что американцы сделали заявление о предполагаемом испытании атомной бомбы в районе Северного полюса в середине мая. Но, поскольку в районе Северного полюса работает советская экспедиция, испытание будет перенесено на август месяц. ТАСС уполномочен заявить, что никакой советской экспедиции в районе Полюса не существует.

Наст пило короткое молчание. Пока сидевшие за столом осмысливали сказанное, мой сосед тихо поднялся и исчез за входным пологом палатки.

Минут через тридцать я покинул еще сотрясающуюся от хохота компанию и выбрался наружу — подышать свежим воздухом. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что мой сосед по столу, вытащив из палатки ящики, аккуратно пакует свои драгоценные приборы...

Больше он в экспедиции не ездил.

ЧАСЫ СО ШМИДТОМ

Хозяин этого кабинета, в старинном здании на улице Разина, 9, знал все. Сюда из самых глухих углов Арктики тянулись невидимые нити радионформации. Он знал, что делают, о чем говорят и чем дышат десятки тысяч тружеников полярных станций, портов и аэродромов. Как выполняются планы угледобычи в Тикси, с кем гуляет жена радиста в Певеке, о чем беседовали за свадебным столом на Диксоне, отчего поссорились «Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Но то, что происходило в последние дни, повергло его в недоумение и гнев. Вот уже целую неделю к нему на стол ложились загадочные радиogramмы, разные по стилю, но совершенно одинаковые по содержанию.

«Коллектив аэропорта Нарьян-Мар убедительно просит зарезервировать четыре комплекта часов со Шмидтом». «Летный состав аэропорта Дудинка просит выделить для поощрения передовиков 10 штук часов со Шмидтом». «Полярники Мыса Челюскин готовы приобрести 15 часов со Шмидтом. Деньги будут высланы немедленно переводом». «Вышлите в адрес аэропорта Тикси 15 часов со Шмидтом. Оплату гарантируем». Было от чего заболеть начальственной голове...

Начальник прикурил новую папиросу от догоревшей и нервно ткнул в кнопку звонка. В просвете дверей тут же появилась сухопарая фигура помощника.

— Ты можешь мне объяснить, что это за хреновина такая? Что за штука — «часы со Шмидтом»? Провокация какая-то.

Он пододвинул к себе красную папку с ворохом радиogramм, лежащую на столе, обширном, как волейбольная площадка, и протянул оробевшему помощнику зеленый бланк, украшенный в верхнем правом углу черным штампом «секретно».

— Ничего не понимаю, — смущенно пролепетал помощник. — Разрешите разобраться.

— Вот-вот, разберись и через час доложи.

Не прошло и часа, как помощник вновь возник перед грозными глазами шефа.

— Разобрался?

— Так точно. Это — проделки Кекушева.

— Кекушева? А при чем тут Кекушев?

— Кекушев летает первым меха-

ником на самолете Головина. Головин следует по маршруту Архангельск — Мыс Шмидта. Вот взгляните, — помощник положил перед начальником карту Арктики. — Я сверил время посадки самолета в каждом аэропорту и даты радиogramм. Радиogramмы уходят или в этот день, или на следующий.

— Ладно. Иди, работай. Вернется Головин — Кекушева немедленно ко мне.

Николай Львович Кекушев был человеком неординарным. Вся полярная авиация знала его не только как блестящего специалиста по авиационной технике, но и как великого мастера розыгрышей. Недаром жертвы его шуток прозвали Кекушева Николаем Леопардычем.

История с часами, как вскоре выяснилось, началась так.

Первым аэродромом посадки был Нарьян-Мар. Экипаж, закрепив машину и зачехлив двигатели, проследовал в столовую, где его ждал тради-

ционный обед по всем правилам полярного гостеприимства — с копченой рыбой, наваристым борщом, отбивными из оленины и сладким компотом. Наполнив стаканы спиртом, принесенным механиком в объемистой фляге, именуемой «конспектом» (бидон со спиртом — противобледенителем носил название — «первоисточник»), произнесли тост за полярных летчиков, и трапеза началась.

Поговорили о московских новостях, о погоде на маршруте, о женщинах, а когда перешли к любимой песне полярных летчиков «Летят утки и два гуся», Кекушев, объявив начальника аэропорта за плечи, доверительно зашептал ему на ухо:

— Слушай, Петрович, ты же знаешь, как я тебя уважаю, вот и хочу тебе один секрет открыть. Только ты обещаешь — никому ни гу-гу. Иначе подведу тебя под монастырь.

Начальник поклялся, что будет нем, как могила.

— Тогда слушай. Второй часовой завод подготовил полярникам сюрприз: новые часы. Особенные. Корпус из самолетного дюрала. А на циферблате вместо обычных цифр — головы полярных героев: Водопьянова, Молокова, Слепнева и других. Но самое интересное — в центре циферблата маленькое окошечко, и из него каждый час выглядывает голова Шмидта и называет время.

А внизу под часами особое устройство смонтировано — воспроизводит в натуре северное сияние. Часов, сам понимаешь, на всех не хватит, но если ты поторопишься, пошлешь радиogramму в политотдел Главсевморпути с обоснованной просьбой — тебя не обойдут.

На следующее утро радиogramма-заказ ушла в Москву.

Успех окрылил Кекушева, и начальник каждого следующего аэродрома узнавал по секрету новость о необыкновенных часах.

Кекушев отделался выговором, но вся Арктика еще долго хохотала, вспоминая историю «часов со Шмидтом».

Но даже часы поблекли в свое время перед мамонтом. Оживший мамонт стал широко известен, настолько широко, что я не стал бы приводить историю с ним, не будь я свидетелем его триумфального шествия.

МАМОНТЫ С ЧУКОТКИ

Как поется в известной песне, «четвертый день пурга качает над Диксоном». Четвертый день снежные вихри носятся по острову, рывча и завывая на все лады. Самолеты Высокоширотной воздушной экспедиции сиротливо мерзнут на уютном в сугробах аэродроме, а ее участники, проклинающая синоптики (они всегда во всем виноваты), изнывая от безделья, развлекаются так как может: преферансом, домино,

анекдотами, чарками спирта или сном.

...Пассажирский зал недостроенного аэропорта походил на шумный цыганский табор. Просторное помещение было вдоль и поперек завалено мешками с полярной одеждой, ящиками с научным оборудованием и запасами продуктов, заставлено раскладными походными койками, на которых в живописных позах коротали время «пленники пурги».

Володя Шапов, второй пилот трудяги Лишки (Ли-2), смотрел очередной сон, когда кто-то потряс его за плечо. Он приоткрыл глаза и увидел согнувшуюся над ним полуодетую фигуру бортмеханика Васи Мякикина.

— Ну, чего тебе? — недовольно пробурчал Шапов. — Такой шикарный сон видел: Сочи, пляж, девочки. И надо же было разбудить на самом интересном месте!

— Потом досмотришь. Вставай, дело есть.

— Ну говори скорее, что за дело, а то хочу сон досмотреть. Пурга не унялась?

— Унялась, не унялась — какая разница, — сказал Мьякинкин. — Дело-то срочное. Надо побыстрее спецгруз оформить.

— Что еще за груз? Опять начальство какую-то хреновину надумало?

— Сено!

— Сено? Ты что — поддал прилично, а закусить забыл? — съехидничал Шамоу. — Откуда на Диксоне сено?

— Самое что ни есть обыкновенное сено. Травка такая, желтенькая, мягонькая.

— Мы что на Полюс коров повезем?

— Не коров, а мамонтов!

— Мамонтов!! — Шамоу даже привстал в спальном мешке от удивления. — Откуда тут, на Диксоне мамонты?

— Да не на Диксоне. На Чукотке. Самые натуральные — все в шерсти, с клыками и даже хвостик сохранился. Их там на Чукотке выкопали из вечной мерзлоты, а они взяли и оклемались. Вот и задали начальству задачу. На Чукотке кормить их нечем, а навигация только в июле начинается. Неровен час помрут: в самолет их ведь не засунешь. Вот и порешили гнать их своим ходом до Архангельска. А чтобы бедняги по дороге не померли с голодухи, приказано через каждые 50 километров сбрасывать им с самолета сено.

— Ну и дела, — пробормотал Шамоу окончательно проснувшись. — А кто еще будет этим делом заниматься?

— Котов и Мальков. Но заковыка в том, что в порту имеется сено в двух видах: рассыпное и в тюках. Сам понимаешь, что в тюках его и грузить легче, и сбрасывать проще. Если мы опоздаем, то останемся с носом. Придется брать рассыпью. А тогда — хана, хлопот с ним не оберешься. Так что давай, одевайся и дуй к начальнику аэропорта. Если он будет отказываться — не поддавайся, — стой на своем, как панфиловцы под Дубосеково. Понял? Действуй по обстановке. Коли надо — не жмись, обещай в благодарность канистру спирта, нельму — у нас ее еще целый мешок остался.

Сопя и чертыхаяся, Шамоу накинул на плечи меховой реглан, нахлобучил малахай, сунул ноги в унты и пошел к выходу.

Едва за ним захлопнулась дверь, все повскакали с коек и, одеваясь на ходу, ринулись следом за Шамоу.

Переступив порог кабинета начальника аэропорта, Володя стянул с головы малахай и, прокашлявшись с мороза, сказал:

— Привет начальству!

— Здорово, Шамоу. С чем пожаловал, небось, опять бензин будешь просить?

— Никак нет.

— А что за срочность такая? Летной погоды еще дня четыре не будет. Успеете сто раз загрузиться.

— Успеть, конечно, успеем, но лучше загадя договориться, чтоб потом горячку не пороть.

— Предусмотрительный ты у нас человек. Ну выкладывай, что надо.

— Сено! — выпалил Шамоу.

— Сено? Вы что льдину устилать будете, чтобы посадка была помягче?

— И что в этом смешного? — обиделся Шамоу. — Это ведь не моя блажь, а важное задание. П р а в и т е л ь с т в е н н о е, — произнес он с расстановкой. — Сено необходимо, чтобы кормить мамонтов.

— Мамонтов? — начальник даже задохнулся от удивления. — Послушай, Шамоу, ты часом не захворал? — заинтересовался начальник. — Может, доктору позвонить?

— Правильно меня предупреждали, что здесь на Диксоне бюрократ на бюрократа, — взорвался Шамоу. — Есть у вас сено, я точно знаю. Только вы его для своих коровок приберегаете, а на мамонтов вам наплевать.

Трудно сказать, какой оборот приняли бы дальнейшие события, если бы под напором тел не распахнулась дверь и в кабинет не ввалилось десятка два людей, задышавшихся от хохота.

Шамоу все понял.

— Ну Васька, гад, помню я тебе твоих мамонтов! — зло бросил он и выбежал из кабинета.

История с мамонтами получила неожиданное продолжение.

Дни через три пурга выдохлась окончательно, и вокруг самолетов заки-

колесам микрометрами — внушительными деревянными молотками. Машины подвозили к самолетам экспедиционные грузы.

К шамоускому Ли-2 лихо подкатил нагруженный «под завязку» виллис. Из него вылез штурман, держа в руках вместительный портфель из черной кирзы, набитый полетными документами, а следом за штурманом вывалились на лед, волоча за собой громадные брезентовые мешки с полярными шмутками, трое московских корреспондентов, обвешенных фотокамерами. Сопя и чертыхаяся, они вскарабкались по обледенелой стремянке в грузовую кабину и без сил повалились на оленьи шкуры, в три слоя устилавшие дюралевый пол.

Наконец двигатели взревели в последний раз, самолет вздрогнул, покатился, набирая скорость, по взлетной полосе и, мягко оторвавшись, устремился на восток.

Вся журналистская троица попала в Арктику впервые, они жаждали информации и поэтому появление в грузовой кабине Володи Шамоу встретили радостными приветствиями.

— Милости прошу к нашему шалашу, — сказал старший группы. — Может, по маленькой, по случаю знакомства? Присаживайтесь. Чем богаты — тем и рады. — И он широким жестом показал на белую скатерку, уставленную московскими яствами.

— Миль пардон, — ответил Володя Шамоу, — в полете не пью.

— Тогда апельсинчик?

— От фруктов не откажусь. Ну, как вам Арктика?

— Фантастика, — сказал самый молодой из журналистов, не отрывая глаз от иллюминатора, предусмотрительно очищенного от наледи бортмехаником. Самолет шел на небольшой высоте. Внизу простиралось бескрайнее белое пространство тундры.

— А что это там за черные пятна виднеются? — спросил молодой журналист.

— Валуны, — уверенно ответил старший. — Так сказать, остатки ледникового периода.

— Валуны! — усмехнулся Шамоу. — Какие же это валуны? Это обыкновенное сено.

— Сено?! — удивленно воскликнула вся троица.

— Сено и есть. Мы уже тонн пять его сбросили. Мамонтов кормить.

— Мамонтов? — недоверчиво спросил молодой.

И тут последовала знакомая история про оживших мамонтов, которых гонят по зимней тундре в Архангельск.

Старший из журналистов, пользуясь предоставленными ему привилегиями, попытался передать прямо с борта необычную корреспонденцию в Москву. Но, ссылаясь на режим секретности, командир отказал. И, хотя в газетах эта информация так и не появилась, Володя Шамоу был отомщен.

пела бурная жизнь. Под замасленными брезентовыми полотнищами зарычали АПЛ (авиационные подогревательные лампы, похожие на огромные примусы). Механики остервенело колотили по примерзшим ко льду

РЕЗИНОВЫЕ ДАМЫ

Их было всего три палатки — три на весь Ледовитый океан от Северного полюса до земной тверди. Их купола нахально чернели среди заснеженных просторов. Ветер заметал снегом эти хрупкие убежища из кирзы и дюрала, ожесточенно тряс их, словно белый медведь зазевавшуюся нерпу. Палатки жалобно скрипели, стонали, но не поддавались натиску стихии. Две из них служили временными складами для экспедиционного имущества, заброшенного накануне на льдину под скромным названием «точка N 1». В третьей разместились маленький десант, состоявший из экипажа ЛИ-2, двух гидрологов, метеоролога и доктора.

Несмотря на царивший снаружи адский холод — спиртовой столбик опустился за отметку минус тридцать градусов, — внутри палатки было тепло и уютно. Шипели голубоватым пламенем газовые горелки, в большой кастрюле булькали пельмени, весело пошвыстывал законченный чайник. Лампочка, раскачивавшаяся под куполом, бросала неяркий свет на небритые, обмороженные лица людей, сидевших на спальных мешках, брошенных поверх оленьих шкур.

Бортмеханик, колдовавший над кастрюлей с пельменями, бросил в нее щепотку перца, лавровый лист, приюхался и сообщил, что пельмень всплыл и готов к употреблению. Затем, покопавшись в мешке, извлек крупную нельму, воткнул ее носом в бортик ящика и, прижимая грудью, стал неторопливо срезать тонкими ломтиками замерзшее рыбье мясо. Оно завивалось полупрозрачной стружкой, образуя розовато-белый холмик. Закончив приготовление строганины, он водрузил на стол алюминиевую миску с маканиной — адской смесью из уксуса, перца и горчицы и торжественно объявил, что кушать подано и господ полярников просят к столу.

— Что ж, братцы, с новосельем, — сказал командир, поднимая внушительных размеров кружку с разведенным спиртом.

— Поднимем бокалы, содвинем их разом, как некогда сказал поэт, — отозвался доктор.

— Поехали, — провозгласил штурман и одним махом опустошил кружку, аппетитно хрупнув луковичей.

Сытость и спирт всегда настраивают на беседу. Сначала пошли анекдоты разного возраста, их сменили случаи из жизни, потом, как и следовало ожидать, разговор перешел на женскую тему.

— Все бы хорошо ребята, — сказал второй пилот Ваня Серегин, только одного не хватает...

Все заухмылялись; зная, чего не хватает Серегину — известному сердцедау.

— А ты прояви смекалку и слепи бабу из снега, — сострил метеоролог.

И тут у меня родилась идея. (Скромно назову ее гениальной.)

— Зачем же снежную, — безразличным тоном сказал я, — когда есть резиновые?

— Резиновые? — насмешливо спросил гидролог Ванин. — А, на, кой они нужны, резиновые?

— Вот для таких, как мы, одиноких мужчин они и нужны. Ученые ведь не зря работают.

— А ты что, их сам видел? — поинтересовался Серегин.

— Почему видел. У меня с собой есть. Их мне конструкторы завода «Красный треугольник» передали перед отлетом на испытания в экспедиции.

— Брось травить, — сказал Серегин, но глазки у него заблестели, и я понял, что рыба готова схватить наживку.

И тут моя фантазия заработала.

— Если не веришь, я и рассказывать не буду.

— Давай, давай рассказывай, — подначил командир, на лету ухвативший идею розыгрыша.

— Ну, ладно, — словно нехотя согласился я. — Сделаны они из специальной резины. Среднего роста. Художники поработали на совесть. Мордашки — прелесть, волосы не какая-нибудь пакля, а натуральные. А ножки, грудь — глаз не оторвешь. Ну прямо как живые, только говорить не могут. Впрочем, конструкторы обещали вмонтировать в них маленький магнитофончик.

— Да ведь они холодные, небось, как ледышки, — заметил Ванин, включившись в игру.

— Это не проблема. Пару литров горячей воды — всего и делов-то.

— Ух ты! — воскликнул Серегин, добитый этой маленькой подробностью. — Послушай, док, может меня в испытатели возьмешь?

— Нет, Серегин, ты человек не-серьезный. Тебе бы только побаловаться, а тут дело ответственное. Надо все изучить, отчет научный написать...

— Напишу, честное слово, напишу, ничего не утаю, вот тебе крест!

— Ну ладно, только тут еще одна заковыка. Образцы-то экспериментальные, дорогие. Неровен час, порвешь чего-нибудь, испортишь. Кто отвечать будет?

— Да заплачу я, не бойся. Хочешь — расписку напишу.

— Ну что ж, — нехотя согласился я.

Со всех сторон протянулись услужливые руки с тетрадками.

— Я продиктую, а ты пиши: «Я, штурман самолета Серегин И.П., получил от врача экспедиции резиновую женщину производства завода «Красный треугольник» для проведения полевых испытаний»...

— Половых? — переспросил Серегин.

— Половых, — подчеркнул я, — сроком на семь дней. «По окончании испытаний обязуюсь представить подробный отчет. В случае повреждения объекта готов нести материальную ответственность». Написал? Теперь распишись и поставь дату.

Я аккуратно сложил расписку и запрятал в карман, стараясь не смотреть на товарищей, давящихся от смеха.

— А где твои дамы? — спросил Серегин.

— Как где? В палатке-складе.

— Тогда пошли, а то еще передумаешь. Чего резину тянуть?

— К чему такая спешка? Подождем до утра, тогда и распакуем ящик.

— Нет, идем сейчас. Будь человеком.

Пришлось доиграть роль до конца. Ползком, преодолевая порывы пурги, мы добрались до палатки-склада.

Часа полтора Серегин, подсвечивая фонарем, переворачивал гору груза. Но, как говорится, нельзя поймать черную кошку в черном ящике, особенно когда ее там нет.

— Эх черт, — сказал Серегин, утомявшись от бесплодных поисков. — Куда же они запропастились?

— Наверное, ящик в Тикси погрузить забыли, — ответил я, изображая огорчение.

Трое суток подряд Серегин первым встречал экспедиционные самолеты, выпрашивая, не видел ли кто ящика с двумя красными крестами. И лишь на четвертые пришел ко мне на поклон.

— Док, ты, конечно, лихо меня разыграл. Но, будь человеком, верни расписку.

Пришлось отдать: сердце не камень. И хорошо, что не камень: очень скоро жертвой хохмы пал я. И если бы мои розыгрыши носили злобный характер, мне бы пришлось испытать горькую чашу до конца.

А чаша-то...

ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

Вы когда-нибудь строили аэродром на льдине посреди океана с помощью лопаты и лома? Не приходилось? Тогда можете мне поверить — трудяга Сизиф мог бы нас пожалеть.

День и ночь (условную) мы возили нарт, нагруженные снежными глыбами, таскали на горбу куски льда, разбивая торосы, голубевшие под лучами незаходящего солнца, забивали ими трещины и, поливая потом, уминали бензиновой бочкой-катком, набитой снегом. Но стало природе пошевелить пальчиком, и взлетная полоса мгновенно покрывалась черными полосами трещин, превращаясь в шкуру зебры. И так раз за разом. Наконец Арктика все же смиловилась над нами, и на Большую Землю полетела радостная радиogramма: аэродром готов к приему самолетов.

Через несколько часов над лагерем появился серебристый ИЛ-14 и, сделав круг почта, помчался по полю, подняв персональную пургу.

А несколько минут спустя мы уже потчевали дорогих гостей чем Бог послал. Пиршество подходило к концу, когда Михаил Васильевич Водопоьянов, порывшись в карманах необъятного реглана, извлек на свет конверт.

— Принимай, доктор, корреспонденцию. Лично. Секретно.

— Это откуда? — удивился я, рассматривая плотный, засургученный конверт.

— Прямо из Тикси.

— Из Тикси? Да у меня вроде бы и знакомых там нет...

— Ладно, не скромничай. Наверное, успел там завести какую-нибудь зазнобу...

Когда гости разошлись по палаткам, я вскрыл пакет и, в первую очередь, взглянул на подпись. Профессор Мац. Профессора я знал — это был известный гигиенист, долго работавший на Севере.

«Дорогой Виталий Георгиевич! Наша научная группа проводит в настоящее время важные исследования, вызванные вспышкой гельминтоза среди полярников. Как известно, источником этого заболевания является сырое мясо арктических животных — белых медведей, нерпы и ряда сортов рыб, зараженных различными видами гельминтов, особенно широким лентецом (*Diphyllobotrium latum*) и трихинами (*Trichinella spiralis*).

Заражение происходит при употреблении в пищу строганины — сырого замороженного мяса, считающегося в Арктике деликатесом, а также при контактах с собаками, которые тоже являются носителями этих паразитов. По данным американских специалистов, показатель зараженности превышает 66,5 процента. Поскольку участники Высокоширотной экспедиции, в основном, жители средней полосы, весьма важно выявить, имеются ли среди них случаи глистных инва-

зий. Это представляет большой научный и практический интерес. Вы являетесь единственным представителем медицины в экспедиции, и потому прошу Вас принять посильное участие в этой важной и актуальной работе. С этой целью необходимо со-

брать пробы кала у всех участников экспедиции, упаковать их в металлические емкости (с этой целью можно использовать тщательно отмытые консервные банки), утеплить и с попутным самолетом отправить в Тикси в адрес экспедиции Института коммунальной гигиены.

Ваша работа войдет в комплексный отчет Института в качестве самостоятельного раздела.

С глубоким уважением профессор Мац, P.S. Если Вам потребуется для работы книга профессора Заварзина «Глистные инвазии» — сообщите. Пришлю с первой оказией».

Весьма лестное предложение. И какой молодой врач не мечтает стать служителем науки, поставив свое имя рядом с именами корифеев? Актуальность работы не вызывает сомнения: об этом мне было доподлинно известно из литературы об Арктике. Но внутренний голос шептал — а вдруг это розыгрыш, и тогда... Вот уж когда отольются все мои «покупки»...

Однако, обдумав возникшую проблему со всех сторон, я отбросил сомнения. Да и кто смог бы создать столь хитрый документ, коли вокруг на тысячи километров не было ни единого врача и даже фельдшера? Особенно убедительным казался постскрипtum о книге Заварзина.

«Ладно, — решил я, — пожалуй, соглашусь, но на всякий случай pošлю-ка радиogramму в Тикси. Пусть Мац подтвердит предложение».

Я быстро набросал текст радиogramмы и, накинув куртку, потопал в соседнюю палатку к радистам.

— Привет труженикам эфира!
— Привет, док. С чем пожаловал? Присаживайся к столу.

— Я на минуту. Мне бы радиogramму отбить в Тикси.

Из-за полога, за которым размещался шифровальщик, высунул голову Валентин Костин. Он прочел радиogramму и, покачивая головой, спросил:

— А где виза?

— Какая виза?

— Кузнецовская. Без нее не имею права. Закон — тайга. Сам понимаешь.

— Будет тебе виза, будет и свисток.

Я помчался в штабную палатку.

Палатка штаба была вдвое просторней наших, но зато и холодней. В центре, на двух составленных столах лежала огромная карта Центрального полярного бассейна, над которой склонились начальник экспедиции Александр Алексеевич Кузнецов в своем неизменном синем генеральском кителе и накинутой поверх меховой безрукавке и главный штурман Александр Павлович Штепенко. На походной койке под иллюминатором о чем-то беседовали Водопоьянов и ученый секретарь экспедиции Евгений Матвеевич Сузюмов.

— Разрешите, Александр Алексеевич?

— Как дела, доктор? Больные что ли появились? — спросил Кузнецов.

— С большими все в порядке. Их просто нет. Я бы хотел радиogramму завизировать.

Кузнецов взял бланк, внимательно прочел и вдруг заулыбался.

— Ловко вас разыграли.

— Не может быть, — уверенно заявил я.

— Очень даже может, поскольку я знаю авторов.

Ну и ну. Так влипнуть! Но кто? Кто так блестяще подготовил послание? А ведь я было начал даже присматривать банки, лежавшие рядом с палатками...

Ответ на мучивший меня вопрос я получил только через полчаса.

Авторов было двое — Водопоьянов и Сузюмов. Помимо присущего им обоим чувства юмора (которого было бы недостаточно), Евгений Матвеевич, как оказалось, в молодости был ветеринарным фельдшером. И он, конечно, знал и латинские наименования паразитов, и книгу Заварзина — те тонкости, на которые я купился. Ежели бы не секретность, остановившая мою радиogramму, я бы погиб.

Сценарий всех событий был продуман до деталей, начиная от добровольного приношения в мою палатку пустых банок и кончая шумом, который должен был поднять летчик, когда я попытался бы передать ценный груз.

Я вам говорю: в Арктике надо держать ухо востро!

БЕЗЗАЩИТНЫ ДАЖЕ В БРОНЕ

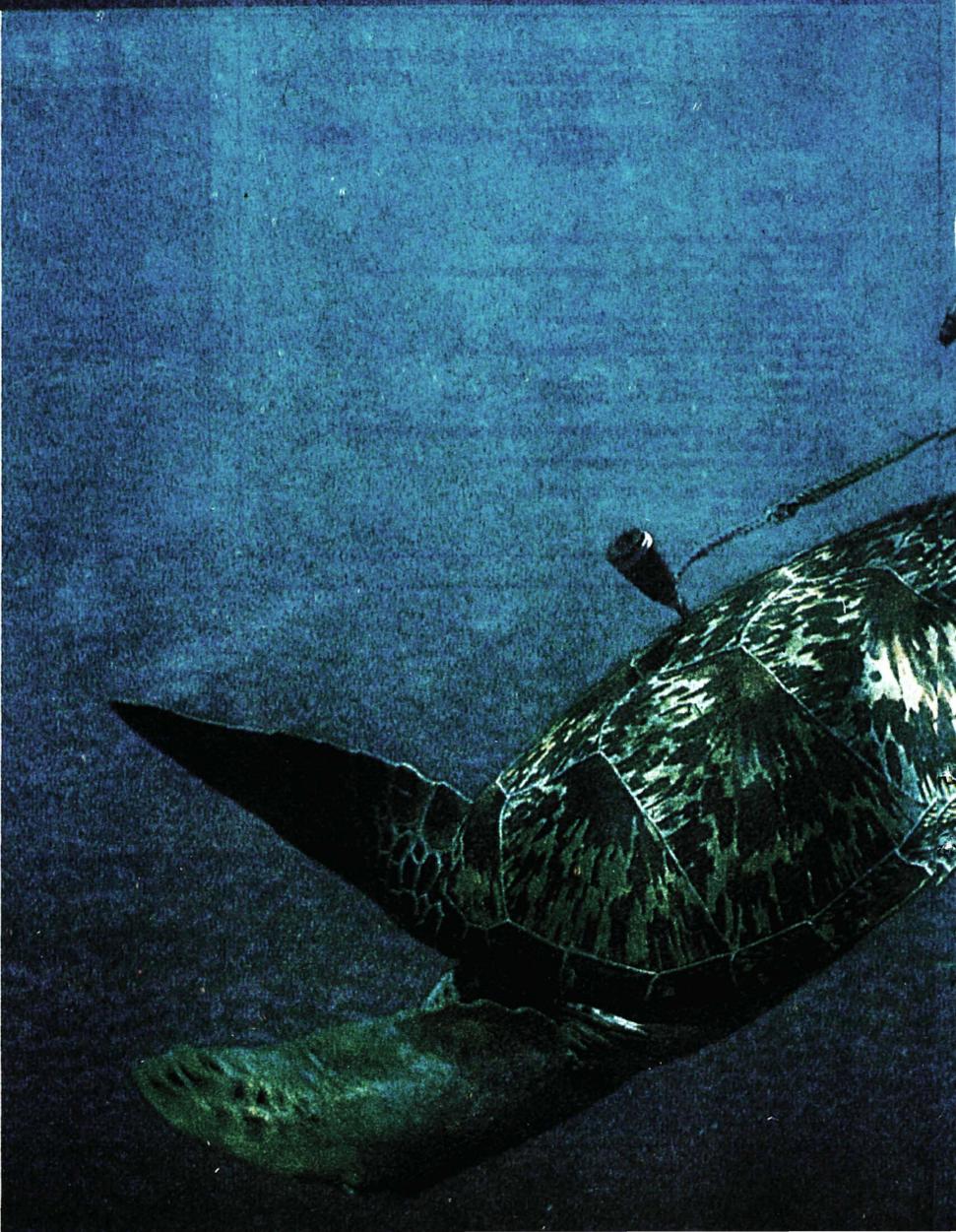
Ни одно животное не может сломать панцирь морских черепах. И хотя некоторые из них запросто расправляются с ядовитыми кубомедузами, поведение морских черепах, скорее, оборонительное. Однако эти свидетели юности Земли обречены на вымирание. В Индонезии отлавливают сотни черепах, отправляя их потом на бойню. А в Австралии ученые и просто добровольцы борются за спасение рептилий, заботятся о каждом новом поколении этих животных. Будущее морских черепах в руках человека.

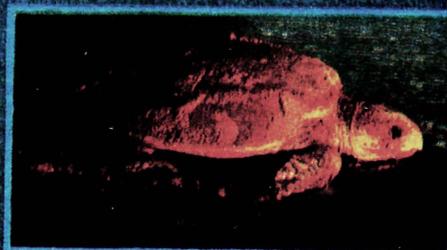
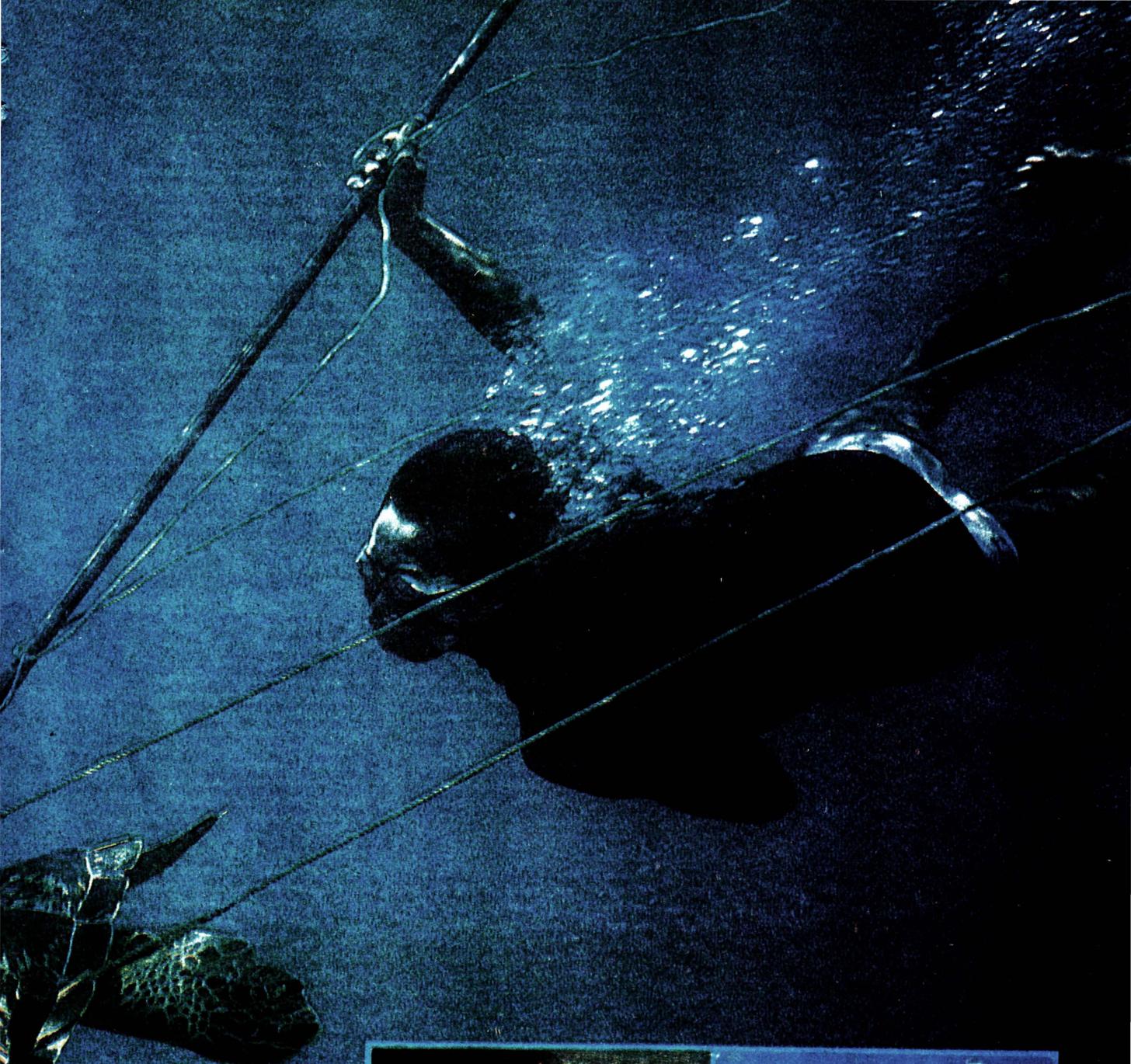
ПОХИЩЕНИЕ «УПРЯМИЦЫ»

Черепахе еще никогда не тревожили в час послеобеденного отдыха. Уединившись в пещере под восьмиметровой толщей воды, она отдыхала, слегка покачиваясь на волнах, гонявших на поверхности мелких рыбешек. Должно было пройти не менее четверти часа, прежде чем наступило бы время подняться наверх и глотнуть свежего воздуха, как вдруг ей, словно пеленой, загородил обзор пузырек воздуха, из которого внезапно вырос человек.

Черепахе уже приходилось сталкиваться с человеком в нескольких километрах южнее по берегу. Однако этот выглядел как-то странно — перед лицом он нес здоровенный красно-оранжевый глаз, изо рта у него торчал хобот, а за спиной был виден ярко-красный горб.

Аквалангист осторожно вытащил черепаху из пещеры и, медленно поднимаясь, поплыл с ней в сторону берега. Сначала черепаха была немного ошарашена. Но спастись бегством, оглушить потревожившего ее человека с помощью плавников и быстро ударить было чуждо ее характеру, хоть и упрямому, но миролюбивому. В конце концов,

она смирилась со своей участью и даже сама поплыла за аквалангистом.

Более нежного похищения и быть не могло: равномерно и элегантно размахивала черепаха передними плавниками вверх и вниз. А задними она, тем не менее, пыталась грести назад, но бдительный спутник решительно подтолкнул черепаху к берегу.

Животное положили на специальные носилки и отнесли в вездеход, чтобы отвезти в лабораторию в Мон-Репосе. Там, в миле от горы Бунда, на квинслендском побережье Австралии находится крупная научно-исследовательская станция. Кстати, это место облюбовали не только ученые, но и туристы — оно очень популярно на побережье.

Однако для руководителя станции Колина Лимпуса очередной экземпляр *Caretta caretta* не был достаточным основанием прервать исследования и выйти на улицу.

«Положите «упрямицу» в тень, — попросил он своих помощников, — и переверните ее на спину, чтобы не смогла убежать. Ближе к вечеру я вынесу ее на берег и покажу туристам».

Колину Лимпусу трудно возразить. Он — большой авторитет на научной станции. И не только потому, что Лимпус — ее руководитель, 53-летний зоолог — лучший знаток морских черепах в Австралии. Наверное, и во всем мире не найдется человека, который столько бы знал об этих животных.

На станции работают два десятка молодых добровольцев: в основном студенты, готовые пожертвовать своими каникулами для помощи доктору Лимпусу.

В середине австралийского лета (ноябрь-декабрь), после заката солнца на побережье происходит то, что известно всей Австралии: приходят «упрямицы». Приходят, послушные зову природы, чтобы продолжить род, создать новое поколение прекрасных рептилий.

От 600 до 800 кладок яиц закапывают черепахи в золотистый песок побережья Мон-Репоса в течение сезона.

Насладиться этим зрелищем собираются толпы людей — иногда до ста зрителей на одно животное.

Помощники Колина Лимпуса постоянно кричат собравшимся: «Никакого света! Не подходите ближе!»

Опасность заключается в том, что, пока черепахи ползают по берегу в поисках места для гнезда или прячут отложенные яйца, бурная реакция собравшихся и свет ламп могут отпугнуть животных, и тогда они уползут назад в море, не выполнив предначертанное природой.

Вот самка отложила три первые яйца, величиной с теннисный мячик. Среди собравшихся пронесся восторженный шепот. Ведь это рождение новой жизни. Отложив еще сотню яиц, черепаха закапывает кладку. Сначала она попеременно сгибает внутрь задние плавники и, как будто с помощью рук, прячет отложенные яйца. Потом начинает двигать передними плавниками, которые залпом выбрасывают вверх песок и громко хлопают над панцирем.

Кладка закончена. Задние конечности животного беспомощно лежат на песке, передние подняты над головой. Время от времени слышатся тяжелые вздохи.

Наконец уставшая мать направляется к морю, сопровождаемая неутомимыми фо-

тографами, которых Лимпус ненадолго подпустил к ней. Для фотографов это особенно привлекательный момент — черепаха, достигнув воды, из тяжелой, медлительной рептилии превращается в легкую бабочку, порхающую в море.

Она высовывает из воды голову, чтобы в последний раз посмотреть на берег и глотнуть свежего воздуха, и уходит в свою родную стихию...

ПОЛДЮЖИНЫ УЦЕЛЕВШИХ

Через два-три месяца после кладки яиц вылупляются маленькие крепыши. Кажется, что их очень много. Однако в море потери нового поколения ужасны. Это настоящая драма. Подсчитали, что из 1000 черепашек лишь полдюжины доживают до возраста половой зрелости и могут произвести потомство, достигнув 30-летнего возраста.

«Их естественные враги, — считает доктор Лимпус, — хищные рыбы. Они проглатывают много детенышей. Но сегодня по вине человека погибает все больше взрослых черепах. Например, здесь, на побережье, собираются ловцы крабов. В их сети часто попадают черепахи и, задохнувшись в них, погибают».

Уже больше 20 лет Колин Лимпус и его коллеги наблюдают за рептилиями, выходящими на побережье в сезон размножения. В семидесятых годах приходило до 500 самок в сезон. Это число сократилось в 80-х годах до 200.

В 1991 году в Австралии было принято решение взять под защиту узкую полосу побережья у горы Бунда. Новый закон определяет защитную зону до 13 тысяч километров континентального побережья. По расчетам, на каждое животное должно приходиться до 23 километров.

Все виды морских черепах (а всего их в природе семь) занесены в международную Красную книгу как обреченные на вымирание.

Но что же ждет нашу старую знакомую? (Помните, ее поймали в море и привезли на вездеходе в Мон-Репос.) Толпа зрителей обступила несчастное животное.

Доктор Лимпус собирается провести на этой черепахе эксперимент с помощью нового метода исследования рептилий — лапароскопии. Его цель — выяснить, откладывало ли животное в последнее время яйца или нет.

То, что черепаха — самка, Лимпус определяет по длине хвоста. Кроме того, на переднем плавнике у нее метка, свидетельствующая о том, что она уже приходила на побережье пять лет назад.

Что же дают ученым подобные эксперименты?

Раньше зоологи знали лишь о небольшом отрезке жизни взрослых самок, выходящих раз в пять лет на берег откладывать яйца. О других группах — самцах, детенышах, которые еще не достигли половой зрелости, то есть о 90 процентах популяции, ученые долгое время ничего не знали.

Сотни черепах отловили Лимпус и его команда на австралийском побережье, прыгая с лодки на глубину за плывущей красавицей. Два раза во время такого «родео» ученый разбивал себе нос. Помощники часто

повреждали пальцы рук и частенько возвращались домой с выбитыми зубами. Но только благодаря этим усилиям доктор Лимпус может твердо сказать, что на каждую самку вида *Caretta caretta*, достигшую половой зрелости, приходится более 100 собратьев разного возраста и пола. Но перед исследователями стоит еще много вопросов. Как ведут себя эти группы по отношению друг к другу? На какой стадии жизненного цикла животное находится? Потерю скольких самок может пережить данная популяция?

Все виды морских черепах — кочующие, если так можно выразиться по отношению к морским животным. *Caretta caretta*, в отличие от черепах других видов, обычно держится в пределах побережья, не уплывая далеко в море. А зеленая, или, как ее еще называют, суповая черепаха — *Chelonia mydas*, напротив, проплывает не менее тысячи километров от мест произрастания водорослей, которыми она питается, до берега, где откладывает яйца.

«Очень мало мы знаем о миграциях и динамике развития популяции этого вида черепах, — сетует Лимпус. — И знали бы еще меньше, если бы не работали на одном из островов Большого Барьерного рифа».

НА КРЮЧКЕ У УЧЕНЫХ

Эмма Гуирис, аспирантка доктора Лимпуса, поглощена идеей узнать, сколько же детенышей зеленой морской черепахи *Chelonia mydas* выживают, пересекая воды, полные акул. Или, точнее сказать, сколько детенышей выживают в первые десять минут пребывания в морской воде.

Эмма придумала гениальный способ наблюдения. Прицепив к панцирю черепашек крючки, она плывет вслед за ними.

Место, которое было выбрано для эксперимента, находится недалеко от острова Цапель, что на юге Большого Барьерного рифа. До 50 черепах за одну ночь приходят на этот остров. Эмма Гуирис уже пятый год работает с их детенышами. Каждому животному делают в панцире отверстие и прикрепляют нейлоновый крючок с леской. Леска должна быть 10 метров длиной — Эмме нужен хороший обзор. Тогда она сможет защититься от хищных рыб.

Пять из двадцати черепашек были схвачены рыбами в первые десять минут.

Получив такой результат, Эмма решила провести еще один опыт. Отлив и прилив, полнолуние и новолуние, день и ночь — как эти факторы влияют на перемещение хищных рыб? Оказалось, что смена дня и ночи никак не воздействуют на поведение хищников. Однако выяснилось: больше всего черепах выживает во время прилива и в новолуние.

Но помогут ли черепахам эти исследования и степень доктора зоологии, которую получит Эмма Гуирис за проведенные эксперименты? Ведь животные никогда не покинут своего излюбленного места кладки.

«Я не могу точно сказать, чем моя работа реально может помочь черепахам, — размышляет Эмма. Мы лишь строим догадки и гипотезы, с помощью которых пытаемся сохранить популяцию этих животных, кочующих с одного места на другое».

Исследования, проводимые Эммой Гуирис, доказывают, что уровень выживания черепах очень низкий и, основываясь на этом, нужно разработать метод сохранения морских черепах.

Но не имеет смысла охранять рептилий только в одном районе, так как, переплывая на другие территории, они все равно могут стать жертвами хищных рыб.

Почти половина зеленых морских черепах (*Chelonia mydas*), обитающих на Большом Барьерном рифе, мигрируют от мест кладки яиц на побережье до мест, богатых кормом, выходящих за границы Австралии и расположенных у берегов Новой Зеландии, Новой Гвинеи и Индонезии.

ОХОТНИКИ НА ЧЕРЕПАХ

А там, в морях севернее и восточнее австралийского континента, с давних времен и по наши дни ведется охота на морских черепах, которая запрещена в Австралии.

«Я не могу ездить по этим странам, как это делает Колин, и убеждать местные власти запретить охоту на редких животных, занесенных в Красную книгу, — говорит Эмма Гуирис. — Скорее, я научусь ходить по потолку нашей лаборатории, чем бюрократы примут какое-то решение».

Доктор Лимпус, напротив, ездит в Индонезию и объясняет властям, что черепахи не воспроизводятся через семь — восемь лет, как некоторые считают. Он уже давно занимается изучением этих животных, и его исследования показали, что *Chelonia mydas* может иметь потомство только через тридцать лет после своего рождения.

«С помощью научных исследований, — объясняет Лимпус, — можно свести на нет аргументы торговцев черепаками. Моя коллега Жаннет Норман летала в Бали и брала пробы крови у пойманных там черепах. С помощью генного анализа она установила, что эти рептилии родились не на индонезийском побережье, как утверждают торговцы, а в Австралии, и перекочевали сюда в поисках корма».

Остается только надеется, что местные власти, которые вправе запретить охоту на черепах, прислушаются к мнению ученых.

Беноа, рыбацкая деревушка на острове Бали — жемчужине индонезийских островов. Она расположена на песчаной косе на юге острова. В деревне два ресторана и протянувшийся на сотню метров пляж для туристов. Многие из них, за очень почитаемые здесь доллары, стремятся насладиться впечатлениями; покатаются на лодках, посмотрят храмы и хижины местных жителей.

Невидимая и редко пересекаемая граница отделяет этот туристский район от настоящей деревни. Недалеко от побережья, где еще слышны восторженные голоса туристов, стоит здание с выходящим во двор навесом, обнесенное стеной с колючей проволокой и осколками битого стекла, чтобы никто посторонний не мог попасть на территорию.

Если все-таки окажешься под навесом внутри здания, проникнув с другой стороны фасада через маленькую деревянную дверь, то увидишь на стене надпись — «R.S.» — сокращенное название фирмы Rasa Sayang, переводится как «чувство любви». Однако то, что здесь происходит, никак не связано с этим чувством. Скорее, наоборот.

Ученые наблюдают за появлением на свет нового поколения морских черепах.

45 черепах лежат одна на другой на бетонном полу. Здоровые, толстые самки и самцы. Передние их плавники связаны так, что они не могут двинуться с места. Трое сотрудников ставят на панцирь следующей жертвы номер 46. Ее панцирь не будет распилен, его всего лишь откроют, освободят от внутренностей и продадут туристам, жаждущим экзотики. И он будет висеть вместо украшения где-нибудь в Америке или Европе.

Эти люди вскрывают панцири бедных жертв, как консервные банки. Но консервы не двигают плавниками и не высовывают из панциря голову, пытаясь воспротивиться насилию. Черепахи устроены так, что, даже после того, как их разрезали на части, они еще продолжают жить.

Существуют и другие способы уничтожения этих животных. В Мексике используют специальный пистолет, из которого стреляют в голову черепахи. После такого выстрела ее жизнь обрывается мгновенно.

Но сегодня стоит вопрос не о том, как «гуманно» убивать черепах, а о том, чтобы сохранить бесценные виды, многие из которых обречены на вымирание.

Индонезия — идеальная страна для морских черепах: 70 процентов территории занимает океаническое побережье. Место для кладки можно найти и на 1300 островах, которые расположены в акватории диаметром 5000 км. Здесь обитают шесть из семи видов морских черепах. На все виды, и особенно на *Chelonia mydas* и *Eretmochelys imbricata*, ведется беспощадная охота.

У них самый ценный панцирь, из которого делают безделушки или продают его целиком.

Кроме того, из яиц и мяса *Chelonia* на Бали готовят массу блюд для туристов.

Морских черепах приносят в жертву в буддистских храмах на острове. Собственно, в жертву приносится только голова животного, а мясо жарится на ритуальных празднествах.

На поиски взрослых, больших черепах охотники пускаются в восточную Индонезию на Ириан Джайя, на острова Ару и даже к австралийскому побережью. Практически нет мест на побережье, где нельзя было бы увидеть рыбаков на моторных лодках, которые ловят черепах с помощью сетей или убивают их гарпуном. Дальнейший путь охотников за черепаками лежит в Беноа. Нигде в мире вы не увидите столько торговцев черепаками, как в этом месте. По подсчетам «Гринпис», в 1989 году здесь было продано 14 тысяч черепах. В 1990 году минимум еще 21 тысяча животных, из которых большинство умерло в пути и было выброшено назад в море.

И, хотя все больше черепах становятся добычей охотников, ученые все-таки надеются, что еще долго смогут видеть животных, выходящих на побережье, чтобы дать жизнь новому поколению.

По материалам журнала «Гео»
подготовил И. КУЖЕЛЬКОВ

Денис УИТЛИ,
английский писатель

Роман

СОКРОВИЩА ЦАРЯ КАМБИЗА

Глава VII

ЕГИПЕТСКАЯ ПРИНЦЕССА

Моя одежда? — выдохнул Лемминг, рассеянно разглядывая свой индейский наряд.

— Именно, — сказал я. — Нижнее белье и пальто можете оставить себе. Мне нужны только ваши замечательные перья.

— Но позвольте, — возразил он. — В чем, все-таки, дело? Кто вы, хотя бы, черт побери?

— Вы узнаете, кто я, когда вас вытряхнут из одежды, если вы не заберетесь в машину и сами не сделаете это.

Он бросил испуганный взгляд в сторону Клариссы, и та хихикнула.

— Живее! — скомандовал я. — Иначе вы вскоре будете являть собой самое необычное в Александрии зрелище.

Его кулак, нацеленный мне в лицо, мелькнул в воздухе, но я вовремя пригнулся и сильно ударил его чуть выше сердца. Он вскрикнул и, стукнувшись о кузов автомобиля, рухнулazole.

— Вы весьма своенравны, — сказал я ему. — Я рад бы научить вас иным манерам, но у меня нет времени. Так вы собираетесь снимать одежду или нет?

Пыхтя, он покорно вполз в машину. Чтобы он не попытался улизнуть через дверь с другой стороны, я стоял и смотрел, как он снимал перья и стягивал с себя кожаный костюм индейца.

— Оставьте все на сиденье, — сказал я.

Надев свое короткое светло-коричневое пальто поверх нижнего белья, он вылез из машины, и от вида его тощих

Продолжение. Начало в №2, 1995 г.

босых ног во мне шевельнулась жалость — я велел ему разуться, зная, что так труднее добраться по каменной дороге до шоссе. Крикнув Гарри, чтобы он не спускал с него глаз, я залез в автомобиль и сменил длинную шелковую джиббу Амина и феску на индейские одежды и разноцветные перья, а затем Кларисса занялась моим лицом.

По счастью, грим на лице Лемминга по цвету не слишком отличался от моего, и я надеялся, что если мы сымитируем его боевую раскраску, разница не бросится в глаза. У нас, конечно, не оказалось желтой охры, но помада Клариссы была того отвратительного оранжевого оттенка, которым иногда пользуются женщины, и она подмешала к ней немного белого маслянистого грима с лица Гарри. Когда она закончила рисовать круги и полосы на моем лице, я выглядел почти так же грозно, как настоящий индейский воин.

Мне очень хотелось связать Лемминга, но я опасался, что таксисты могут усмотреть в этом что-то выходящее за рамки шутки. Мы далеко отъехали от шоссе, и без ботинок ему потребуются не меньше часа, чтобы добраться до ближайшего гаража или телефона. Я полагал, что такого выгрыша во времени вполне хватит. Щедро расплатившись со вторым водителем, я отослал его в Александрию, а Кларисса, Гарри и я последовали за ним в другой машине, оставив посреди дороги осыпающего нас проклятиями Лемминга.

Около пяти часов мы подъехали к дому принцессы Уны.

Оставив Гарри и Клариссу в машине, я поднялся по ступенькам и позвонил. Несмотря на поздний час, дверь немедленно открылась, и я увидел молодого темнокожего слугу в хорошо пригнанной ливрее традиционного турецкого покроя. Он пригласил меня в просторный вестибюль с высоким потолком и висячим фонарем, освещавшим лишь небольшую часть помещения. С пугающей внезапностью из полумрака бесшумно появился огромный толстый человек в войлочных туфлях и спросил о цели визита.

— Мое имя — Лемминг, — сказал я. — Принцесса ждет меня.

Толстяк поклонился.

— Прошу вас, эфенди! Ее высочество наверху, — и, покачиваясь из стороны в сторону, он, слегка пыхтя, повел меня вверх по лестнице.

Мы миновали две удручающе огромные гостиные, заставленные кричащей тюремской мебелью и дорогими, но безвкусными украшениями — в основном статуэтками, сделанными из соединенных вместе кусочков слоновой кости, меди, бронзы, эмали и серебра и абсолютно не сочетающихся с мягкими тонами чудесных персидских ковров и прекрасных старинных турецких занавесей.

Затем очутились, похоже, в кабинете самой принцессы, совершенно иного вкуса. Там царил чисто восточная атмосфера. На лакированных шкатулках красовались бесчисленные фигурки из резного хрусталя, мыльного камня, малахита и нефрита. Совершенно неожиданно для комнаты женщины одну из стен занимала целая коллекция древнего оружия, в основном арабского, с накладками из золота и слоновой кости. На треножнике — горелка для возжигания ароматов, откуда поднимался легкий дымок, наполнявший комнату запахом амбры. Нигде не было ни единого кресла — вместо них стояли низкие мягкие пуфы.

На большом диване в центре комнаты возлежала сама принцесса. Она сняла драгоценности и сменила наряд Клеопатры на расшитую золотом красную турецкую куртку-безрукавку и широкие шаровары из какого-то тонкого белого материала, которые, туго охватывая лодыжки, были скроены так широко, что напоминали юбку. Ярко-красная куртка превосходно подчеркивала ее томную красоту, и в мягком свете затененной лампы она выглядела очаровательно, напоминая гурию из «Арабских ночей».

Толстяк закрыл за мной двойные двери, и я остался наедине с Уной. Это был решающий момент. Закри-бей показал ей Лемминга всего лишь несколькими часами раньше. Запомнила ли она черты лица, скрытые индейской боевой раскраской, настолько, чтобы догадаться, что перед ней другой человек? Мы с Леммингом примерно одного роста, и я надеялся, что приглушенный свет скроет разли-

цу. К тому же, большие глаза часто бывают близоруки, и, думаю, она не видела Лемминга на расстоянии ближе двадцати футов.

Некоторое время она высокомерно разглядывала меня, и я почувствовал облегчение, лишь когда она недовольно воскликнула:

— Вы опоздали!

Она говорила по-французски, и я ей ответил на том же языке:

— Меня втянули в спор, и я не смог уйти раньше.

— Я не привыкла ждать, — резко произнесла она.

— Мне жаль, что я заставил вас бодрствовать, — извинился я. — Но если вы отдадите мне то, ради чего вызывали, я немедленно исчезну. Я и сам не прочь оказаться в постели.

— У некоторых европейцев весьма странные манеры. В моей стране считается верхом неприличия, если гость, едва успев войти, тут же заявляет, что спешит избавиться от общества хозяина.

Пожоже, она привыкла к лести, и моя резкость показала ей несколько экстравагантной. Но неожиданно я увидел происходящее в ином свете. Я находился наедине с прекрасной молодой женщиной, ночью, и ни один нормальный человек, не имеющий особых привязанностей, не упустил бы представившегося случая познакомиться с ней поближе.

Быть может, именно этого она и ожидала, однако ее взгляд едва ли приглашал к легкому флирту. Ее огромные, неестественно широко посаженные голубые глаза, не мигая, смотрели на меня, и, — знала об этом принцесса или нет, — уверен, обладали гипнотическим действием.

Я вдруг понял, что моя успешность едва не погубила прекрасный шанс продвинуть свои собственные планы, и, если меня принимали за Лемминга, можно было попытаться кое-что узнать об О'Киве и Закри-бее. И я безо всякого приглашения уселся на один из пуфов возле дивана.

— Принцесса, — начал я, — вы совершенно не поняли меня. Я вовсе не тороплюсь покинуть ваше общество. И я счел бы за честь выкурить с вами сигарету, прежде чем вернуться в отель. Я опасался, что вы устали и сами хотели бы поскорее избавиться от меня.

Она лениво закинула руки за голову и чуть улыбнулась.

— Это уже лучше, особенно для англичанина. Конечно, курите. Сигареты в коробке, на столике рядом с вами.

Я взял одну из них, а она, протянув пухлую маленькую смуглую руку, зажгла для меня спичку. Я наклонился, чтобы прикурить, и лицо Уны, ее необычные глаза оказались совсем близко. Я уловил запах, настолько тонкий, что не смог определить его природу: он одновременно и напоминал аромат амбры, наполнявший комнату, и отличался от него.

— Сегодня вечером все только и говорили, что о вашем непревзойденном костюме Клеопатры, но мне повезло куда больше, чем остальных, — я сделал небольшую паузу, — мне посчастливилось увидеть вас в чудесном обрамлении вашего дома.

— Значит, вам понравился мой скромный наряд?

— Вы выглядели, как в восточных грезах!

Она подняла брови:

— Эти грезы не навеяны гашишем?

— Мне об этом трудно судить — я ни разу не пробовал его.

— Неужели? А вы не боитесь попробовать?

— О, нет, — улыбнулся я. — Подобно Юргену, я любую любое питье — но только единожды.

— Кто этот Юрген, о котором вы говорите?

— Неутомимый искатель одного дня из своей юности — потерянной Среды.

— Вы говорите загадками, — нахмурилась она.

— Простите меня. Всею виной — этот тихий ночной час, очаровательная обстановка и ваше присутствие. Но расскажите мне о действии гашиша.

Уна поудобнее устроилась на диване и полуприкрыла глаза.

— Поначалу вам может не понравиться. Возникает такое чувство, словно окружающее пространство уменьшается до размеров крошечной ячейки. Затем оно как бы

вновь расширяется, пока не начинает казаться, что эта ячейка вмещает всю вселенную, где ты — крошечная точка в центре. Но позже приходит ощущение безграничной силы и возможности исполнения самых сокровенных желаний.

— Не удивительно, что наркоманы идут на все, чтобы раздобыть его.

Она покачала головой.

— Для подобных галлюцинаций требуется достаточно много гашиша, а частое употребление его в больших дозах разрушительно действует на умственные способности. Слабые люди часто попадают в зависимость от него, поэтому обычно берется гашиша совсем немного, всего лишь для стимуляции нормального желания. Редкая женщина среди моих знакомых благосклонно взглянет на любовника, не оказавшего ей любезность, приняв немного гашиша перед встречей. Но, возможно, вы, мистер Лемминг, один из тех холодных, бесчувственных англичан, кого не интересуют подобные вещи?

— Напротив, принцесса, — поторопился я заверить ее, удивленный и заинтригованный таким поворотом беседы.

— Вы любите красивых женщин? — тихо спросила она.

— Конечно. Какой нормальный мужчина их не любит?

— Поскольку вы друг О'Кива, я могу устроить вам визит в наш «Дом Ангелов». Там вы найдете то, что вам по вкусу.

Секунду я опасался, что могу оскорбить ее согласием, допуская, что, помимо нее, меня могут притягивать дешевые девицы из борделя. Однако, поразмыслив немного, решил принять приглашение.

— Вы очень любезны, — копируя ее отстраненную манеру, сказал я и добавил: — А где это? Здесь или в Каире?

— Ни тут, ни там. Это в Исмаилии, дальше по Суэцкому каналу. Мы используем это место как сборный пункт для красоток, присылаемых с Запада для наших клиентов на Востоке и с Востока — для городов Средиземноморья. Почти все они неопытны, но некоторые поразительно красивы. Поэтому мы и называем это место «Домом Ангелов».

— Это звучит, как «рай Аллаха на земле».

— Именно, — кивнула она. — Там на несколько дней собирают красавиц всех национальностей прежде, чем отправить их в разные стороны. Но, естественно, на тот срок, пока они находятся в Исмаилии, они в распоряжении наших друзей.

— Чудесное приглашение, — улыбнулся я, но она, похоже, испытывала искреннее наслаждение от этой странной беседы, и я тихо добавил: — Но едва ли хоть одна из них столь очаровательна, как были вы на балу. Никогда в своей жизни не видел более живого воплощения Клеопатры.

— Клеопатра была плохой женщиной, — отозвалась она, странно взглянув на меня.

— А вы? — спросил я, посмотрев ей прямо в глаза.

— Иногда, — если это может развлечь.

— А это очень сложно?

— Очень. Многие пытались, но мало кому это удавалось, мистер Лемминг.

— Неужели ваше сердце, принцесса, черствее сердца Клеопатры?

— Не исключено, но на то есть причины — ведь в наши дни нет ни Цезарей, ни Антониев.

— Если верить истории, у нее были и другие возлюбленные, не столь могущественные, но, вероятно, куда более красивые и занимательные.

Она опять улыбнулась.

— Вы, думаю, можете быть внимательным, мистер Лемминг. В ваших темных глазах что-то есть, но вы ведь не можете назвать себя красавцем, не так ли?

— Если под красотой подразумевать правильные черты лица, — улыбнулся я, — тогда, наверно, нет; но мне говорили о моей привлекательности, и я сам иногда чувствую это.

Мгновение она пристально разглядывала меня.

— У вас лицо сильного человека, это, безусловно, привлекает. Мне нравится ваш рот и крепкий подбородок. Но красна на лице не позволяет оценить черты в полной мере.

— Могу ли я прийти повидать вас завтра, когда счищу ее? — спросил я.

— Завтра? — откликнулась она. — Но ведь вы уже будете в Каире. Поезд отходит в три часа, а я никогда не принимаю гостей раньше вечера.

Эти слова вернули меня к реальности.

— Да, конечно, — произнес я. — Но вам, вероятно, говорили уже тысячи раз, что рядом с вами можно позабыть обо всем.

Она рассмеялась глубоким мелодичным смехом.

— Надеюсь, однако, что вы не успели забыть все.

Я покачал головой.

— Я прекрасно помню, зачем я здесь. Но надеюсь, что вы позволите мне вновь увидеть вас, быть может, в Каире.

— Там или где-нибудь еще, — лениво произнесла она.

Она сделала движение, чтобы встать, и я ничуть не жалел, что наша беседа закончилась.

Едва она вышла из комнаты, я взглянул на низенький письменный столик в нише под высоким окном, скрытым тяжелыми занавесями. Разбросанные на нем бумаги давно привлекали мое внимание. Но если Уна застанет меня роющимся в них, у нее наверняка возникнут подозрения, тогда она может задержать меня до прихода Закри-бея, и никакой маскарад меня не спасет. Однако, рассчитывая хотя бы на пару минут, я на цыпочках прокрался по богатому ковру.

Я не осмелился взять их в руки, а постарался быстро пробежать глазами. Там было пять маленьких стопок писем — три, написанные по-французски, и две — по-арабски.

Я смог прочитать только верхний лист каждой из них; но, к моему разочарованию, все они носили светский характер. Однако из-под одной стопки высовывалась верхняя половинка промокашки, озаглавленная «связь с Гамалем». Это был длинный список имен с датами около каждого. Даты начинались с середины ноября и располагались с интервалом в два-три дня. Сегодня было раннее утро десятого декабря и, пробежав взглядом колонку цифр, я заметил, что напротив даты «ночь 11 декабря» стояло имя «Юсуф Факри». Кто эти люди и чем они занимались, было загадкой, но на всякий случай я запомнил число и имя. Еще раз взглянув на письма, я шагнул назад, ожидая возвращения Уны в любой момент.

Но прошло не менее десяти минут, прежде чем она вновь появилась, когда я уже давно сидел возле дивана и спокойно курил. Она принесла большой плоский пакет, размером два на два с половиной фута, перевязанный тем же самым толстым шнуром, которого я коснулся, роясь на дне сундука О'Кива.

— Вы знаете, куда это доставить? — спросила она.

— Доставить? — переспросил я. — Но мне ведь надо расшифровать иероглифы.

— Нет-нет! — нетерпеливо ответила она. — Вы воспользуетесь для перевода фотографиями. Они уже готовы и утром их доставят вам в отель. А саму табличку нужно передать агенту Закри в Каире.

Настроение у меня слегка упало. Если они сфотографировали табличку, ничто не помешает им расшифровать надпись, но, вернув табличку, мы хотя бы сможем сделать то же самое.

— Прошу прощения, принцесса, — сказал я, — но Закри-бей оставил меня в неведении. Зачем брать табличку в Каир и кому-то отдавать?

— В Каире живет Фергани, ясновидец. Наш агент отнесет к нему этот камень и, быть может, нам удастся узнать что-либо важное.

Это не очень удивило меня, — я помнил о безграничной вере египтян в способности мистиков; мне не хотелось расспрашивать ее далее, обнаружив тем самым полную неосведомленность в их дальнейших планах, но она сама добавила:

— О'Кив не может рисковать, таская табличку в своем багаже, хотя едет тем же поездом. Вы знаете в Каире мост Каср-эль-Нил?

— Да.

— Отлично. Неподалеку от него находится Восточно-средиземноморский банк. Когда вы окажетесь там, он уже будет закрыт, но вы позвоните в дверь, спросите мсье Карно и передадите ему табличку.

— Я сделаю все, как вы говорите, — согласился я и, осененный внезапной мыслью, добавил: — Кстати, мне

решительно хочется как-нибудь испытать на себе воздействие гашиша и вызываемых им грез. Не знаете ли, где это можно сделать в Каире?

Она улыбнулась.

— Вы наш человек, и ничто не мешает вам провести вечер у Гамала.

Мое сердце подпрыгнуло при упоминании этого имени. Имя Гамала стояло во главе списка на ее столе, следовательно, указанные в нем даты могли относиться к отправлению партий гашиша.

— Вы пойдете от площади оперы по улице Мухаммеда Али, — продолжала она, — и на втором переулке повернете направо, в переулок. На левой стороне находится ковровый магазин, который укажет любой. Но не забудьте попросить у Закри карточку для Гамала.

— Благодарю вас, принцесса, — сказал я. — Я непременно воспользуюсь вашим советом. Но бесконечно более мне хотелось бы вновь увидеться с вами.

— До свиданья, мистер Лемминг.

Едва я ступил за порог тихой, слабо освещенной комнаты Уны, как до меня донеслись приглушенные крики. Я пересек две гостинные, открыл дверь на лестницу и с первого взгляда понял, что происходит. Входная дверь была распахнута, и в дверном проеме отчаянно боролись две фигуры: Гарри в наряде клоуна и Лемминг, на котором не было ничего, кроме нижней одежды и левого рукава его легкого пальто. Само пальто, очевидно, пострадало сильнее.

Слоноподобный мажордом и двое египетских слуг столбом стояли неподалеку, не зная, чью сторону принять.

— Дайте мне войти! Дайте мне войти! — вопил Лемминг. — Помогите же, дурачье! Я пришел к принцессе!

— Остановите его! Остановите! — кричал в ответ Гарри. — Разве вы не видите, что на нем ничего нет? Он псих! Помогите мне вышвырнуть его!

В момент, когда я стал спускаться по лестнице, Леммингу удалось оттолкнуть от себя Гарри и рвануться внутрь. Заметив меня, он вновь закричал:

— Вот он! Это не Лемминг! Я Лемминг! Держите его! Не дайте ему уйти!

Я прикинул, что пробыл с прекрасной Уной около часа — значительно дольше, чем намеревался, и этого времени Леммингу хватило, чтобы доковылять до шоссе и феноменально быстро поймать машину. Я также понял, что задержка чуть было не погубила меня.

Секунду Лемминг стоял посреди вестибюля, в майке, трусах и носках, представляя столь комичное зрелище, что, к моему облегчению, слуги не смогли удержаться от смеха.

Продолжая спускаться по лестнице, я уже сунул руку под индейскую куртку, собираясь достать пистолет, когда позади меня тихий голос произнес:

— Что все это значит?

Оглянувшись, я увидел наверху лестницы Уну, и в своей маленькой, но очень твердой, руке она сжимала огромный револьвер.

Глава VIII

ГРОБНИЦА СВЯЩЕННОГО БЫКА

Я меньше всего хотел бы получить пулю в спину, а по тому, как Уна держала револьвер, чувствовалось, что она умеет с ним обращаться. Она стояла слишком высоко, чтобы пытаться обезоружить ее, и я не сомневался, что она выстрелит в меня при первом же подозрительном движении моей руки под курткой.

— Что здесь происходит? — резко повторила она, повысив голос.

Кларисса храбро ступила вперед и указала на Лемминга:

— Этот бедняга слишком много выпил сегодня у Макферсона. Мы везли его домой, но он заставил нас остановиться здесь, утверждая, что влюблен в вас. В следующую секунду он умудрился стянуть с себя одежду и принял дубасу в дверь.

— Это правда, — поддержал ее Гарри. — Мы пробовали остановить его, но он нажал на звонок прежде, чем мы

поднялись по ступенькам. Мы приносим извинения, что потревожили вас.

Негодующий Лемминг повернулся к нему:

— Ты лжешь! Это твой друг заманил меня в свой проклятый автомобиль и...

Он не успел закончить. Я заметил, что Уна отвела от меня глаза, и когда Лемминг повернулся к Гарри, я прыгнул с пятой ступеньки прямо на него.

С ужасным грохотом мы упали на пол, но его тело смягчило падение, и я не выронил драгоценный пакет.

Не успел я приземлиться на Лемминга, как Кларисса повернулась на каблуках и бросилась расталкивать любопытных, освобождая дверной проем. Гарри бросился ей на помощь. Один из слуг попытался преградить мне путь, но, пригнувшись, я ударил его головой под ребра, и он покатился по полу.

Еще больше раздувшись от гнева и подняв маленькие пухлые ручки, мажордом возбужденно взвизгивал, но я оттолкнул его и рванул вниз по ступенькам.

Следует сказать, что наш водитель оказался весьма азартным малым. Ночные события, казалось, доставили ему огромное удовольствие, и, как только началась потасовка, он бросился заводить машину. Мотор уже работал, Гарри поспешно усаживал Клариссу. Я буквально влетел в салон автомобиля и растянулся на коленях у Бельвильей, зарывшись головой в гофрированные юбки Клариссы.

Люди на тротуаре кричали на разных языках:

— Воры! Убийцы! На помощь! — В отдалении уже слышались пронзительные полицейские свистки, но в следующую секунду машина тронулась.

Когда я поднял голову, пролежавшую на стройных ногах Клариссы чуть дольше, чем требовали правила хорошего тона, мы уже мчались по улице, и крики затихали в отдалении.

— Фу! — выдохнул Гарри, стаскивая накладную клоунскую лысину из розовой клеенки и вытирая размалеванный лоб. — Чудом выкрутились. Мы слышали, как подехала машина, но Лемминга я заметил, лишь когда он поднялся на половину лестницы.

— Во всяком случае, табличка у нас, — переводя дыхание, произнес я, бодро похлопав по пакету. — Но принцесса — это нечто! Мне никогда не приходилось видеть, чтобы женщина столь мастерски соблазнила: ей почти удалось загнипотизировать меня, заставив забыть, зачем я пришел. Только поэтому я так долго отсутствовал.

— В самом деле, Джулиан? — с напускной строгостью сказала Кларисса.

— Конечно, нет, — возразил я. — Разве я похож на?..

— Откуда мне знать. Вы слишком красивы, чтобы верить вам, и у вас было достаточно времени.

— Вы просто не знаете меня, — улыбнулся я.

Она покачала головой.

— Не рассказывайте сказки, мой друг.

— Но, дорогая, час назад он еще не был с ней даже знаком, — вступился за меня Гарри, и мы с Клариссой расхохотались.

Когда автомобиль остановился, мы все еще смеялись, и это, вероятно, лишний раз убедило нашего водителя в том, что мы были просто шутниками, решившими повеселиться после танцев у Макферсона.

— Куда теперь, хозяин? — спросил он, и этим вопросом вернул нас к реальности.

Порозовевшее на востоке небо предвещало скорый восход, и мне бы хотелось хоть несколько часов вздремнуть, но я не мог направиться ни в «Сесил» с Гарри и Клариссой, ни в какой-либо другой отель, полиция наверняка уже сообщила туда мои приметы.

Немного поразмышляв, я велел водителю отвезти нас к арабскому кладбищу, которое, как я помнил по предыдущему визиту в Александрию, находилось где-то рядом. Когда машина тронулась, я сообщил Бельвильям, что О'Кив собирается завтра отправиться в Каир трехчасовым поездом, что табличку должен взять с собой Лемминг, едущий тем же поездом, но отдельно от О'Кива, и что, к сожалению, они уже сфотографировали ее.

Затем сообщил, что намерен поспать в таком месте, где мало бы кто отважился, в Серапеуме, где когда-то погре-

бали священных быков, но сейчас нет никаких ценностей и сторожа появляются лишь ко времени открытия его для посетителей.

— Спать будет жестко, но ничего не поделаешь. Как только вы меня высадите, поезжайте в «Сесил» и вздремните сами. В девять часов в отель придет Амин и сообщит о себе, как о нанятом вами гиде.

— О, Боже! — жалобно пробормотал Гарри. — Сейчас уже седьмой час. Нам остается всего два часа сна.

— Когда появится Амин, — продолжал я. — попросите его купить для меня комплект европейской одежды, поношенной и плохого качества, какую здесь носят греческие рабочие. Затем пусть с одеждой и завтраком направляется в Серапеум и захватит что-нибудь, чем можно снять темную краску с лица и рук. У всех нас уже есть билеты на каирский поезд, но мне придется купить другой билет и ехать вторым классом. Где вы остановитесь в Каире?

Я вылез у северного конца кладбища и прошагал всю улицу Колонны Помпея, чтобы выйти к пустырю в южной части кладбища с огромным, сложенным из камней могильным холмом и одной-единственной колонной, известной также как Столп Помпея и оставшейся от храма, воздвигнутого императором Диоклетианом.

Сравнительно недавно под холмом обнаружили большие пещеры, вырытые для погребения священных быков Сераписа, и это место было обнесено оградой.

Я огляделся по сторонам, но вокруг не было ни души, и я без помех перелез через высокую ограду.

Пройдя затем пару сотен ярдов по склону холма, я оказался около огороженной ямы, на дно которой вела шаткая деревянная лестница, и внизу, в неясном утреннем свете, можно было различить арочный вход в огромную пещеру.

В ней не было ничего жуткого: ни сваленных кучами истлевших костей, ни человеческих черепов, ни стгнивших покровов мумий, что встречались в катакомбах, расположенных к югу отсюда. Это была просто большая, сухая, пустая пещера, вырубленная в песчанике, и призраки давно умерших быков нисколько не пугали меня. Зажигая спичку за спичкой, я прошел сотню ярдов по пещере и, сделав небольшое углубление в песке, лег и моментально уснул.

Прошлой ночью я спал не более трех часов, но шестое чувство, предупреждающее преследуемых об опасности, думается, заставило меня проснуться прежде, чем здесь оказались первые туристы. Чиркнув спичкой, я взглянул на часы и увидел, что уже без четверти девять. Я не имел ни малейшего понятия, когда могильник открывается для осмотра, но предполагал, что это случится довольно скоро. Амин вряд ли появится раньше половины одиннадцатого — ему надо сделать массу покупок. Но я надеялся остаться незамеченным, поскольку древности Александрии сильно уступают величественным развалинам долины Нила и привлекают относительно немного туристов.

Трехчасовой сон почти не освежил меня. Я чувствовал себя разбитым; мысль, что меня разыскивает полиция, отнюдь не воодушевляла, и в таком безрадостном настроении я вскарабкался по шаткой лестнице на край ямы.

Вокруг не было ни души. Выбрав место, откуда можно видеть вход без риска быть замеченным, я уселся меж двух больших каменных глыб, почти скрытых густой крапивой, и стал ждать. Вскоре показался сторож и с ним четверо посетителей, но они даже не взглянули в мою сторону. Затем каждые полчаса стали появляться группы людей, и в половине двенадцатого на краю ямы наконец-то возникла высокая фигура Амина. Он был один — гида имели свободный доступ ко всем памятникам древности, и сторожа никогда не сопровождали их. Он спустился в яму и украдкой оглянулся. Не увидев никого вокруг, я последовал за ним.

Слава Богу, он точно выполнил указания, переданные ему Гарри. Он принес все, в чем я нуждался, включая пару больших бутербродов с ветчиной и несколько бананов на завтрак.

Он купил белую дешевую хлопковую рубашку с открытым воротом, пару легких полосатых брюк, потертое габардиновое пальто и выдавшую виды соломенную шля-

пу. Вскоре из индийского воина я превратился в бедного греческого рабочего, но моя кожа все еще сохраняла темный оттенок и следы боевой раскраски. Убрать раскраску оказалось простым делом, но вернуть коже естественный цвет удалось лишь с помощью Амина. Когда мы прятали в густой траве, которой зарос пустырь, индийский костюм, с минарета ближайшей мечети до нас донесся мелодичный крик: «Хаййя-аля-эс-Салая! Хаййя-аля-эс-фалах!», призывавший мусульман на молитву. Был уже полдень, и я сказал Амину, что нам надо сесть на поезд, отправляющийся в три часа в Каир.

Я дал ему немного денег, велел купить билеты во второй класс и потом встретиться со мной в дешевом привокзальном ресторанчике, где, по его словам, я не привлеку внимания в новом одеянии.

Правда, при ярком свете дня я не решился лезть через ограду и боялся, что сторож, выпустивший одного Амина, удивится, увидев его выходящим вместе со мной. Но арабские баввабы ленивы, и при выходе нас никто не окликнул.

Поджидая Амина в маленьком ресторанчике, я узнал, что мое исчезновение было главным событием, обсуждавшимся в утренней прессе. К счастью, у них не нашлось моей фотографии, но подробное описание сопровождалось просьбой немедленно заявить в полицию, если я буду замечен.

В газете поместили фотографию сэра Уолтера и довольно стандартное сообщение об убийстве, зато целых четыре колонки посвящались его карьере. Прочитав их, я убедился, что он был гораздо более значительной фигурой в ученом мире, чем я полагал.

Мой побег с корабля, судя по всему, убедил репортера, что именно я убил археолога, и я почувствовал себя настолько подавленным, что совсем было решился идти в ближайший полицейский участок, но какое-то необъяснимое упорство удержало меня. Без всяких оснований я предположил, что, если удастся провисеть на хвосте О'Кива еще несколько часов, то, возможно, у меня на руках окажутся улики против него.

Но заботы, слава Богу, никогда не влияли на мой аппетит, и простой, но обильный ланч как нельзя кстати подбодрил меня. Мы без приключений заняли места в вагоне, предварительно удостоверившись, что О'Кив действительно едет тем же поездом, и в положенное время состав тронулся в путь.

Мне уже доводилось путешествовать по этой дороге, и я всегда испытывал большой интерес к окружающему пейзажу. О Египте часто думают, как о стране песка, но Дельта являет собой совершенно иную картину. Ее богатая почва, затопляемая при каждом разливе Нила, разветвляющегося здесь на пять рукавов, дает три урожая в год, и каждый ее дойм тщательно возделан. В некотором смысле ландшафт Дельты напоминает Голландию: те же простирающиеся, насколько хватает глаз, плоские зеленые поля, а местами иногда большой белый или красный парус загадочно скользит над полями вдоль невидимого канала.

Обе страны, однако, сильно различаются в деталях. Треугольный парус египетской фелюги мало напоминает паруса голландской баржи; шпиль на горизонте, которые можно увидеть в Голландии, здесь оказываются минаретами или куполами мечетей, разбросанных среди пальмовых рощ Египта, а голландские деревушки с веселыми домиками и аккуратными садами превращаются в невероятные арабские селения.

Все провинциальные города и деревни оставляют впечатление какой-то незаконченности из-за плоских крыш домов и хибарок, с наваленными на них кучами сохнувшего тростника; жилистые цыплята копаются в мусоре, на веревках сушится рваное белье после семейной стирки. На первых этажах, в неопикуемой тесноте и грязи, ютятся порой целые семьи со своим скарбом. Однако за городом часто можно наблюдать очаровательные картинки сельской жизни: вот группа гибких, статных женщин в темных платьях, идущих гуськом с кувшинами или огромными тюками на голове; вот маленький голый ребенок, ведущий навьюченного вола; а вот сидящая на ослике женщина с младенцем на руках, словно ожившее изображение Девы Марии во время бегства в Египет.

Мы прибыли в Каир, когда уже стемнело, и египетская столица встретила нас бодрящим воздухом и мириадами огней, мерцавшими справа и слева от железной дороги. Не успел поезд остановиться, как мы с Амином выпрыгнули из вагона. Пройдя сразу же за барьер перрона, я отправил Амина искать такси, а сам, пристроившись в нескольких футах от контролера, остался ждать появления О'Кива и Грюнтера.

На платформе толпились хавасы, носившие униформу всех больших отелей Каира, но О'Кив отмахнулся от них и уселся в ждывший его на привокзальной площади шикарный «роллс-ройс». Я немедленно прыгнул в нанятое Амином такси и велел водителю следовать за О'Кивом.

«Роллс-ройс» покотил по дороге, ведущей от центра Каира к Нилу. Через несколько минут позади остался Египетский музей, а затем мы пересекли реку по знаменитому мосту Каср-эль-Нил. Очугившись на западном берегу, мы повернули налево и вскоре выехали на дорогу, уходящую к Гизе.

Раньше европейские кварталы Каира были сосредоточены на нильском острове Гезира, и до сих пор ипподром, площадки для поло и гольфа, собственность Гезир-клуба — средоточия общественной жизни англичан — занимают там, к досаде египтян, многие акры. Но богатые европейцы выстроили дома и разбили великолепные сады вдоль дороги к Гизе, и я считал, что О'Кив направляется именно туда. Однако его автомобиль все так же мчался впереди нас, не сбавляя скорости, по прямому, как стрела, шоссе.

Миля за милей мы следовали за ним, пока пригороды Каира не остались далеко позади, и я понял, что единственное место, куда он может направляться — это отель «Мена Хаус», неподалеку от Большой пирамиды. Моя догадка подтвердилась, когда его автомобиль свернул на подъездную аллею отеля. Я попросил водителя остановиться не доезжая ворот, и мы с Амином вылезли.

В моем бедном наряде греческого рабочего и с начинающей отращать щетину немисливо появиться в отеле, где толпы освеженных душем постояльцев после экскурсий потягивали перед обедом коктейли. Амин также не имел права входить в отель, поскольку в Египте гиды-переводчики должны докладывать о себе через швейцара и дожидаться своих нанимателей на ступеньках у входа.

Однако у Амина было много знакомых среди гидов и слуг во всех главных отелях Египта, и поэтому я обратился к нему:

— Послушай, мне бы хотелось знать, где расположены комнаты О'Кива. Ты сможешь сделать это?

— Конечно, сэр, — без колебаний ответил он. — Я поговорю со своим другом Хусейном, главным официантом веранды, и он скажет мне.

Я прождал за воротами добрую четверть часа, прежде чем Амин вернулся.

— Этот джентльмен остановился на нижнем этаже. Идемте со мной, сэр, я покажу вам, где это.

Мы свернули в ухоженный сад справа от отеля, и пошли по обсаженной пальмами аллее.

Внезапно Амин остановился.

— Вон там, — указал он, — те пять окон, в которых свет. Я думаю, джентльмен сейчас там.

— Хорошо, — сказал я. — Это все, что я хотел узнать. Теперь возвращайся в Каир, зайди в «Семирамис» и спроси мистера Бельвиля. Скажи ему, что мы выследили О'Кива, и я нахожусь в отеле «Мена Хаус». У Бельвиля мой багаж. Попроси его дать тебе один из моих костюмов, рубашку и воротничок и привези их сюда. Я буду ждать тебя либо у ворот, либо здесь, в саду.

Когда Амин ушел, я уселся на скамью и начал наблюдать за освещенными окнами комнат О'Кива. Он, по своему обыкновению, устроился роскошно. Этот номер первого этажа, с видом на сад и теннисный корт, был, пожалуй, самым лучшим в отеле. С другой стороны здания окна выходили на песчаный склон, что едва ли компенсировалось видом возвышающихся поблизости пирамид.

Время от времени я различал движущуюся за шторами тень и догадался, что это Грюнтер, распаковывающий вещи. О'Кив, судя по всему, принимал ванну и, похоже, не

торопился вылезать из нее. Я терпеливо ждал, пока они не отправились в ресторан, чтобы тайно посетить его комнаты. На вокзале среди его багажа я заметил все тот же металлический чемоданчик. Если бы удалось заполучить его и открыть, то внутри могло оказаться достаточно компрометирующих документов, чтобы повесить целый взвод.

Было тепло, и мягкий ночной воздух наполнился ароматами цветущих кустарников в тщательно ухоженном саду.

Я просидел, наверное, не менее часа, прежде чем в одной за другой комнатах О'Кива не стал гаснуть свет, но я дал обитателям еще пять минут, чтобы спуститься вниз. Затем пересек клумбу под окнами, схватился за водосточную трубу и начал взбираться по ней, пока не ухватился рукой за подоконник, по моим предположениям, гостинной.

Обхватив трубу коленями, я свободной рукой приподнял задвижку слегка приоткрытого окна и распахнул его. Потом держась за окно, вскарабкался еще чуть-чуть вверх по трубе и всем телом бросился в сторону подоконника. Я упал на него грудью, моя голова оказалась в комнате, а ноги остались болтаться в воздухе, но после некоторых усилий мне удалось подтянуться до середины туловища.

Легкий шум, производимый мною, вероятно, заглушил звук приближающихся шагов, и я все еще яростно брыкался, пытаюсь перелезть через подоконник, когда чей-то голос крикнул:

— Вот он! Вот он! Скорее, Мустафа, держи его за ноги, а я позову полицию!

Глава IX

ТАКТИКА СОКРУШИТЕЛЬНЫХ АТАК

Я предпринял последнюю отчаянную попытку забраться в комнату, машинально отметил, что голос принадлежал женщине. Я почувствовала, как большие мускулистые руки ее компаньона обхватили мои лодыжки и сильно дернули за них. Мое тело описало в воздухе кривую и с глухим ударом приземлилось на клумбу среди цветов. От удара перехватило дыхание, и я лежал, хватая ртом воздух, как выброшенная на сушу рыба, а стянувший меня с подоконника араб отпустил мои лодыжки и навалился сверху, прижав мое распостертое тело к земле.

— Отлично, Мустафа! Отлично! — донесся возбужденный женский голос. — Держи его, пока я не сбегаю за помощью. Если полиция еще не приехала, я позову швейцаров из отеля.

— Да, сиди, да, — задыхаясь, ответил араб, оседлавший теперь мою грудь, — но лучше, если убийцу моего господина найдут мертвым.

— Эй! Подождите минуту, — выдавил я из себя, сообразив, что происходит.

— Нет, Мустафа, нет, — одновременно со мной произнесла женщина. — Я запрещаю тебе что-либо с ним делать. Закон поступит с ним так, как он того заслуживает.

Она быстро повернулась, собираясь бежать за подмогой, и мне удалось поверх плеча араба мельком увидеть ее. Это была высокая, длинноногая девушка со светло-пепельными волосами, и я сразу же узнал ее, поскольку сэр Уолтер показал мне на «Гемпшире» фотографию своей дочери Сильвии.

— Мисс Шэйл! — позвал я. — Ради Бога, подождите. Это ужасная ошибка.

Она внезапно остановилась, повернувшись, взглянула на меня сверху вниз и с любопытством спросила:

— Откуда вам известно мое имя?

— Я скажу вам, но только прикажите моему слуге слезть с моей груди.

— Ни в коем случае. Все, что вы хотите мне сказать, вы расскажете полиции.

Я видел, что она опять готова убежать, и, в последней отчаянной попытке остановить ее, я закричал:

— Если вы выдадите меня полиции, все ваши надежды найти убийцу вашего отца пойдут прахом.

— Вы сами убили его! — резко выкрикнула она. — Вы негодяй! Я, я... — И внезапно она залилась слезами.

— Я не убивал вашего отца, — взвился я. — Клянусь, я не делал этого — наоборот, прилагал все силы, чтобы уличить настоящего убийцу.

Еще секунду плечи девушки содрогались от рыданий, затем она справилась с собой, и плач прекратился так же быстро, как и начался. Она провела тыльной стороной руки по глазам и чуть менее решительным голосом спросила:

— Кто же тогда сделал это?

— Пусть он слезет, и я все расскажу вам, — выдохнул я.

— Хорошо, — неохотно согласилась она, — дай ему встать, Мустафа, но держи покрепче, чтобы он не улизнул.

Я с трудом поднялся на ноги, а араб крепко держал меня за воротник пальто. Думаю, я представлял собой малоприятное зрелище: небритый, нечесанный, весь залепанный грязью с клумбы, к тому же мускулистый араб словно предлагал меня для осмотра, как какого-нибудь кота, вытасченного за шкуру из помойки. Конечно, я мог бы проучить его, — выскользнув из рукавов, я бы без труда обрел свободу. Но я не решился на побег — их крики о помощи отправили бы в погоню за мной половину обитателей отеля — но само осознание такой возможности вернуло мне уверенность и, понимая, что только тактика разрушительных атак, как говорят военные, позволит мне избежать немедленного ареста, я постарался в беседе с Сильвией поменяться ролями:

— Сначала, — с некоторой резкостью произнес я, — скажите мне, каким образом вам удалось обнаружить меня здесь.

— Вы ведь Джулиан Дэй, не так ли? — весьма вкрадчиво спросила она.

— Да, — согласился я. — Мое имя Джулиан Дэй, я был другом вашего отца и хорошо знаю Бельвилей. Им известно, что я не убийца, и я провел с ними всю последнюю ночь.

— О-о! — тихо воскликнула она. — Я еще не видела их.

— Так я и думал. Они прибыли в Каир вечером поезде, и чем скорее вы встретитесь с ними, тем лучше. А теперь ответьте, как вам удалось узнать меня по моим штанам, когда я висел в окне?

— Мустафа, мой драгоман, — закадычный друг вашего Амина. Он был в курсе, что тот собирается в Александрию встречать некоего мистера Джулиана Дэя с «Гемпшира». Сегодня утром ваше имя появилось на первых полосах всех газет. Узнав, что вас разыскивают за совершенное убийство, мы подумали, что Амин сможет некоторым образом быть полезен. Мы приехали на вокзал к поезду из Александрии, и, увидев рядом с Амином вас, сразу поняли, кто вы.

— Неплохо. Вас можно поздравить. А дальше?

— Мы последовали за вашим такси, но, к несчастью, по дороге у нас лопнула шина. Это сильно нас задержало, и мы боялись, что окончательно потеряли ваш след. Наудачу приехали сюда и расспросили привратников. Амин, как нам сказали, вернулся в Каир, но когда мы описали человека, бывшего с ним, один из этих бездельников вспомнил, что час назад видел вас в саду.

— И вы пошли ловить меня?

— Да, позвонив сначала в каирскую полицию. Но я не стала дожидаться их. Мы боялись, что вы...

— О, Боже! Вы звонили в полицию? И они сейчас едут сюда?

— Да, конечно.

— Тогда, прошу вас, давайте скроемся отсюда, пока еще есть возможность. Если вы позволите полиции арестовать меня, вы никогда не поймаете настоящего убийцу.

— Но откуда мне знать... — неуверенно начала она.

— Идемте, — нетерпеливо произнес я. — Вам придется поверить мне.

— Но мне непонятно, как..., — опять начала она, когда неожиданно вмешался Мустафа:

— Нет, сиди, нет! Это нехороший человек. Ему нельзя доверять.

— Тебя это не касается, — огрызнулся я. — Ты будешь делать, что я тебе скажу. Мы с мисс Шейн пойдем в сторо-

ну пирамид и там побеседуем. Ты же дождешься Амина. Держись подальше от полиции, и, как только он появится, приходите к нам. Мы будем недалеко от Сфинкса.

Сильвия негодуяше воскликнула:

— Вы с ума сошли. Вы полагаете, я оставлю его здесь и одна отправлюсь с вами неизвестно куда?

— Так или иначе, вам придется сделать это, — сказал я и резким движением выхватил из кармана пистолет. — Не пугайтесь, — продолжил я, видя, что ее глаза расширились от ужаса и, взяв пистолет за ствол, протянул к ней рукояткой. — Вы умеете обращаться с ним?

— Да, — ответила она. — Я всегда беру с собой оружие, когда одна выезжаю из Каира.

— Правильно делаете, — улыбнулся я. — И тогда вам должно быть известно, как пристрелить меня, если я начну выкидывать фокусы.

— Я уже сказала, что не пойду с вами туда одна. Это слишком большой риск.

— Ерунда! — сердито сказал я. — Неужели неясно, что, предлагая свой пистолет, я подчеркиваю свою лояльность по отношению к вам? Разве я стал бы делать это, если бы и в самом деле убил вашего отца? Я мог бы застрелить и Мустафу, и вас минуту назад, после того, как узнал, что вы вызвали полицию.

— Предположим, — неохотно согласилась она.

— А когда вы услышите мой рассказ, у вас не останется никаких сомнений, что вы поступили правильно.

— Хорошо. Я рискну. Отпусти его, Мустафа.

— Ты понял, что тебе надо делать? — поспешно спросил я араба, когда он освободил меня. — Дождись здесь Амина. Он принесет для меня другую одежду, и после этого вы как можно скорее идите к нам. Вы найдете нас около захоронений Четвертой династии фараонов. Идемте, — добавил я, обращаясь к Сильвии. — Если хотите, можете следовать сзади и держать меня на мушке.

В следующую минуту я уже огибал отель, а она последовала за мной. Обойдя кухни в противоположном крыле здания, мы взобрались на плоскость обрыва над дорогой, ведущей к Большой пирамиде Хеопса и пирамиде Хефрена. Безлунная ночь скрывала неровности почвы, но Сильвия не отставала и не проявляла признаков усталости, и, думаю, своими длинными ногами могла без особых усилий преодолеть мило-другую в том же темпе, что и я.

Через десять минут мы подошли к основанию Большой пирамиды. Ее силуэт отчетливо вырисовывался на фоне усеянного звездами неба, и, несмотря на внутреннее беспокойство, я вновь почувствовал, как и год назад, почти трепетное благоговение перед ее величием и мощью. Пирамида занимает площадь в четырнадцать акров, достигая почти пятисот футов в высоту. Но, благодаря своим пропорциям, не кажется высокой. Говорят, ста тысячам человек потребовалось тридцать лет, чтобы закончить ее, но представление об использовании рабов при строительстве пирамиды совершенно ошибочно. Работы велись в течение полутора месяцев каждый год после сбора главного урожая. Крестьяне со всех концов страны собирались сюда на своего рода ежегодный праздник, и, вероятно, жители различных мест соревновались между собой, кто быстрее затащит вверх огромную каменную глыбу и установит ее в нужном месте. Они трудились с песнями и смехом, и это была та разнovidность дани, которую охотно воздавали великому правителю, щедро кормившему людей и устраивавшему для них многодневные развлечения по окончании трудов.

Когда-то пирамида была облицована белыми мраморными плитами, и можно только предполагать, сколь фантастически выглядела она при солнечном свете. Но несколько сот лет назад ее мраморное покрытие было снято арабами, использовавшими его при возведении мечети султана Хасана, и теперь стороны пирамиды представляли собой зазубренную поверхность из поднимающихся наподобие гигантских ступенек блоков песчаника размером в четыре фута.

Более всего в пирамиде поражает ее массивность. Арабы, сорвав мраморную оболочку, разрушили лишь крошечную часть пирамиды, и сомнительно, что во всем мире наберется достаточно пороха, чтобы взорвать ее, если та-

кое придет на ум какому-нибудь вандалу. Даже сильное землетрясение не сможет причинить ей никакого ущерба, кроме нескольких трещин, и, глядя на нее, невольно чувствуешь, что даже когда на месте Лондона вновь раскинется топкое болото, а там, где сейчас Нью-Йорк, — бесплодный остров, Большая пирамида будет стоять все так же незыблемо. Она видела рассвет цивилизации, ей предстоит увидеть и последний закат этого мира.

Перед пирамидой находился небольшой полицейский пост, и, чтобы не оказаться у него, я держался ближе к основанию Большой пирамиды, огибая ее почти по периметру. Наш путь затрудняли кучи булыжника и глубокие ямы, оставшиеся после предыдущих раскопок, но, очутившись на другой стороне пирамиды и убедившись, что вокруг нет ни души, я рискнул выйти на дорогу к Сфинксу. Минут через пятнадцать мы миновали человеко-зверя и свернули направо, в широкий, вырубленный в песчанике коридор, ведущий к захоронениям Четвертой династии. Археологи установили в конце его железную решетку, запертую сейчас, но, поскольку у меня не было желания идти дальше, я остановился и повернулся лицом к своему «конвоиру».

Фотографии часто обманчивы, особенно — молодых женщин, но та, что я видел на корабле, была почти копией Сильвии Шейн. Она и в самом деле оказалась невероятно привлекательной. Помнится, Кларисса говорила, что у нее голубые глаза, но сейчас они казались темными и вместе с высокими, вероятно, подведенными бровями резко выделялись на фоне очень светлых волос, слегка растрепавшихся от быстрой ходьбы. Она стояла в доброй паре ярдов от меня, все так же держа меня на мушке пистолета.

— Сигарету? — спросил я, доставая пачку и протягивая ее девушке.

Секунду она колебалась, и я усмехнулся.

— Вы боитесь, что я могу броситься на вас и обезоружить, если вы окажетесь слишком близко?

Она пожалала плечами, затем сделала шаг мне навстречу и протянула руку.

— Сегодня вечером я уже достаточно подвергла себя риску, и еще один безрассудный поступок не имеет значения.

— Отлично. Я рад это слышать. Видите ли, пистолет не заряжен, и я мог бы беспрепятственно забрать его у вас в любой момент.

— Что? — воскликнула она.

— Да. Я опасался, что по его весу вы заподозрите это, но вы, похоже, не столь привычны к оружию, как хотели бы казаться.

Она рассмеялась, и мне приятно было услышать ее низкий грудной мех.

— Вы, наверное, принимаете меня за идиотку, позволившую провести себя таким образом.

— Вовсе нет. Я успел оценить ваш ум и отвагу. Выследить меня в отеле «Мена Хаус», что оказалось не по силам всей египетской полиции, — первоклассная работа.

— О, это все Мустафа и немного удачи. Но вы заслуживаете похвалы в большей мере. Вы до сих пор на свободе, и можете ничего не опасаясь сделать здесь со мной все, что вам заблагорассудится.

— В самом деле? — спросил я. — Меня легко соблазнить.

— Как вы смеете! — вспыхнула она. — Я не это имела в виду.

— Конечно, нет, простите мне этот вздор. Но мне бы хотелось знать, продолжаете ли вы считать, что я убил вашего отца?

— Нет, — решительно ответила она. — Теперь я убеждена, что это не вы.

— Почему? — спросил я. — Вы ведь были абсолютно уверены в этом полчаса назад!

— Я не знаю. Если угодно, назовите это женской интуицией. Но, судя по тому, как вы говорите и поступаете, я чувствую, что вы совершенно не способны на такое гнусное преступление.

— Хорошо. Давайте присядем.

Я указал ей на ближайшую глыбу, и, когда мы присели, небрежно взял у нее из рук пистолет. Нажав на кнопку в верхней части рукоятки, я вынул обойму с патронами и молча протянул ей.

— О-о! — с наигранным ужасом простонала она. — Так он все же был заряжен?!

— Да, — ответил я. — Простите, что мне пришлось солгать, но я не мог рисковать.

— Еще одна ложь. Вы прекрасно знали, что я не выстрелю, если вы будете вести себя прилично. Вы проделали этот фокус лишь для того, чтобы произвести впечатление.

— Совершенно верно, — рассмеялся я. — Но разве это не комплимент? Если вы так ратуете за правду, то должны признать, что это мне удалось.

— Конечно, — откровенно согласилась она. — Надо отдать вам должное, вы только этим и занимались с того момента, как мы... э-э... встретились.

— Встретились — самое подходящее слово, — весело поддразнил ее я. — Но вы сами в этом виноваты...

— Может быть, нам лучше поговорить об отце? — сказала она, прервав меня и потушив сигарету. — Вы ведь помните, зачем мы здесь.

В течение следующих десяти минут я пространно изложил ей все, начиная с момента встречи с ее отцом на «Гемпшире» до тех пор, когда она обнаружила меня пытающимся залезть в окно О'Кива.

Она не задала ни одного вопроса, и, когда я закончил, некоторое время сидела молча. Затем спросила:

— Бельвии могут подтвердить ваш рассказ?

— Да. Как только мне принесут одежду, мы постараемся ускользнуть от полиции, наверняка разыскивающей меня сейчас возле «Мена Хаус», и вернемся в Каир, где Гарри и Кларисса сами расскажут вам о моей роли в событиях.

— Но почему вы вообще отправились в Египет?

— Потому что у меня были счеты с этим человеком, О'Кивом.

— Какие счеты?

— Это, моя дорогая, вас не касается.

— Расскажите мне о себе. Кто вы? Откуда? Чем занимаетесь?

— Прошу прощения, но все это к делу не относится.

Я почувствовал, как она напряглась, и ее голос зазвучал жестче:

— Вы, вероятно, понимаете, что ваша скрытность подозрительна.

— Верно, — согласился я. — Я волк в овечьей шкуре. А в шкафу у меня стоит ужасный, окровавленный скелет — малоприятное зрелище для таких прекрасных глаз...

— Оставим в стороне прекрасные глаза, — холодно сказала она. — Во-первых, они не столь прекрасны, и, во-вторых, вы не успели их как следует разглядеть. Но почему вы избегаете разговоров о своем прошлом, если вам нечего скрывать?

Хотя я пробовал обойти этот вопрос, маскируя его напускной легкостью, ее интерес к моему прошлому был вполне оправдан. Я понимал, что, уклонившись от ответа, лишь испорчу произведенное мною хорошее впечатление, но у меня не было иного выбора.

— Если я скажу вам, кто я и что сделал, вы отшатнетесь от меня, как от прокаженного. Люди, вооруженные медяки у слепых, — ничто в сравнении со мной. Я жил на деньги, заработанные женщинами продажей своего тела. Я торговал наркотиками и занимался шантажом, а к настоящему времени женат на семнадцати старухах — в надежде завладеть их сбережениями. Ну, вы довольны?

— Хорошо, — пожалала она плечами. — Оставим это сейчас.

Мы замолчали, и теперь между нами определенно нарастало напряжение. И я весьма обрадовался, когда около огромной ямы, вырытой вокруг Сфинкса, чтобы были видны его лапы, заметил идущих в нашу сторону Мустафу и Амина.

Амин виделся с Гарри и привез мой голубой костюм, рубашку, воротничок, галстук и пару ботинок. Зайдя за камни, я переоделся и сразу почувствовал себя самым собой, если не считать однодневной щетины.

Мустафа сообщил, что два автобуса с полицейскими подъехали к отелю «Мена Хаус» через пять минут, как мы с Сильвией ушли. Полицейские окружили отель и сад и тщательно обыскали их, но, конечно, безрезультатно. Они уже начали допрашивать слуг, когда из Каира вернулся Амин. Мустафа очень волновался за свою госпожу, но краткая беседа со старым приятелем успокоила его. Затем Мустафа сказал старшему офицеру, что Сильвия допустила ошибку, приняв за меня греческого рабочего, и подняла ложную тревогу; она уехала в Каир, а его, Мустафу, оставила здесь, чтобы он принес полиции извинения. Офицер обругал Мустафу, полицейские погрузились в автобусы и укатили в Каир.

Это были лучшие новости за весь вечер, однако возвращаться к отелю было все же слишком рискованно.

— Вы отважитесь на получасовую прогулку? — спросил я девушку.

— Зачем? — удивилась она.

— Думаю, лучше отправить Амина и Мустафу к отелю за машинами и встретиться с ними где-нибудь в миле отсюда по дороге в Каир.

— А мы не заблудимся в темноте? — с сомнением спросила она.

— Ориентируясь на огни вдоль шоссе, ошибиться невозможно.

— Хорошо, — пожалала она плечами.

Если бы Сильвия могла знать, на что она соглашалась.

Едва мы отошли от Сфинкса, как путь нам преградила джабель, как египтяне называют насыпь, ограничивающую долину Нила параллельно берегам реки, в нескольких милях от нее. Нашу образовывала почти отвесный обрыв, разделяющий плоскую равнину, затопляемую водами Нила во время разливов, и безжизненную пустыню, на кромке которой мы стояли.

Глубина обрыва составляла почти сорок футов, но нам ничего не оставалось, как спуститься по нему и, надо сказать, у Сильвии оказалось достаточно отваги, потому что она молча последовала за мной, когда я направился вниз по склону из песчаника. Цепляясь за выступавшие камни, постоянно теряя равновесие и скользя, мы, однако, в целости и сохранности спустились вниз к долине. Следующие пять минут идти было легче, но затем начались поля, засеянные хлопком и люцерной, с влажной почвой, и временами мы вязли в грязи по самые щиколотки. То здесь, то там путь преграждали дренажные канавы. Некоторые удавалось пересечь прямо по липкому грязному дну, другие были настолько глубоки и широки, что мы по долгу искали переходы. Наконец мы добрались до арабской деревушки, и, миновав последний мост, оказались на шоссе.

То, что по моему представлению должно было стать легкой двадцатиминутной прогулкой, обернулось изнурительным часовым путешествием, и, хотя Сильвия ни разу не пожаловалась, я подозревал, что часовое блуждание в грязи лишило меня остатков престижа, приобретенного было за время нашего разговора.

Мы договорились привести себя в порядок и сегодня же встретиться в номере у Бельвилей.

Когда я подъехал к ним, Бельвилей успели изложить Сильвии свою версию убийства и рассказать обо мне. Приветствуя меня, Гарри налил мне бокал шампанского, а Кларисса приготовила изрядное количество бутербродов, и Сильвия так жадно поглощала их, словно не ела неделю.

Я едва уселся, как она едко спросила меня:

— И что же наш мудрый мистер Дэй намеревается сейчас делать?

— После того, как сегодня вы помешали мне завладеть документами О'Кива, мне некогда было подумать, — безрадостно ответил я. — Я не могу показываться в «Мена Хаус», однако остается Гамаль, чей адрес дала Уна, приняв меня за Лемминга. Возможно, там мне удастся кое-что узнать и завтра вечером я собираюсь нанести ему визит.

— Но ведь она сказала, что для этого потребуются карточка от Закри-бея, — возразил Гарри.

— Верно, однако придется пойти на риск и попытаться обойтись без нее.

— Мне это не нравится, — заявила Сильвия, сидевшая, поджав ноги, на кровати Клариссы.

— Очень мило с вашей стороны так беспокоиться о моей безопасности, — сказал я, — но пока я сам могу позаботиться о себе.

— Меня несколько не беспокоит ваша безопасность, — холодно ответила она. — Я хочу сказать, что все это мне совсем не нравится. Вы считаете О'Кива убийцей, и вам, по-видимому, приходилось встречаться с ним, раз вы так много знаете о нем. Тем не менее вы наотрез отказываетесь рассказать что-либо о себе. А ведь вполне может статься, что вы — всего лишь еще один поспорившийся с ним мошенник.

— Ну, знаете, дорогая! — воскликнула шокированная Кларисса.

Сильвия пожалала плечами.

— Прошу прощения, но я буду говорить прямо. Мистер Дэй, очевидно, не терял времени даром и за две недели, проведенные с вами на борту «Гемпшира», успел очаровать вас и Гарри. Однако меня ему еще не удалось обработать, и я просто придерживаюсь фактов: никто из нас толком ничего не знает о нем.

— Оставим в стороне домыслы, — огрызнулся я. — Что вы можете предложить?

Она смотрела на меня, и прекрасные черты ее точеного англо-сакского лица как бы застыли, а глаза смотрели строго.

— Вас разыскивают и обвиняют в убийстве моего отца. Если вы на самом деле честный человек и совершенно невиновны, то немедленно заявите о себе в полицию.

— Я принимаю вас, но пойти в полицию — для меня означает оставить всякую надежду свести счеты с О'Кивом.

— Черт возьми! Мне нет абсолютно никакого дела до ваших споров, мистер Дэй. Для меня важно, чтобы убийца предстал перед судом. Если вы сами не хотите поступить, как джентльмен, я буду вынуждена заявить в полицию, и вас немедленно арестуют.

— Это легче сказать, чем сделать, — едко усмехнулся я, рассерженный отсутствием всякого сочувствия с ее стороны.

— Пусть так, — сказала она, спуская ноги с кровати. — Но без посторонней помощи вам не удастся скрываться долго. Гарри и Кларисса не станут помогать вам против моей воли, а Амин окажется бесполезен, как только полиция узнает, что он снабжает вас одеждой.

— Пожалуй, — неохотно согласился я. — Едва ли мне удастся сохранить свободу хотя бы на сутки, полагаясь только на себя.

Она кивнула своей светло-пепельной головой.

— Я рада, что вы поняли это, но готова пойти на компромисс и предлагаю вам выбрать: либо вы мне обещаете, что завтра вечером, посетив Гамалю, сразу же сдадитесь полиции, либо я сейчас же иду туда и рассказываю им о вас все.

Глава X

НАРКОТИКИ

— Я рад, что вы придаете хоть какое-то значение моему обещанию, — кисло сказал я.

— Я придаю ему ровно столько значения, сколько оно заслуживает, — ответила она.

Я пожал плечами.

— Тогда считайте, что оно вам дано. Я устал как собака, и просто не в силах вынести сегодня полицейский допрос.

Все, что мне до сих пор удавалось, я приписывал не своей ловкости, а целиком и полностью частой смене своего обличья. Высадившийся прошлым вечером в Александрии хорошо одетый бородастый британец в течение часа превратился в чисто выбритого арабского драгомана. В половине пятого утра я уже был краснокожим индейцем, а в половине двенадцатого стал бедным греческим рабочим; через девять часов у пирамид я вновь подвергся метаморфозе, приблизившись к своему изначальному виду более, чем мне бы хотелось.

— Гарри, — сказал я. — Сделайте мне одолжение.

— Конечно, старина.

— Мои костюмы слишком хорошо сидят на мне. Вы не против одолжить мне один из ваших, чтобы завтра я не так бросался в глаза?

— Разумеется, — согласился он. — Выбирайте любой.

Гарри был на несколько дюймов ниже меня и гораздо толще, поэтому я ограничился брюками из серой фланели, бело-зеленой клетчатой курткой и пуловером.

Прошло более двух с половиной суток с момента убийства сэра Уолтера. В ту ночь я проспал около четырех часов, а почти сутки спустя — еще часа три в могильнике священных быков. Последние тридцать часов за мной велась охота, и поддерживало меня только постоянное нервное возбуждение. Когда же я вскарабкался к себе на третий этаж, сил не хватило даже на то, чтобы раздеться. И я заснул прежде, чем мое измученное тело рухнуло в постель.

Проснулся я после полудня, а поскольку днем у меня не было никаких дел, и появляться на улицах Каира было небезопасно, я снял одежду, забрался под одеяло и продремал почти до вечера, а потом, облачившись в костюм Гарри, отправился за покупками.

Я приобрел себе ярко-голубую рубашку с мягким воротником, феску, зеленый галстук с белыми верблюдами и жуткую на вид пару лимонно-желтых кожаных туфель с длинными заостренными носами.

Вернувшись в пансион, я примерил обновки и, взглянув на свое отражение в старом, покрытом пятнами зеркале над туалетным столиком, поздравил себя. Одежда Гарри была не очень широка мне в талии, но рукава пальто и брюки оказались на добрую пару дюймов короче, и весь наряд выглядел так, словно был куплен в магазине готового платья. С желтоватого цвета лицом и кричащим галстуком я теперь вполне мог сойти за типичного египтянина среднего достатка, и никому бы не пришло в голову, что некогда я состоял на дипломатической службе его величества короля Британии или обучался в Итоне и Оксфорде. Меня беспокоила только небольшая простуда — вчера после блуждания по хлопковым полям с Сильвией я забыл насухо вытереть ноги, и было похоже, что мне придется поплатиться за эту беспечность.

В половине девятого я отправился пешком вдоль улицы Мухаммеда Али от площади Оперы и дошел до второго поворота направо. Это был малопривлекательный район, именно здесь убили многих британских чиновников в смутные времена, когда египетские националисты, борясь за независимость своей страны, прибегли к тактике террора.

Я без труда нашел магазин ковров. Дверь была заперта, но, сквозь жалюзи пробивался свет, и я громко постучал. Через несколько секунд дверь открылась, на пороге появился араб в белой галабее и молчаливо уставился на меня, ожидая услышать о цели визита.

— Гамаль-эфенди здесь? — спросил я.

Он кивнул.

— Кто желает видеть его, господин?

— Он не знает моего имени, — сказал я, — но скажите ему, что я прибыл от Юсуфа Факри.

— Айя, — поклонился он. — Прошу вас, заходите и дождитесь здесь.

Он закрыл за мной дверь, задвинул щеколду и оставил меня в тускло освещенном магазине. На стенах его висели ковры, в глубине стояло несколько ручных ткацких станков, на которых днем работали маленькие мальчишки. В центре, на полу, ковры были сложены двумя огромными грудками, — и у меня сложилось впечатление, что производство ковров здесь было не прикрытием, а настоящим ремеслом.

Через пару минут слуга вернулся и повел меня наверх, к своему господину. Пока мы обменивались обычными арабскими приветствиями, я успел рассмотреть торговца наркотиками.

Гамаль был толстый, плотный мужчина лет пятидесяти, с седеющими волосами, выбивавшимися из-под края фески, острыми, подвижными глазами, кожей темной и отчасти рябой из-за перенесенной в детстве оспы. Комната, в которой он принимал меня, была, очевидно, его офисом, и казалось, выдавала своего хозяина, будучи

битком набита всякого рода западными вещами, слишком дорогостоящими для владельца допотопного коврового магазинчика.

— Вы от Факри? — спросил Гамаль, подвигая мне через стол коробку с сигаретами.

— Да, — ответил я. — Меня зовут Дауд-аль-Азиз, и я прихожусь Юсуфу двоюродным братом. Сегодня вечером у него началась лихорадка, и он прислал меня к вам.

Я догадывался, что человек по имени Юсуф Факри должен сегодня ночью забрать пакет с наркотиками от Гамалья, и шел на риск, выдавая себя за его брата, но это был единственный пришедший мне на ум способ попасть сюда. Если Юсуф уже успел забрать пакет, то через пару минут мне придется несладко, но я рассчитывал, что такая работа выполняется, как правило, поздно ночью и, явившись в половине девятого, надеялся опередить его. Это был решающий момент, и я исподтишка наблюдал за реакцией Гамалья.

Он нахмурился, размышляя, но затем, к моему облегчению, произнес:

— Так этот молодой дурень опять принял слишком много, а?

— Нет-нет, господин Гамаль — поспешно запротестовал я. — Уверяю вас, бедный Юсуф действительно заболел. По-моему, он съел испортившуюся рыбу и отравился. Он был совершенно разбит и ослаблен, когда умолял меня отправиться к вам и выполнить работу вместо него.

— Какую работу? — спросил Гамаль.

Я пожал плечами и в чисто восточной манере развел руками.

— Господин Гамаль, он сказал мне лишь о том, что вы верите ему и если позволите мне занять его место, я смогу заработать неплохие деньги.

— Бьюсь об заклад, вам известно, чем занимается Юсуф, иначе он не послал бы вас, — торопливо произнес Гамаль.

— Ну, господин Гамаль... — Я скромно потупился. — Юсуф доверяет мне, и, хотя никогда ничего не рассказывает, я догадываюсь, чем он зарабатывает.

— А вам не приходится в голову, что за эти несколько часов работы он может оказаться в тюрьме?

— Хорошие деньги просто так никому не платят, — нравоучительно изрек я. — Всем надо жить, не так ли?

— Это верно, — кивнул Гамаль. — И вы готовы рисковать?

— Я охотно исполню все, что вы скажете, господин Гамаль, если плата будет подходящей.

Секунду он сурово смотрел на меня своими черными, маленькими, как бусинки, глазами, очевидно, размышляя, можно ли верить мне, но моя история звучала достаточно правдоподобно, и ему, вероятно, было нечем заметить Юсуфа. Ничего более не сказав, он встал и вышел из комнаты.

Ожидая его, я уже начинал терять терпение, мне вдруг пришло в голову, что он может звонить куда-нибудь, проверять мою историю, и тогда мои дела плохи. Я опустил руку в карман и поправил пистолет, чтобы можно было быстро вытащить его. Я знал, что если он действительно проверяет меня, то мне удастся выбраться отсюда живым только в

случае, если я стану действовать быстрее него.

В этот момент он открыл дверь, и мои страхи улеглись; он лишь ходил за наркотиком и принес большой пакет в коричневой бумаге.

— Вот, — бросив его на стол, сказал он. — Вам заплатят завтра. Куда послать деньги?

— К Факри, господин Гамаль. Он сказал, что дает мне хорошее дело и, естественно, запросит свою долю. Я только хотел бы знать, сколько вы мне заплатите?

— Двести пиастров. Разделите их, как хотите. Отнесите пакет в Город Мертвых. Вы знаете строение, называемое дом аль-Саида?

Я покачал головой.

— Хорошо. Вам известен полицейский пост? Это почти в центре кладбища.

— Да, — сказал я, и он наклонился над столом, чертя маленькую схему на листе бумаги.

— Вот полицейский пост — единственное освещенное место на всем кладбище, обойдите его стороной и выходите на дорогу, ведущую к новому Каиру. Затем сверните у шестого перекрестка, начиная от поста, в переулок направо, а через двести ярдов опять поверните направо. Там вы увидите дом аль-Саида. Вы не пропустите его — это единственное в округе здание со ставнями на окнах. Сразу за ним находится проход и углубление в стене. Сядьте там, и никто не увидит вас, даже если пройдет на расстоянии одного фута. К вам подойдет человек и скажет: «Я приезжий из Асьюта, и заблудился. Как мне вернуться в город?», на что вы ответите: «Я тоже приезжий, но я из Суэца». По этим словам вы узнаете друг друга. Вы передадите ему пакет и вернетесь домой. Все ясно?

— Абсолютно, — кивнул я. — Он говорит мне, что он из Асьюта, а я ему — что я из Суэца. Когда там надо быть?

Гамаль взглянул на часы.

— Не раньше четверти первого. Почему, черт возьми, вы пришли так рано?

— Юсуф сказал, что у вас должно остаться время найти кого-нибудь другого, если я не подойду вам.

— Понимаю. Тогда все в порядке. Что вы собираетесь сейчас делать?

— Поброжу вокруг. Выпью где-нибудь кофе.

— О нет, ни в коем случае, — поспешно сказал он. — Только не с этим пакетом в руках. Лучше побудьте здесь. Вы можете посидеть внизу, в магазине и, выйдя в половине двенадцатого, успеете вовремя.

— Как скажете, господин Гамаль, — послушно согласился я.

— И еще одно, молодой человек, — продолжил он. — Когда вы закончите эту работу, забудьте о ней. Если кто-либо из моих людей выйдет из строя, я, возможно, вновь использую вас, и вы сможете неплохо заработать на этих прогулках. Но не появляйтесь здесь, пока за вами не пошлют. И запомните: не говорите человеку, который к вам подойдет, ничего, кроме тех слов, что я вам сказал, иначе вам обеспечен нож в спину.

— Не беспокойтесь, господин Гамаль. Я очень благодарен и хотел бы еще поработать у вас. Я сделаю все, как вы сказали.

— Очень хорошо, — кивнул он. — Теперь спускайтесь вниз.

Открыв мне дверь, Гамаль что-то крикнул своему слуге, и тот принес мне номер «Аль-Мокаттам», главной каирской газеты. Я еще раз поблагодарил Гамала, спустился в магазин, уселся на кучу ковров и сделал вид, что читаю.

Итак, мне удалось проникнуть в притон, где собирались курильщики гашиша, а ковровый магазин использовался, как я вскоре понял, только для деловых визитов. Мне повезло, однако, куда больше. Я смог лично познакомиться с Гамалем и стал, пусть и временно, но все же одним из его доставщиков наркотиков. Мне предстояло вступить в контакт с человеком из другой шайки, потом, передав пакет, скрытно последовать за ним и, может быть, обнаружить еще один перевалочный пункт в цепи сбыта.

Однако болезнь Юсуфа была чистым вымыслом с моей стороны, и он наверняка придет в назначенный час забрать пакет, который находился у меня. Едва он появится, все раскроется, и мне придется туго. Я даже думал, не исчезнуть ли отсюда поскорее, но тогда у Гамала могут возникнуть подозрения и он успеет послать кого-либо в Город Мертвых перехватить меня. Мне ничего не оставалось, как сидеть и ждать, пока это безопасно. Я рассчитывал, что Юсуф вряд ли покажется здесь раньше одиннадцати, — работа была для него не в новинку, и ему хватало бы времени, чтобы к назначенному сроку доставить наркотик в Город Мертвых.

Ровно в одиннадцать я встал, подошел к двери и начал открывать задвижку. В этот момент в дверь громко постучали и, открыв ее, я увидел молодого человека моего возраста, чья одежда имела настолько разительное сходство с моей, что я едва не расхохотался. На нем была точь-в-точь такая же клетчатая куртка, такие же серые фланелевые брюки и такой же пуловер с ярким галстуком. Я мыс-

ленно похлопал себя по плечу за превосходный выбор костюма, когда сзади раздался голос слуги:

— Здравствуйте, господин Факри.

Либо слуга был необычайно туп, либо Гамаль не сказал ему, что я должен сегодня заменить Факри; иначе он вряд ли сохранил бы такую невозмутимость. Но Юсуф, заметив пакет, подозрительно взглянул на меня. Мешкать было нельзя. Я широко улыбнулся Юсуфу и с сердечным «Добрый вечер» быстро прошел мимо него, кивнул на прощание слуге и оказался на улице.

Я не решился оглянуться, но чувствовал, что они пристально смотрели мне вслед и возбужденно говорили, стоя на пороге. Едва свернув за угол, я пустился бежать. Народу вокруг было много, и затеряться в толпе не составило труда. Через несколько минут я опять очутился на площади Оперы и принялся размышлять, что делать дальше.

Гамаль и Юсуф после возбужденных объяснений уже, должно быть, поняли, какая шутка с ними сыграла. Что они предпримут? Скорее всего, сочтут меня за вора или полицейского шпиона. Судя по весу пакета, гашиша в нем было не менее чем на пятьсот фунтов стерлингов — неплохой улов для любого вора. Я знал, что некоторые из них занимаются кражей наркотиков, а затем окольными путями перепродают свою добычу прежним владельцам.

Если Гамаль и Юсуф примут меня за вора, естественно, они будут рвать и метать, но этим дело и кончится. Если же решат, что я агент полиции, тогда им придется спешно уничтожать всякие следы своей деятельности, ожидая облавы. Они наверняка попытаются предупредить человека, которому предназначался пакет с наркотиками, но успеют ли? И, несмотря на риск столкнуться с кем-либо из людей Гамала, я все же решил отправиться в Город Мертвых. Я сел в арабскую — небольшую открытую повозку, запряженную коренастой лошадкой, и поехал к северо-западной окраине Каира.

Со времени основания местоположение египетской столицы менялось не один раз. Старый город расположен к юго-западу от современного Каира, на берегу Нила, напротив острова Рода. Его основал в седьмом веке полководец Амр, командовавший войсками халифа Омара, но довольно скоро жители старого Каира стали перемещаться к восточной окраине, предпочитая строить дома близ склона холма Мокаттам, где теперь возвышается величественная крепость. Позже престижные кварталы стали воздвигать еще дальше к северу, но в середине века в Каире разразилась ужасная эпидемия чумы. Жители умирали тысячами, их тела не успевали свозить на кладбище и хоронили в их собственных домах. Чума свирепствовала с такой силой, что оставшиеся в живых покинули северную часть города, известную с тех пор как «Город Мертвых». А между крепостью и излучиной Нила, там где он огибает остров Гезиру, возник новый город, являющийся сердцем современного Каира.

Эпидемия утихла, и уцелевшие горожане обнаружили, что теперь у них по два дома: один в новом городе, а другой — в Городе Мертвых, который они стали использовать как кладбище. Семьи хоронили вновь умерших рядом с телами погибших от чумы в своих старых домах, и вскоре этот обычай настолько укоренился, что правительство издало декрет, чтобы каждая мусульманская семья в Каире имела дом для погребений.

Так у Города Мертвых появились пригороды, протянувшиеся теперь далеко в сторону пустыни от крайней его северной оконечности, и трудно представить себе более странные городские кварталы. Многие старые дома частично разрушились, а поскольку правительство не настаивало на возведении капитальных строений, современному покупателю требовалось всего лишь заложить фундамент для дома и построить стену высотой около трех футов. В результате многие акры территории заняты прямоугольной сеткой кварталов недостроенных домов, отличающихся только степенью завершенности и размерами.

Даже днем Город Мертвых — мрачное и пустынное место, посещаемое лишь похоронными процессиями да

случайными туристами. С наступлением темноты там собираются вори и бродяги всех мастей, и ни один респектабельный человек не рискнет отправиться туда ночью, за исключением того единственного раза в году, когда здравствующие члены каждой семьи собираются в принадлежащем им доме и проводят ночь в молитве за усопших.

В отличие от пригородов улочки старой части Города Мертвых — узкие и извилистые, а строения представляют собой жуткое зрелище: мрачные, не имеющие крыши, зачастую лежащие в развалинах, так что сквозь бреши в рухнувших стенах видны бесчисленные надгробья, тесно стоящие на полу каждой комнаты.

Честно говоря, предстоящее испытание пугало меня. Я знал, что полиция в состоянии охранять только главные улицы, так как потребовалась бы целая бригада, чтобы патрулировать все закоулки города, раскинувшегося на столь обширной территории.

Без пяти двенадцать я расплатился с извозчиком, доставившим меня к мечети аль-Хаким — тихому местечку, почти пустынному в этот час.

Я зажег сигарету, не спеша закурил ее, ожидая, пока повозка скроется из глаз, затем повернул на северо-восток и прошел несколько сот ярдов между двумя рядами ветхих домов, населенных бедными арабами. Затем дорога пошла вверх, мимо куч камней и песка. На фоне ночного неба начали вырисовываться неровные очертания развалин, и город живых сменился Городом Мертвых.

Позади остались освещенные улицы и, обернувшись, я увидел над крышами современного Каира красноватое зарево сотен тысяч огней, с которым теперь смешивались похожие на булавочные головки огоньки близлежащих домов. Но впереди разилась непроходимая тьма, и лишь звезды слабо мерцали чуть повыше полуразрушенных стен. Снизу, издалека, доносился приглушенный шум ночной жизни большого города, здесь же было тихо, как в могиле, да и сам город являлся большим пустынным кладбищем, ибо, куда ни глянь, в каждой комнате любого из домов находились десятки могил.

Я старался двигаться бесшумно, напрягая слух, чтобы вовремя уловить малейший звук. У меня не было желания наткнуться на полицейский патруль, который наверняка заинтересовался бы мною и мог арестовать, справедливо полагая, что ни один честный человек не появится здесь в такое время. Но еще больше я опасался внезапного нападения бандитов, которые, как говорили, могут скрываться среди руин. Поэтому я придерживался середины дороги и избегал ее обочин, тонувших во мраке и таящих неведомые угрозы.

Добравшись до вершины холма, я повернул налево, на длинную и прямую главную улицу, и с замирающим сердцем, судорожно сжимая рукоятку пистолета, прошел около полумили, пока не увидел впереди слабый отсвет бивачного костра полицейского поста. Еще через несколько минут ходьбы улица кончилась, я осторожно высунулся за угол крайнего дома на старую площадь, бывшую раньше центром города. Я увидел деревянный навес и две армейские палатки, возле которых были привязаны с полдюжины знаменитых белых верблюдов — дромадеров Эссекс-паши. Посреди площади пылал огромный костер, а вокруг сидели на корточках с десятком египетских полицейских.

Я неслышно пустился в обратный путь, все так же по середине дороги, считая перекрестки и не убирая руку с пистолета, из боязни, что головорезы уже крадутся за мной по пятам и могут наброситься в любой момент.

Отсчитав шесть поворотов, я свернул в переулок, идущий к основанию холма, а затем, следуя инструкциям, еще раз повернул направо. Я без труда отыскал дом аль-Саида и, обнаружив проход и нишу, где мне было велено ждать, прошел дальше и спрятался в двадцати ярдах от этого места. Там, с бьющимся от волнения сердцем и стораю от нетерпения, я стал дожидаться последующих событий.

Минуты тянулись мучительно долго, но ни один звук не нарушал тишины вокруг, и я уже начал думать, что Гамаль успел вовремя предупредить своего сообщника.

Вдруг где-то неподалеку покотился камень. Я тут же напряг слух и услышал мягкую пошсть крадущихся ног. Еще секунду спустя я заметил какое-то движение в тени, сгустившейся у поворота на главную улицу. Мне показалось, что она чересчур размыта, чтобы принадлежать одному человеку и, пристально вглядываясь во мрак, внезапно увидел четыре приближающиеся фигуры.

«Почему четверо вместо одного?» — мелькнула мысль, и я быстро предположил, что они не имеют ничего общего с Гамалем, а относятся к одной из банд, которых я так опасался. Но они дошли до закутка, где я должен был находиться, остановились и начали что-то оживленно обсуждать.

Судя по всему, они были удивлены и раздосадованы, найдя закуток пустым. Отставив в сторону прежнюю осторожность, они вышли на середину улицы, и в слабом свете звезд я наконец-то смог рассмотреть их силуэты. Один из них показался мне странно знакомым и, присмотревшись, я узнал Юсуфа. Я сразу понял, что Гамаль послал его со своими людьми предупредить человека, которому я должен передать наркотик, а если я окажусь полицейским шпионом и приду на встречу — попытаться убить меня. И в подтверждение этой мысли в руке одного из них я заметил слабо блеснувший нож.

Я благодарил небеса за то, что у меня хватило здравого смысла спрятаться рядом с местом предполагаемого rendezу, но меня отнюдь не вдохновляла мысль, что я не могу скрыться незамеченным. Решив обезопасить себя от внезапной атаки сзади, я выбрал для укрытия угол, где сходились две высокие стены, тень которых превосходно защищала меня, но я оказался в безвыходном положении, если им взбредет в голову поискать меня где-нибудь в окрестностях. Единственным утешением было, что вокруг немало превосходных мест для укрытия, и, не обнаружив меня сразу, они могли бы счесть дальнейшие поиски бесполезными.

Я слышал, как они обсуждали план действий и даже уловил слова одного из них, заявившего, что бессмысленно задерживаться здесь. Наконец, к моему глубокому облегчению, они направились в сторону главной улицы.

Но не прошли они и десяти ярдов, как я почувствовал сильную щекотку в носу. Проклятая простуда, подхватившая прошлой ночью, весь вечер беспокоила меня. Я заскрежетал зубами, зарылся носом в платок и, несмотря на неимоверные усилия сдержаться, громко чихнул. Юсуф и его спутники мгновенно остановились, выхватили ножи и с криками бросились в мою сторону.

Перевел с английского А. КУЗЬМЕНКОВ
Рисунки В. ФЕДОРОВА

Продолжение следует

ПОГИБЛИ ЗА ФРАНЦИЮ

37 LES RUSSES A PARIS — Défilé rue

Русскія Войска въ Парижѣ. Шествіе

Рояль и по площади

Reproduction interdite

Публикация Владимира Лобыцына «Белая гвардия: последний приют» в №1 за 1994 год вызвала немало читательских откликов.

Тема оказалась личной не только для автора, но и для многих читателей.

Во всех письмах читатели предлагают продолжить тему русских во Франции.

Редакция благодарит читателей за отклики и, выполняя их пожелание, предлагает очерк Владимира Лобыцына «Погибли за Францию», написанный по результатам поездки в Париж в мае 1994 года, организованной журналом при содействии Инкомбанка и фирмы «Лайс», откликнувшихся на публикацию «Белая гвардия: последний приют».

Если бы не безупречный асфальт и непривычная придорожная чистота, это пустынное шоссе с густым лесом по обочинам можно было бы принять за подмосковное. Тем более, что неподалеку на выложенной щебнем площадке стоит увенчанная церковной луковкой с православным крестом колонна-obelisk из потемневшего от времени камня. А поодаль, на другой стороне дороги, сквозь лес виднеются уже настоящие купола церкви с колокольней-звонницей в древнерусском стиле...

Так выглядело место, затерявшееся где-то во французской провинции Шампань, о котором я впервые узнал в декабре 1990 года в Париже, листая в книжном киоске «Гид русских во

Франции». Тогда меня поразила трогательная надпись на обелиске, запечатленном на фотографии: «Дети Франции! Когда враг будет побежден и вы свободно сможете рвать цветы на этих полях, вспомните о ваших русских братьях — и принесите сюда цветы». В пояснении было сказано, что обелиск установлен в 1917 году в память русских воинов 2-го специального полка. И еще было сказано, что стоит обелиск «анфас» перед русским военным кладбищем в Сент-Илер-ле-Гран, что лежит в 4 километрах к северо-востоку от городка Мурмелон (который, впрочем, тоже «ле-Гран», «большой»). «Гид» информировал также, что на кладбище похоронены 908 русских воинов, погибших в войне 1914 — 1918 гг., 36 советских во-

Торжественное шествие русских войск в Париже 14 июля 1916 года [открытка 1916 года из коллекции парижанина доктора Ю.В.Копылова].

В мае 1994 года я снова оказался в Париже, куда приехал по приглашению ассоциации, возглавляемой инженером-судостроителем Юрием Алексеевичем Климовым. Зная мой интерес, Юрий Алексеевич представил меня своему парижскому другу, доктору Юрию Вячеславовичу Копылову. Его отец, Вячеслав Иванович, офицер лейб-гвардии Павловского полка воевал на французском фронте в составе русской 3-й особой бригады. Юрий Вячеславович собрал обширный материал об участии русских войск в боях на Западном фронте в 1916 — 18 гг. Познакомившись с этим, зачастую уникальным материалом, я ясно представил себе военную страду русских бригад во Франции, увидел на фотографиях лица воинов, их окопный быт. Оставалось только найти человека с автомобилем, который согласился бы съездить почти за 200 километров и, как выяснилось позже, заплатить за проезд по автострате шесть раз — туда и обратно.

Таким человеком — мир все-таки полон хорошими людьми! — оказалась приятельница моих родственников Наташа Барановская. И вот рано утром 14 мая синий «Фиат-Типо», называемый своей владелицей «кастрюлькой», ехал на восток от Парижа по направлению к Реймсу, центру провинции Шампань. От него, уже по местной дороге, нам предстояло добраться до Мурмелона и далее — до Сент-Илера.

И вот мы в Реймсе. Он известен своим редкой красоты собором, в котором короновались французские короли и давала клятву освободить Францию Жанна д'Арк. И в первую, и во вторую мировые войны собор сильно пострадал, была утрачена часть его уникальных витражей. Сейчас на месте одной из утраченных частей красуются современные витражи, выполненные по рисункам нашего выдающегося соотечественника Марка Шагала.

Название провинции Шампань знакомо, пожалуй, каждому русскому. То, что это — центр виноделия,

сразу видно: во всех магазинах и магазинчиках полно шампанских — то есть местных — вин. И, кроме того, на улицах висят огромные, в рост человека, сувенирные бутылки наиболее известных сортов шампанского. Они стоят на специальных подставках и возле них — или в обнимку с ними — любят фотографироваться туристы.

Из Реймса мы направились в Мурмелон-ле-Гран — еще чуть более 20 километров. Вокруг расположены многочисленные военные лагеря, издавна находящиеся здесь. В одном из них — Кан-де-Шалон в октябре 1896 года принимал большой парад французских войск русской император Николай I. «Франция может гордиться своей армией!» — сказал император по окончании парада. Не предполагая, что ровно двадцать лет спустя именно на этих полях русская армия будет сражаться, помогая Франции сдерживать натиск немецких войск...

Сейчас же, глядя на расстилающиеся вокруг ухоженные поля, покрытые коврами зеленых трав и желтого рапса, на нескончаемые виноградники, аккуратные селения, невозможно себе представить, что эти, дышащие миром и спокойствием, места были ареной кровавых сражений. И только памятники далекой 1-й мировой войны, да щиты-указатели военных музеев напоминают об этом.

Оказалось, что найти русский обелиск и кладбище не так-то просто. Мы останавливали жителей Мурмелона, молодых и старых, и Наташа спрашивала у них дорогу к обелиску. С извинениями нам отвечали, что не знают. Наконец я просто открыл путеводитель с фотографией обелиска, и одна миловидная жен-

Русское военное кладбище в Сент-Илер-ле-Гран и храм-памятник «Русским солдатам, павшим на поле славы во Франции в 1916—1918 гг.» Храм воздвигнут в 1937 году во имя Воскресения Христова по проекту Альберта Бенуа, представителя известной династии русских художников. Фото автора.

инов, погибших в 1941 — 1945 гг. и что на кладбище в 1936 — 37 гг. Альбертом Бенуа построен храм Воскресения.

В нашей литературе, скупс сообщавшей об участии русских войск в 1916 году в боях на Западном фронте, упоминания об этом обелиске я не встретил. И только в 1993 году в журнале «Родина» был помещен материал, перепечатанный из издававшегося в Париже журнала «Часовой», о действиях русского экспедиционного корпуса на французском фронте в 1916 — 18 гг., о русском военном кладбище и храме-памятнике близ Мурмелона. И я, занимаясь русскими военными во Франции, посчитал необходимым самому добраться до этих памятных мест и увидеть все своими глазами.

щина радостно улыбулась и показала нам дорогу.

Обелиск мы нашли, но — не наш. Оказалось, что это один из французских. После этого осталось только ехать прямо в полицию, где нам и указали направление на Сент-Илер, к русскому военному кладбищу. Едем, — увидели неприметный указатель, свернули — и справа от дороги нам открылся обелиск с церковной луковкой и крестом, а слева — кладбище и церковь со звонницей...

Оказалось, что, помимо французской надписи на передней грани обелиска, так поразившей меня, сбоку есть краткое пояснение по-русски: «Здесь покоятся русские герои 2-го особого Пехотного полка, павшие в боях и на разведках на секторах D и C». У подножия обелиска — памятная доска, установленная в память своих боевых товарищей членами Союза офицеров экспедиционного корпуса — участников войны на Французском фронте. И живые цветы. Моя спутница подняла с земли новенькую блестящую гильзу от холостого винтового патрона...

Как же русские солдаты на третьем году войны, столь тяжелой для самой России, оказались во Франции? Ответ очевиден. Исполняли союзнический долг. По существу же союзники России всегда считали ее людские ресурсы неисчерпаемыми и в моменты кризисов на Западном фронте стремились привлечь к участию в боевых действиях русские войска. Так было еще в начале войны, в период битвы на реке Марне, когда немцы наступали на Париж. Тогда союзники пытались отгравировать во Францию через Архангельск несколько русских корпусов. Эта идея возникла снова осенью 1915 года, когда военная промышленность Франции оказалась на грани краха из-за нехватки рабочей силы. Для работы на военных заводах пришлось возвращать солдат с фронта — из сильно поредевшей французской армии. И тогда в декабре 1915 года председатель военной комиссии сената Поль Думер отправился в Россию просить 300 тысяч солдат для пополнения французской армии...

И здесь я вынужден сделать отступление, которое не может оставить читателя равнодушным. Поль Думер в мае 1931 года был избран президентом Франции, а ровно через год убит русским эмигрантом Горгуловым. Как же могло случиться, что русский поднял руку на президента страны, дружественной и к старой России, и к России советской, и к России зарубежной, на старика, всех своих четырех сыновей потерявшего на 1-й мировой войне? В различных изданиях истории Франции в изложении советских историков этот трагический эпизод дается предельно кратко: президента убил белогвардеец-эмигрант. Авторы не смущает сразу возникающий вопрос: зачем же белогвардейцу-эмигранту убивать президента страны, гостеприимно принявшей всю русскую эмиграцию?

В воспоминаниях Л.Д.Любимова, в конце 40-х годов вернувшегося на родину, этому событию посвящена целая глава, названная «Выстрел Горгулова». Именно Лев Дмитриевич Любимов был корреспондентом парижской газеты «Возрождение», который от начала до конца освещал на ее страницах «дело Горгулова». К этому первоисточнику, ставшему доступным после преобразования спецхрана бывшей Ленинской библиотеки в отдел русского зарубежья, я и обратился, предполагая найти на страницах «Возрождения» совсем другое, нежели в воспоминаниях советского реэмигранта. Мои предположения подтвердились, и в газете я не нашел ни слова о «врангелевце», «о моральной ответственности верхов эмиграции за выстрел Горгулова», ни глубокой убежденности в непричастности к убийству президента московских чекистов. В газете корреспондент Л.Любимов строго излагал сведения, становившиеся известными в ходе громкого дела, не затушевывая их противоречивости. Любопытно, что нигде не называлось отчество Горгулова и лишь изредка имя — Павел. Многие русские эмигранты откликнулись на призыв дать показания, но, читая их, невольно обращаешь внимание на то, что Павла Горгулова знали многие — и не знал никто. Кто-то знал Горгулова в детстве, кто-то учился с ним в школе или еще до Великой войны служил в армии, а кто-то узнавал в нем чекиста из Ростова-на-Дону, Одессы. Отчество Горгулова прозвучало только раз, когда газета «Правда» опубликовала признание женщины, назвавшей его матерью. «Узнаю на фотографии своего сына Павла Тимофеевича Горгулова, 37 лет». Правда, женщине, сделавшей заявление, было так много лет, что Горгулов удивился. Он считал свою мать моложе. Но так как письмо было прислано из родной станции Горгулова, можно думать, что его отчество, как и возраст, организаторы письма не перепутали. Из всего прочитанного в «Возрождении» и дополненного воспоминаниями эмигрантов, знавших Горгулова незадолго до убийства, его история выглядит так.

Павел Тимофеевич Горгулов (1895 — 1932) — казак станицы Лабинской, выпускник военно-фельдшерской школы в Екатеринодаре. В советской истории назывался «белогвардейцем», «белоэмигрантом», однако участником Белого движения ни на каком этапе не был, а в эмиграцию попал из советской России, где был студентом-медиком в Ростове-на-Дону. В конце 1920 года сумел перейти в Польшу, а в 1921 году, уже с польским паспортом, — в Чехословакию. Там он безуспешно пытался получить льготы, выдавая себя за участника Белого движения. Окончил медицинский факультет в Праге, но, работая там гинекологом, в 1930 году был лишен врачебной практики из-за жалобы пациенток, обратившихся в суд.

В июле 1930 года, получив временную французскую визу, появился в Париже и начал нелегально практиковать среди русских эмигрантов. Изображал из себя писателя, выступил под одиозным псевдонимом Павел Бред. Написал «Роман казака» и драму «Жизнь доктора Горгулова».

Сам Горгулов утверждал, что убил президента из-за его недостаточно жесткой политики по отношению к Советам, но истинная подоплека его выстрелов на книжной выставке писателей-комбатантов 6 мая 1932 года так и осталась невыясненной. Причастность ОПТУ к организации убийства подтверждена не была, хотя общественное мнение, исходя из древнего принципа: «Кому это выгодно?» считало убийство направленным на уничтожение русской эмиграции и делом рук чекистов.

Русская эмиграция единодушно откристилась от Горгулова. К чести французских никаких враждебных действий по отношению к русским проявлено не было. А парижский черноработчий Сергей Дмитриев, бывший корнет, участник 1-й мировой и гражданской войн, чтобы смыть позор с русских, покончил с собой, написав перед смертью, что умирает за Францию. Трагическая кончина Сергея Федоровича Дмитриева так потрясла русскую эмиграцию, что, вопреки религиозным правилам в отношении самоубийц, митрополитом Евлогием в главном храме Св. Александра Невского на улице Дарю в Париже была отслужена панихида.

По приговору суда присяжных признанный психически нормальным убийца президента был гильотинирован, доставив напоследок затруднение своим палачам: его шея человека-гиганта не помещалась в гильотине.

Но вернемся к декабрю 1915 года, когда в Россию из Франции прибыл председатель военной комиссии сената Поль Думер. Ему удалось «вырвать» у главнокомандующего русской армией, императора Николая II и его начальника штаба генерала Алексеева согласие («в виде опыта») послать во Францию особую бригаду. В начале 1916 года бригада в составе около 9 тысяч солдат и офицеров была сформирована в Москве и Самаре. Из-за немецких подводных лодок, топивших транспорты союзников в Атлантике, бригада была отправлена с Дальнего Востока, из порта Дайрен, в недалеком прошлом — русское Дальнего, потерянного в результате русско-японской войны.

Французы с восторгом встречали русские войска, приехавшие из далекой России, чтобы спасти их. Вот как описывает встречу русской особой бригады в Марселе 26 апреля 1916 года ее участник, военный агент России во Франции полковник Алексей Алексеевич Игнатков. «Перед нами открывалась незабываемая картина: со стороны Старого порта... вытягивалась яркая многоцветная лента. Это была наша пехота, покрытая цветами. Впереди полка два солдата несли

один грандиозный букет цветов, перед каждым батальоном, каждой ротой тоже несли букеты, на груди каждого офицера — букетики из гвоздики, в дуле каждой винтовки тоже по два, по три цветка... «О, эти наверняка нас спасут!» — слышались громкие рассуждения в толпе. А французский участник встречи, лейтенант Пьер Пети, отметил, что особый фурор произвел медвежонок, сопровождавший русских солдат; мишка, приобремененный ими в Сибири, впоследствии прошел войну на французском фронте и даже вместе с солдатами попал под газовую атаку немцев.

В августе того же года на французский фронт из Архангельска была отправлена еще одна, 3-я особая бригада. Эти две русские бригады и влились в состав французской армии, сражавшейся с немцами в Шампани. Здесь они приняли участие в утомительной позиционной войне восточнее Реймса.

Обычными действиями русских войск были боевые поиски, разведки, дающие свежие данные о противнике французскому командованию. Вот что значит «бои и разведки» на памятном обелиске. А «2-й особый пехотный полк» полковника Дьяконова — один из двух полков 1-й особой бригады генерала Лохвицкого (кстати, родного брата Надежды Александровны и Мирры Александровны Лохвицких: первая из них — известная русская писательница Тэффи, вторая — известная поэтесса Мирра Лохвицкая). 1-я бригада простоила на позициях «на секторах D и C» с июня по октябрь 1916 года. Ее сменила 3-я бригада генерала Марушевского, оставшаяся на позициях до марта 1917 года. 31 января 1917 года немцы выпустили на позиции бригады несколько волн ядовитых газов, отравив более 300 человек, из них 22 — насмерть. За время «боев и разведок» русские бригады потеряли 8 офицеров и более 700 солдат.

Еще тогда французское командование отмечало «неукротимую энергию русской пехоты». И тогда же, в 1917 году, еще до окончания войны, французы установили в Сент-Илер-ле-Гран обелиск в память погибших русских.

Впоследствии неподалеку от памятного обелиска французским правительством было устроено русское воинское кладбище — единственное во Франции (в других местах погибших во Франции русских хоронили на военных участках местных кладбищ или в отдельных могилах). Позже на кладбище хоронили воинов Русского легиона Чести — батальона, составленного из русских, после выхода России из войны по Брестскому миру оставшихся верными союзниче-

скому долгу и продолжавших воевать во французской армии.

В мае 1918 года русский батальон спас положение, не допустив продвижения немцев по шоссе Суассон — Париж. В последней контратаке участвовал даже медицинский персонал, и из 150 человек, принявших в ней участие, в живых осталось 40. С этого момента русский батальон стал именоваться Русским легионом Чести и под этим именем вошел в неизвестную нам историю 1-й мировой войны, заканчивавшейся ранее для нас Брестским миром.

Летом 1934 года возникший во Франции Союз офицеров русского экспедиционного корпуса приобрел рядом с кладбищем участок земли, на котором было решено построить храм-памятник. Его проект создал Альберт Александрович Бенуа (1888 — 1960), представитель славной династии русских художников, архитекторов, искусствоведов. В апреле 1936 года храм во имя Воскресения Христова был заложен, а 16 мая 1937 года освящен митрополитом Евлогием.

Купола этого храма: золотой — над колокольней и синий — над церковью — и виднеются сквозь лес неподалеку от памятного обелиска. Храм построен по типу новгородско-псковских церквей XV века, который чуть позже, в 1938 — 39 годах Бенуа использует и для храма Успения Божьей Матери на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Очень красива чуть сужающаяся сверху колокольня-звонница, белой стелой возносящаяся к небу. На стене золотой смальтой выложена надпись по-французски: «Русским солдатам, павшим на поле славы во Франции в 1916 — 1918».

Внутри храм украшен древнерусской росписью, выполненной самим Бенуа, которому помогала его жена Маргарита Александровна. На стенах изображены четыре герба: московский, киевский, новгородский и владимирский. Под гербами — мраморные доски в память погибших русских воинов, покоящихся на кладбище. Здесь же — небольшой музейный раздел: макет местности возле деревни Оберив, на которой происходили «бои и разведки» русских особых бригад, боевые награды русским полкам от французского командования, военные реликвии. А над иконостасом — надпись по-славянски из Еван-

гелия от Иоанна, так подходящая к этому русскому памятнику на французской земле: «Больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя».

Справа от входа в храм, на большом участке, обнесенном сетчатой оградой, расположилось русское воинское кладбище. Одинаковые серые кресты, выстроенные в шеренги. И на каждом — надпись: «Погиб за Францию». И такие знакомые имена и фамилии: Акимов Александр, Бачков Иван, Дуло Савелий, Даниленко Тимофей... Отдельная шеренга крестов с одинаковой надписью: «Неизвестный русский солдат».

Помимо отдельных могил с крестами — братская могила 426 русских солдат. Памятник на ней — пирамида, столь знакомая по воинским могилам на наших кладбищах, только наверху вместо привычной звезды — крест. Посаженный у памятника куст терновника так вырос, что закрывает надпись. Кладбище посещается редко, и потому ступать приходится по сплошному ковру маргариток. Но раз в году, в мае, когда отмечается очередная годовщина прибытия русских войск во Францию, в Сент-Илер съезжается много людей, главным образом, потомков воинов русского экспедиционного корпуса и Русского легиона Чести. И тогда в храме устраивается большая поминальная служба по русским воинам, погибшим за Францию.

Когда, осматривая кладбище, выходишь к отдельно стоящей шеренге крестов, на память невольно приходят слова печальной и мудрой песни: «Спите себе, братцы, — все придет опять: новые родятся командиры, новые солдаты будут получать вечные казенные квартиры...» Действительно, все повторилось: за первой — вторая мировая война, те же враги и — новая шеренга крестов. Под ними упокоились новые русские солдаты — советские граждане, военной судьбой занесенные во Францию, сражавшиеся там с фашизмом и погибшие. На всех 36 крестах написано: «Погиб за Родину». Фамилии наших соотечественников еще можно разобрать, но имена... Что могут значить Rvaron, Volsni, Miscoc, Mantzo? Разве что в «Miscoc» отдаленно звучит «Мишка». И вдруг — среди этой сумятицы имен и фамилий ясное и чистое: «Сергеенко Катя, советский солдат». И как у всех — «Погибла за Родину». Как же далеко от родного дома занесло Катю! И какая из бесчисленных русских Катюш нашла здесь свой последний приют?

Далеко от России русское воинское кладбище в Сент-Илер-ле-Гран, где нашли вечный покой русские солдаты, погибшие за Францию. И вечной благодарностью им остались слова маршала Фоша: «Тому, что Франция не оказалась стертой с карты Европы, мы обязаны прежде всего России».

И мы вправе этим гордиться.

Сент-Илер-ле-Гран — Париж

Обелиск в память русских солдат, погибших на полях Шампани, с надписью: «Дети Франции! Вспомните о ваших русских братьях и принесите сюда цветы».

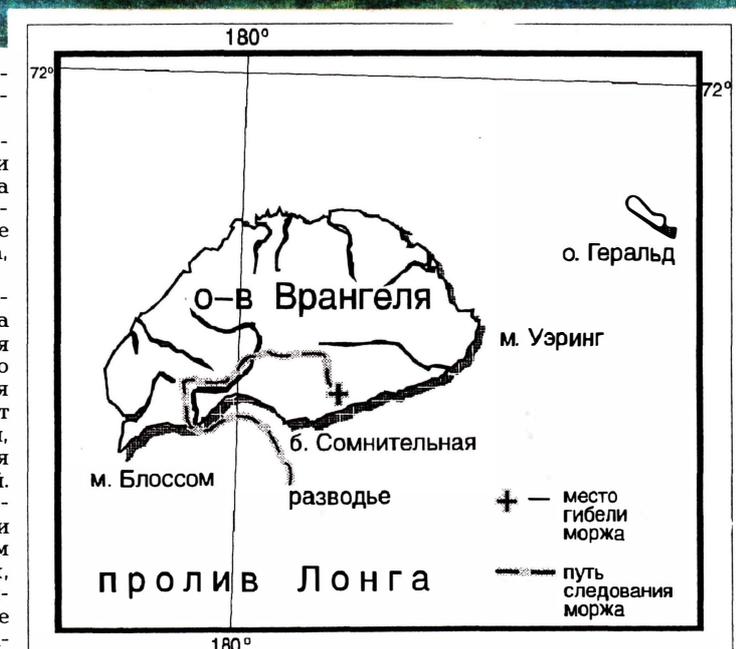
Анатолий КОЧНЕВ,
фото автора

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МОРЖ

28 мая он появился в бухте Сомнительной. Сначала я принял его за грязный торос и подумал, что еще вчера этого тороса не было. Потом, разглядев в окуляре бинокля крупного моржа, глазам не поверил.

Обычно моржи появляются у берегов острова Врангеля в середине июля после взлома берегового припая и разрежения льдов. Они приплывают сюда из Берингова моря, где зимуют, спариваются и рожают детенышей. Окрестности острова привлекают их небольшими глубинами и обилием донных беспозвоночных, которые служат им пищей. Моржи — стадные животные, и предпочита-

ют жить «общинами», на береговых лежбищах иной раз собирается до 70 тысяч зверей. Как же оказался этот одинокий морж среди сплошных припайных льдов вдали от сородичей и в такие ранние сроки?

Я наблюдал за ним в бинокль около часу, и все это время он отдыхал, лежа на животе и уткнув клыки в лед. Я пытался разглядеть трещину, через которую он мог бы выбраться на поверхность льда, но ничего похожего не обнаружил. Да и трудно было что-нибудь разобрать с расстояния в два с лишним километра. Поэтому, захватив фотоаппарат и натянув болотные сапоги, я пошел по льду в сторону моржа.

Снег по припаю в эту пору почти весь стаял, и вся поверхность льда была покрыта лужами, иной раз до полуметра глубиной. Часто попадались трещины. Вернее, не трещины даже, а только намеки на них, шириной в два-три сантиметра, указывающие направление, по которому скоро пойдет разлом припая. Один раз я наткнулся на нерпичью лазку — такими лазками кольчатая нерпа пользуется в течение всей зимы для дыхания и отдыха на поверхности льда. Опустив в лазку длинный шест, я измерил толщину льда — почти два метра. Мысль о том, что морж мог пробить лед такой толщины или вылезти через нерпичью лазку, диаметр которой около сорока сантиметров, — конечно, полная чепуха... Единственное объяснение — это широкая трещина.

Чтобы морж не нырнул в невидимую мне трещину до того, как я рассмотрю его поближе, пришлось сделать большой крюк и зайти против ветра. Он заметил меня, когда я был уже метрах в сорока, высоко вскинул голову, а затем пополз, медленно перебирая ластами. Никакой трещины рядом не было. За ночь лужи покрылись корочкой льда, и там, где проползал морж, этот лед легко лопался — широкий след шел отсюда к юго-востоку. Я двинулся вдоль следа, в обратном направлении, чтобы проследить, откуда морж пришел. След постепенно заворачивал на юг, во льды пролива Лонга. Затем я опять вернулся к моржу. При моем приближении он снова зашевелился и пополз. Его движения были медленными и неловкими. Морж подтягивал свое громоздкое тело, опираясь только на передние конечности. Задние ласты и живот он вывернул вбок. Они, похоже, были сильно истерты — на льду оставались розовые пятна крови.

Продвинувшись вперед метров на пятьдесят, морж остановился, воткнув клыки в лед и чуть развернув голову в мою сторону, чтобы не потерять меня из виду. Это был крупный взрослый самец, хотя и не достигший еще максимальной величины и веса. Отсутствие видимых признаков истощения говорило, что его путешествие по льду началось не так давно. Но непривычный способ передвижения сильно утомил его — в подозрительно косивших на меня глазах животного через несколько минут появилось сонное выражение и, невзирая на опасного соседа, каким я для него, несомненно, являлся, морж вскоре задремал. Я медленно стал придвигаться к нему и, когда до него оставалось несколько метров, под ногами предательски хрустнула льдинка. Морж мгновенно прореагировал на резкий звук и, обнаружив близости меня, вздыбился в угрожающей позе. Приподнявшись на передних лапах и задрав вверх голову с массивными

грозными клыками, он глыбой возвысился надо мной. Медленно поводя клыками из стороны в сторону, он попытался от меня, но увидев, что я не собираюсь его преследовать, опустился на ласты и пополз прочь. Через десяток метров он вдруг воткнул клыки в лед и резким движением шеи перекинул тело в сторону, разрывшись на 180 градусов. Теперь мы находились лицом к лицу. В его уставших глазах ясно читалась мысль: «Ну что ты ко мне пристал...»

Иногда бывает, что осенью некоторые моржи, забравшиеся далеко на север, не успевают откочевать до образования плотных льдов и остаются на зимовку в Чукотском и Восточно-Сибирском морях, придерживаясь широких разводий и полыней. О встречах с такими моржами часто рассказывают авиаторы и гидрологи. Я сам видел нескольких таких «зимовщиков» в начале апреля, когда летал к северу от острова в районе Заврангелевской полыни. Скорее всего, «мой» одинокий бродяга принадлежал к их числу. Ближайшие разводья сейчас находились километрах в пятнадцати к югу от острова. Видимо, разлом в майском солнышке, морж отдыхал у края трещины, когда произошла сильная подвижка и кромка льда сомкнулась. В поисках спасительной воды морж оказался у самого берега. И теперь продвигался вдоль суши на запад.

Через пару часов зверь понял, что я не причиню ему вреда, и спал, почти не обращая на меня внимания, даже когда нас разделило три-четыре метра. Так, спящим, я и оставил его, вернувшись на кордон. Еще в течение четырех суток я наблюдал, как он с завидным упорством продвигался на запад, делая около трех километров в день. 1 июня морж исчез за пределами видимости.

Вскоре мне пришлось покинуть остров, а когда я вернулся в конце июля, то первая же новость, которую мне сообщили, напомнила о майской встрече с моржом.

...Его увидели с машины. Летом для передвижения по острову пользуются тяжелым «ГАЗ-66», причем так, чтобы не нарушить растительного покрова тундры. Дорогами для транспорта служат галечные русла рек. Морж находился чуть ли не в центре острова, в верховьях реки Хищников. Он был совершенно истощен, лопатки выширала наружу двумя острыми горбами, кожа висела безобразными складками. Но у него еще оставались силы делать угрожающие выпады клыками, когда к нему подходил человек с фотоаппаратом. На следующий день его видели почти на том же месте, за сутки он продвинулся не больше, чем на 200 метров вниз по течению реки. Это было 27 июня, ровно

через месяц после моей встречи с ним в бухте Сомнительной. В середине июля его нашли мертвым. За последние двадцать дней он смог пройти лишь километр. А до моря оставалось еще целых восемнадцать...

Это не первое наблюдение за передвижением моржей по суше на значительное расстояние. О подобном случае на острове Врангеля в 1941 году писал известный зоолог К.К. Чапский. Автор знаменитой книги «Дерсу Узала» В.К. Арсеньев в 20-х годах выпустил брошюру, посвященную моржам, где привел свидетельства чукотских охотников о пешем переходе группы моржей из Колочинской губы в залив Лаврентия. А мне лично рассказывали охотники из Инчоуна, что в середине 70-х годов несколько моржей поздней осенью ходили по льду замершей лагуны, пока их не застрелили. Журнал «Природа» целый разворот посвятил случаю, произошедшему в 1969 году в Нижнеянской, когда в поселок пришел молодой морж, проделавший путь по льду и берегу не менее 45 километров. Однако «мой» знакомец является своего рода рекордсменом среди моржей-путешественников. Расстояние, пройденное им по берегу и льду, даже по самым осторожным подсчетам составляет не менее 85 километров!..

Итак, отчаянная попытка пересечь остров Врангеля закончилась трагической гибелью путешественника от голода. И хоть это был не человек, а только морж, все равно жаль его...

Возникает закономерный вопрос: могли ли мы, сотрудники заповедника, призванием которых является охрана редких животных, спасти заблудившегося моржа? Технически это вполне выполнимая задача. Но в результате многолетних дебатов по поводу зверей, попавших в трудную природную ситуацию, — будь то морж, оставшийся вдали от спасительной воды, или белый медвежонок, брошенный матерью, — мы пришли к мысли, что не имеем права вмешиваться в естественные процессы. Пусть все происходит так, как должно происходить в природе. К примеру, в нашем случае, белый медведь, истощенный неудачной охотой за нерпой, может найти погибшего моржа. Мясо моржа восстановит его силы. Тем более, что падал — один из основных источников питания белых медведей в Арктике. Так что, какие бы чувства мы ни испытывали к бродяге-моржу и как бы мы ни желали помочь ему, решено было оставить его в покое и проследить за ним, проверить, чем закончится его необычное путешествие.

Никита КРИВЦОВ

"ТАИНСТВЕННЫЙ ПИРАТ" И ЕГО СОБРАТЬЯ

Слово «таинственный» в этом заголовке, на первый взгляд, может показаться лишним — пираты и так окружены ореолом романтики и таинственности. Они — если забыть их кровавые злодеяния — представляются отважными морскими волками, вступающими в жестокие схватки со своими противниками, а легенды о спрятанных ими несметных сокровищах до сих пор будоражат воображение многих и многих людей.

Однако, как правило, все это касается пиратов Карибского моря и Атлантики, история и подвиги которых описаны не одним автором. Пиратам же Индийского океана повезло куда меньше. Рассказывая о них, историки и писатели ограничивались лишь пиратами Мадагаскара, — а точнее острова Сент-Мари, — привлеченные легендарным ореолом якобы созданной там пиратской «демократической» республики Либерталии. И при этом — на ярком, романтическом фоне «подвигов» пиратов Мадагаскара и чуть ли не «социалистической» жизни в Либерталии — как-то уходило в тень то, что лежащие по соседству Маврикий, Реюньон, Сейшелы и другие более мелкие острова западной части Индийского океана тоже долгие годы служили пристанищем морским разбойникам. Причем вовсе не легендарным, а вполне реальным. Потомки

пирата Жана-Франсуа Одуля (у нас его иногда неправильно называют Годул или Гудул) и по сей день на Сейшелах, а Робер Сюркуф среди франко-маврикийцев считается чуть ли не национальным героем. Правда, эти двое были не совсем пиратами, а корсарами. Сейчас для нас в этих терминах мало разницы, а для людей сведущих это означало, что действовали они под «каперским свидетельством» — то есть как бы от имени своей страны, в данном случае Франции, под защитой национального флага, а если оказывались в руках противника, считались военнопленными. Благодаря своей «деятельности на благо Франции» и Сюркуф обрел романтический ореол героя и стал главным персонажем многих книг. А то, что во всем остальном он был обыкновенным морским разбойником, грабил суда и прятывал награбленное, похоже, мало занимало авторов его жизнеописаний.

В общем, в XVII — XVIII веках западная часть Индийского океана была еще одним (кроме Вест-Индии), хотя и менее известным, пиратским раем. Конечно, точных цифр, которыми можно было бы определить количество награбленных пиратами сокровищ, нет ни у одного исследователя. Но совершенно не исключено, что это количество было немалым меньше того, что прошло через руки морских разбойников Карибского моря. А раз так, значит, у преданий о пиратских кладах на Маврикии, Сейшелах, Коморах и других островах у восточного побережья Африки — вполне реальная почва.

Жизнь некоторых пиратов Индийского океана и в наши дни окружена тайнами, с которыми постоянно сталкиваются исследователи, издавна пытающиеся отыскать следы, что ведут к пиратским сокровищам. Причем один из пиратов оставил на этом пути столько препон-головоломок, что ученые и кладоискатели и сегодня бьются над их разгадкой, словно вновь и вновь подтверждая тщетностью своих усилий прозвище «таинственный пират», которым его наградили в свое время.

Пиратство в западной части Индийского океана имеет давнюю историю. Еще в 1508 году пират по имени Мондрагон захватил португальское торговое судно у побережья Мозамбика. Но период расцвета деятельности корсаров, или привати́ров, был еще впереди.

Крупнейшими покровителями «законного» пиратства были Франция и Англия — причем этим занимались не только правительства этих стран, но и торговые компании или даже частные лица. Так что охота за кораблями стала вполне организованным и весьма прибыльным промыслом. Сент-Мари у берегов Мадагаскара, превратившийся в главное пиратское гнездо, в конце XVII — начале XVIII века посещали тысячи морских разбойников. Когда пираты начинали уж слишком досаждать европейскому судоходству, военные флотилии изгоняли их из излюбленных мест, как и случилось вначале на Коморах, а затем и на Мадагаскаре.

Но в западной части Индийского океана было немало и других тихих, необитаемых островов, таких, как Маврикий и Родригес, Фаркуарские острова и Агалега, Амиранты и Альдобра, где пираты чувствовали себя, как у Христа за пазухой. Но особенно приглянулись им Сейшелы. Этот архипелаг, по существу, был последним настоящим «пиратским раем». Изолированность, отсутствие населения, множество удобных бухт, чтобы укрываться от шторма или погоны, здоровый климат, наличие источников пресной воды, изобилие пищи и древесины для починки судов — все это, естественно, привлекало на Сейшельские острова толпы морских разбойников.

Анс-Форбан («Пиратская бухта»), на южном берегу Маз, и Кот-д'Ор («Золотой берег»), на северо-востоке острова Прален, — далеко не случайно именно так были названы эти места первыми европейскими колонистами, обнаружившими следы пребывания морских разбойников на Сейшелах еще в середине XVIII века. «И нет такого островка или бухточки, с которыми не были бы связаны свои легенды, — заметил однажды современный сейшельский историк Ги Лионне. Но особенно богат преданиями и находками остров Фрегат.

Вот что, например, писал член общества естественной истории острова Маврикий Элизе Льенар после посещения Фрегата в августе 1838 года: «Мне показали яму, вырытую незадолго до моего приезда, — в ней был огромный сундук, наполненный посудой из различных стран, голландские пики, ножи, боевые топоры, сабли, испанские пистолеты — все это почти полностью заржавело от времени». На Фрегате Льенар видел также засыпанные землей и заросшие лианами остатки укреплений, построенных пиратами. В этом месте, по словам Льенара, в 1812 году были найдены португальские сабли и золотая монета. В хорошую погоду в полумиле от берега можно было увидеть остов большого корабля, лежащего на мелководье. А на скале, обращенной к заливу, поселенцы нашли какие-то таинственные изображения, в которых распознали зашифрованные надписи, но разгадать их смысл они не смогли.

У бухты Гранд-Анс первые колонисты, обосновавшиеся там во второй половине XVIII века, обнаружили остатки жилищ, а в

Ресторан «Корсар» на острове Маз построен прямо на месте пиратской стоянки.

Фото из книги: Douglas Alexander «Holiday in Seychelles».

другом месте — деревянную мачту и платформу — некое подобие наблюдательной площадки или командного мостика. Там же, на берегу моря, в коралловом песке, были открыты три могилы с человеческими костями, рядом с которыми лежало несколько рукояток от шпаг, обшитых кожей.

Элизе Льенар сделал вывод, что пираты там жили несколько лет. Опасаясь, что их застигнут на море, они закопали часть своих сокровищ на острове. «Но чуть погодя разбойники все же попали в руки правосудия и получили по заслугам, оказавшись на виселице, — все, кроме одного, которого помиловали только потому, что он был еще слишком юн. От него-то и узнали о кладах: умирая, он передал одному из своих друзей записку с указанием и описанием места, где были спрятаны сокровища», — пишет Льенар. И добавляет: «Я видел эту записку и, прочитав ее, несколько не усомнился в ее подлинности».

Тем не менее поиски в указанных местах ничего не дали, хотя на берегу и находили испанские пистолеты и крсады.

Умы многих кладоискателей и ученых будоражили и загадочные знаки, оставленные неизвестно кем и неизвестно когда на скалах главного острова архипелага — Маз.

Непосредственно с Сейшельскими связывают обычно имена двух знаменитых пиратов. В самом начале XVIII века это был Левассер, а на рубеже XVIII и XIX веков — корсар Одуль.

В двадцатые годы XVIII века, когда морских разбойников потеснили с Маврикия и Комор, в том регионе действовали три могущественных пирата: ирландец, капитан Эдвард Инглэнд, бывший лейтенант британского флота Джон Тейлор и француз Оливье Левассер, больше известный под кличкой не то Ла-Буш (Горлопан), не то Ла-Бюз (Сарыч).

Оливье Левассер был последним из знаменитых пиратов Индийского океана. Хотя к тому времени англичане изгнали морских разбойников из Вест-Индии, им было еще чем поживиться на оживленных торговых путях, пролегающих через мыс Доброй Надежды к берегам Восточной Африки, Индии и Индонезии.

Говорят, Левассер получил корабль в 1715 году от французского правительства, чтобы грабить испанские суда в Атлантике. За серьезные проступки капитан Левассер был лишен этого права, но он не подчинился предписанию свыше, а вместо этого отправился искать удачу в Индийском океане. К моменту своего появления на торговых путях, ведущих в Индию и обратно, Левассер уже был достаточно богат, так как расставаться с награбленным ранее добром он, естественно, и не думал.

Бесшабашная троица — Инглэнд, Тейлор и Левассер — бороздила западную часть Индийского океана, грабя и убивая всех, кто попадался под руку. Затем, сбыв награбленное, Тейлор, Инглэнд и Левассер отсиживались какое-то время на Мадагаскаре.

13 апреля 1721 года у города Сен-Дени, на Реюньоне, Тейлор на корабле «Виктори» и Левассер на «Кассандре» наткнулись на крупнейшую в истории пиратства добычу. Ею оказалось португальское судно «Вьерж дю Кап», сильно потрепанное штормом. Большая часть из его 70 пушек была сброшена за борт, чтобы судно не затонуло, так что захватить его пиратам не составило труда. К своему восторгу, они обнаружили, что корабль битком набит сокровищами. Там были золотые и серебряные слитки, сундуки с золотыми монетами, жемчуг, бочонки с алмазами, шелка, произведения искусства, жезл, крест и другие ценные религиозные принадлежности архиепископа Гоа, который плыл на этом корабле в Португалию. Среди других богатых пассажиров был и португальский вице-король Индии, граф ди Эрисейра.

По возвращении на Сен-Мари Левассер с Тейлором поделили добычу. О количестве захваченных тогда богатств свидетельствует хотя бы такой факт, что члены команд двух кораблей получили по 5 тысяч золотых гиней и по 42 алмаза. Левассеру же больше пришлось по душе слитки и церковная утварь, принадлежащая архиепископу. Хотя их не так-то легко было сбыть с рук, как, допустим, монеты или драгоценные камни, зато они были значительно ценнее. Португальцы лишились не только драгоценностей, но и самого судна: пираты отремонтировали его, и оно, переименованное в «Виктори», заменило старый корабль Тейлора.

Поскольку торговый путь в Индию постоянно находился под угрозой пиратских нападений, а Англия и Франция все острее соперничали за контроль над этой «золотой» океанской дорогой, военное присутствие этих двух крупнейших в те годы морских держав в бассейне Индийского океана усиливалось все больше. Так что пиратский промысел становился все более опасным и все менее выгодным. Королевской милостью французские пираты были «прощены», и многие из них, вернувшись на родину, ушли, что назы-

вается, на покой. Но Левассера не устраивала такая судьба. На какое-то время он осел на Сен-Мари и лишь изредка пускался бороздить Индийский океан в поисках добычи и приключений. В 1720 годах он стал капитаном «Виктори» и совершил по меньшей мере одно плавание на Сейшелы, где скрылся от погони в заливе на северо-западном берегу острова Маз.

В 1728 году Левассер ненадолго подвизался лощманом в заливе Антонжиль, на Мадагаскаре, однако это нисколько не мешало ему пиратствовать и дальше. В начале 1730 года во время очередного разбойничьего рейда он столкнулся с французским фрегатом «Медуза», которым командовал капитан Пермит — это случилось неподалеку от Форт-Дофина, у берегов Мадагаскара. После кровопролитного сражения пиратское судно было захвачено, и Левассера в кандалах доставили на Реюньон. Слушание в Адмиралтейском суде было не более чем формальностью, и 17 июля 1730 года Левассера вздернули на виселице.

Согласно легенде, которая жива до сих пор, Левассер, когда ему на шею накидывали петлю, вытащил лист бумаги с какими-то странными знаками и со словами: «Сокровища мои — тому, кто до них докопается!» — швырнул его в толпу. Поступок этот был вполне в характере пирата, однако неизвестно, была ли это издевательская шутка над будущими кладоискателями или же он задал им подлинную головоломку. Некоторые скептически настроенные историки даже говорят, что Левассер был повешен на корабельной рее, а значит, толпы зевак рядом просто быть не могло. Но наиболее ярые сторонники этой легенды уверяют, что на реях были повешены только рядовые члены команды, а самого Сарыча казнили на берегу.

Оливье Левассер не раз посещал Сейшелы, и считают, что именно там спрятались сокровища с «Вьерж дю Кап». Но до него там бывали и другие пираты, чтобы спрятаться в укромных бухтах от преследования военных судов, кренговать и килевать свои корабли, потрепанные в битвах или штормах. В самом конце XVIII века своей базой избрал Сейшелы другой не менее знаменитый морской разбойник.

В нескольких метрах к югу от мола, на полпути к берегу, в бухте единственного города и порта Сейшел Виктории, лежит крошечный островок Одуля. Туда, говорят, Жан-Франсуа Одуль приводил на починку свой небольшой быстрый корабль. Во времена французского господства на Сейшелах — то есть вплоть до начала XIX века, его самый известный корабль «Аполлон» был грозой всех иностранных судов на огромном просторстве от берегов Африки до Явы. Он избороздил всю западную часть Индийского океана, и немало мест в том районе носит его имя. Даже на пустынном атолле Альдабара существует мыс Одуль-Пойнт.

Одуль был кем-то вроде морского Робин Гуда, и однажды даже вернул захваченные сокровища англичанину, с которым он подружился после того, как взял его в плен. Между делом Одуль занимался и работорговлей, но после того, как ему надоел разбойный промысел на тропических морях, он показался сейшельским колонистам достаточно уважаемой личностью, и те сделали его мировым судьей. Служа Фемиде, он и провел остаток своих лет, почив в судейском звании. Такую судьбу трудно было предсказать ему, когда на своих кораблях «Аполлон» и «Оливетт» он наводил ужас на английские суда в пик своей корсарской карьеры. У него осталось немало потомков на островах, но они не любят, когда

их предка называют «пиратом». «Он был не пиратом, а корсаром», — всякий раз поправляют они с обидой и гордостью.

На старом кладбище Виктории — Бель-Эр среди семейных склепов первых сейшельских колонистов находится могила и этого французского корсара. Она расположена неподалеку от гранитных стен дома, который он сам себе построил. На могильном камне изображен корабль Одуля, а под ним — надпись:

«Здесь лежит Жан-Франсуа Одуль, бывший капитан корсаров. Родился 15 июня 1765 года. Умер 10 января 1835 года.»

А дальше написано: «Он был страве длин».

Одуль не раз едва не оказывался в руках англичан, но ему сопутствовала удача. 16 мая 1794 года четыре британских корабля под командованием капитана Хенри Ньюкама вошли в Порт-Руаяль, как тогда называлась Виктория. В гавани в тот момент находился бриг «Оливетт» — корсарский корабль Одуля. Но корсару удалось спастись. Иначе бы ему не поздоровилось. Одуль и другие французские пираты, плававшие под каперским свидетельством, выданным властями Маврикия, награбили немало ценностей с британских торговых судов, бороздивших Индийский океан. И собираемый ими «урожай» продолжал расти: с 1793 по 1797 год корсары захватили более двух тысяч британских торговых судов, а стоимость награбленных ценностей достигла 3 миллионов фунтов стерлингов. Считалось, что корсары скрывались от преследования на Сейшелах. Говорят, что часть этой кровавой жатвы Одуль и унес с собой в могилу, задолго до смерти запрятав в будущее погребение многие драгоценности. Но островецкие ни за какие сокровища не желают тревожить прах старого пирата. В этом они непоколебимы.

Практически обо всех островах западной части Индийского океана ходят легенды про зарытые там сокровища или затонувшие у их берегов суда с драгоценностями. На некоторых из них действительно время от времени обнаруживают старинные золотые и серебряные монеты. После второй мировой войны долазы занялись проверкой некоторых из подобных легенд на принадлежащих Маврикию мелких островах и атоллах. На свет явились интересные подводные фотографии затонувших галеонов, средневековых якорей и пушек с расширяющимися столами, облепленных кораллами. Но, считает южноафриканский журналист Лоуренс Грин, если какие-то сокровища там и были, они уже все извлечены на поверхность, а люди, нашедшие их, просто хорошо умеют держать язык за зубами.

На острове Муайен, что лежит у внешнего рейда Виктории, по местным преданиям, покоится клад стоимостью порядка 30 миллионов фунтов стерлингов. Почему его никто так и не выкопал, если о нем всем известно? Клад закопдован, считают местные жители.

Другой остров в группе Сейшельских — Силузт — также сохраняет стойкую репутацию острова сокровищ. С него вывозили копру, но копра звучит не так романтично, как золото, которое было зарыто, когда пираты кренговали, чистили и смолили свои суда в этих неглубоких водах.

Один старый африканец, бывший раб, дожил до 20-х годов нашего века. Он утверждал, будто знает, где находится тайник на Силузте. Однако это был упрямый и своенравный старик. После первой неудачной попытки договориться, он отказался вести кого-либо к заветному месту. Говорят, одному богатому землевладельцу удалось все же соблазнить бывшего раба, и тот повел его уда. Они обогнули на лодке неприступную скалистую часть

острова и уже собиравшись высадиться на берег, как вдруг африканец заметил, что за ними следят. Он испугался, вернулся к лодке и с тех пор не верил уже никому.

Большой знаток Сейшельских островов Джулиан Мокфорд немало времени потратил на проверку легенд о кладах, зарытых на архипелаге. Ему показались золотые кольца, найденные неподалеку от города Виктории, на Маз, а также несколько причудливых старинных монет, обнаруженных в песке. Жители острова с глубокой убежденностью толкуют о дублонах и драгоценностях. Но они полагают, что счастливицы, нашедшие клад, никогда не распространяются об этом и продают свои находки осторожно и не спеша с помощью надежных моряков с индийских и арабских доу.

Немало экспедиций отправлялось на Сейшелы на поиски сокровищ Левассера. С записки, брошенной им в толпу перед казнью, согласно легенде, были сделаны копии, которые разошлись со временем по всему свету во множестве экземпляров. Основные ориентиры его карты были зашифрованы — это была криптограмма. Если документ, который сегодня приписывают Левассеру, по-прежнему, то это означает, что Левассер должен был быть человеком ученым: для разгадки указания на место, где зарыты сокровища, необходимо знание древнегреческой мифологии, астрологии и тому подобного. Немало исследователей ломало головы над картой. Но все безрезультатно.

На Маз до сих пор ходят слухи, что состоявшаяся как минимум двух местных семейств появилась благодаря находке кувшинов, наполненных золотыми монетами, — одного на острове Терезы, а другого — около женского монастыря Св.Елизаветы в Виктории. Но находок, которые стали бы достоянием гласности, очень мало. Единственной, официально зарегистрированной, был клад, обнаруженный в 1911 году на острове Астов, — 107 серебряных монет, несколько вилок и ложек, две пряжки от башмаков и боцманский свисток. Пока же поиски клада на Мадагаскаре, Сент-Мари, Родригесе и Реюньоне результатов не дали, но это ни о чем не говорит. Как писал австралийский журналист Атол Томас, «Оливье Левассер спрятал его настолько хитро, что его нельзя найти, просто ковыряя ногой гальку на берегу».

И все же находились люди, готовые бросить вызов самым хитроумным ухищрениям Левассера и его собратьев.

В местечке Бель-Омбр, на Маз, до сих пор многое напоминает о том, что там некогда находилось одно из «пиратских гнезд». Многие считают, что именно там, на песчаном берегу Левассер закопал свои несметные сокровища, стоимость которых оценивают в 100 миллионов британских фунтов.

Одним из самых ревностных сторонников этой теории в течение многих лет был англичанин Реджинальд Херберт Круз-Уилкинс, считавший, что большая часть сокровищ с корабля «Верж дю Кап» зарыта в Бель-Омбр.

Круз-Уилкинс всерьез решил разгадать загадку Левассера. Комиссованный по инвалидности из армии в 1941 году, бывший английский офицер отправился в Кению, где, став профессиональным охотником, устраивал сафари для богатых туристов. Но в 1948 году вновь дала о себе знать старая рана, к тому же начался приступ малярии, и Круз-Уилкинс отправился отдохнуть на три недели на Сейшелы. А когда оказалось, что корабля, который бы смог доставить его обратно в Момбасу, в Кению, не будет еще три месяца, он перебрался из гостиной «Пиратский герб», в Виктории в бунгало на берегу Бо-Валлон, около Бель-Омбр. Там он встретил норвежского китобоя, двадцать лет возив-

шего с собой криптограмму, над которой он все это время безуспешно ломал голову.

Круз-Уилкинс из любопытства снял копию с криптограммы, хранившейся у норвежца, и случайно упомянул об этом в беседе с некоей мадам Сави из Бель-Омбр, показавшей ему после этого еще восемь документов, которые были лично ею скопированы в маврикийских архивах. Круз-Уилкинс узнал, что сокровища ищут в Бель-Омбр еще с 1923 года — тайком, ночью, при свете фонаря и при помощи обычной лопаты. Госпожа Сави и ее муж обнаружили на прибрежных скалах какие-то странные знаки, явно сделанные рукой человека, — изображения собак, змей, черепах, лошадей и людей. Подобные знаки, как оказалось, были замечены и на скалах в некоторых других местах на Маз. Сави не сомневалась, что они были оставлены в свое время пиратами, и считала, что они содержат указание на место, где спрятаны сокровища. Однако лопаты увлеченной кладоискательством четы наткнулись не на золото, а на два гроба и останки человека, зарытого прямо в песок безо всяких церемоний. Супруги Сави решили, что это были пираты, которые присутствовали при захоронении сокровищ и которых убрали, как ненужных свидетелей.

Среди документов, хранившихся у Сави, были криптограмма, карты, письма (одно на немецком, второе — на ломаном французском) и другие бумаги, и на одной из них были изображены четыре таинственных знака. Все говорило о том, что эти знаки как-то соотносятся с загадочными изображениями на скалах. «С самого начала изучение документов убедило меня, что схема, указывающая путь к сокровищам, была основана на сюжетах древнегреческой мифологии и расположена «в звездах», — утверждал отставной английский офицер.

Круз-Уилкинс, тщательно изучив документы, решил вложить в поиски сокровищ имевшиеся у него 200 фунтов. А первые же предпринятые им расследования убедили его: искать надо на берегу Бель-Омбр, а сокровища принадлежат не кому иному, как Левассеру.

В 1949 году Круз-Уилкинс отправляется в Найроби и создает там синдикат по поиску клада французского пирата. Таинственные знаки из документов, которые дали ему Сави, указывали на конкретное место. Там нанятые рабочие и начали раскопки. Через восемь часов они откопали грубо вырубленные в скале ступени лестницы, у которой, кстати, упоминалось в одном из документов; по всей видимости, она вела из подземной пещеры к нагромождению скал, возвышающихся на подходе к песчаному берегу Бель-Омбр. На стенах вдоль лестницы тоже были высечены какие-то изображения, но вход в пещеру оказался завален. Либо громада скал просто осела за прошедшие века, либо Левассер специально подстроил это, чтобы перекрыть доступ к сокровищам. Но это только еще больше воодушевило Круз-Уилкинса. В последующие двадцать лет он вложил в поиски 10 тысяч фунтов стерлингов собственных сбережений и 24 тысячи, собранных у членов синдиката в Восточной Африке. К 1972 году стоимость работ по поиску сокровищ составила 35–40 тысяч фунтов.

Круз-Уилкинсу пришлось перекидать 700 тонн скального грунта с гранитного уступа, чтобы обнаружить заветные наскальные изображения. Берег у Бель-Омбр был изрыт траншеями и туннелями ниже уровня моря, а вокруг них были возведены бетонные стены, чтобы защитить от волн помпы и прочее оборудование. Круз-Уилкинс твердо был уверен, что нашел пещеру, в которой и были спрята-

ны сокровища. Но чтобы добраться до нее, надо было проделать сложную и опасную инженерную работу. Прежде всего пришлось соорудить большую дамбу, чтобы место раскопок не заливало приливом. Левассер — если это действительно было его рук дело — надежно защитил свой клад: сокровища охраняли одновременно большая скала и вода — они были спрятаны ниже уровня моря. К пещере можно было подобраться только с севера — со всех других сторон это было крайне опасно. Коварный и хитроумный пират расставил множество ловушек. Когда Круз-Уилкинс подбирался к трем камням, изображавшим, по его предположению, золотые яблоки Гесперид, огромная скала начала сползать вниз и едва не раздавила его.

Круз-Уилкинс обнаружил какие-то изображения на стенах (которые якобы упоминались в документах), лезвие шпателя (саблю Персея), палки, торчащие вертикально из пола пещеры (копья, растущие из зубов дракона, которые зарыл в землю Язон), а рядом с подземным ручьем — монету времен Левассера (плата Харону за то, что он переправлял мертвых через Стикс). Более обычные находки включали в себя кремневый пистолет, резные статуэтки, кувшин для вина XVII века. На берегу кладоискатели обнаружили пушку, часть спускового устройства мушкета и монету времен Карла I.

И хотя сотрудники Британского музея заявили Круз-Уилкинсу, что оригиналы документов, которыми он пользовался, действительно относятся к началу XVIII века, а сам он даже не сомневался, что сокровища лежат в трех сундуках размером 3 на 7 футов, на этом все его находки и окончились, а сам он обрел славу «самого знаменитого неудачливого кладоискателя нашего времени». Круз-Уилкинс считал, что он на верном пути, и если бы еще совсем немного денег... Но желающих вкладывать средства в его предприятие больше не нашлось. Тем не менее отставной британский офицер стал живой достопримечательностью Сейшел, а около места, где он проводил грандиозные раскопки, открылся даже весьма популярный ныне ресторан «Корсар».

В одном из путеводителей по Сейшелам говорится, что «на месте раскопок в Бель-Омбр был применен миноискатель, который указал, что здесь, на глубине 3 метров под землей, лежат 17 килограммов металла. Это могли быть части старого сундука».

Однако вовсе не обязательно, что сокровища, зарытые в Бель-Омбр, были добычей только с «Верж дю Кап». Существует легенда, будто закопанные там богатства — это приданое одной прекрасной арабской принцессы, которая плыла на корабле на Занзибар к своему жениху, красавцу-принцу. На ее корабль напал Левассер, заручил всю команду, а саму принцессу продал в рабство. Затем пират отправился на Маз, где и спрятал все сокровища в Бель-Омбр, а чтобы место захоронения награбленного осталось в тайне, застрелил всех, кто тогда был с ним рядом.

Шарль де Ларонсьер, бывший хранитель отдела печатных изданий Парижской национальной библиотеки, в книге «Таинственный пират», посвященной Левассеру, излагает свою версию расшифровки «документа», который Сарыч швырнул в толпу перед тем, как его казнили, а также загадочных знаков на сейшельских скалах. Он пишет: «Находка его сокровищ послужит в один прекрасный день эпилогом этой истории. За склонами скал, которые скрывают богатства, начались раскопки...» Стоит добавить, что с тех пор, как были написаны эти строки, прошло шестьдесят лет. Но пока — ничего.

ДРЕВНИЕ ПРОКЛЯТЯ ВЫХОДЯТ НАРУЖУ

Израильские и американские археологи, возглавляемые Катрин Глисон из музея при университете штата Пенсильвания (Колледж-Парк, США), вели раскопки древнего палестинского города Цезарей Приморской, когда наткнулись на странный клад.

На дне давным-давно пересохшего и засыпанного землей колодца они обнаружили около полусотни аккуратно сложенных вчетверо или скрученных в трубочки свинцовых полосок. Специалистам такое ранее уже встречалось в различных уголках огромной Римской империи, но на территории Израиля это — первый случай.

Дело в том, что у древних римлян, владевших Палестиной полтора — два тысячелетия тому назад, был распространен обычай проклинать своих недругов... письменно. Они выцарапывали свои яростные пожелания на полоске мягкого металла, свертывали его и бросали в колодец, в могилу, в глубокую расщелину, источник или иное место, которое, согласно их понятиям, было поближе к загробному миру. А потом ожидали, когда проклятие сбудется и, например, соперницу, или «закладного» врага постигнут все мыслимые несчастья.

Лабораторная датировка показала, что цезарейским табличкам около 1500 лет. Почему они были в таком количестве брошены именно в этот колодец, неясно; может быть, это станет понятным, когда их развернут и прочтут. В других же местах они нередко содержали недоброе пожелание артистов и атлетов (представители этих профессий, видимо, никогда не отличались особой взаимной любовью) своим конкурентам, а также тягущихся — противной стороне в судебном процессе.

Цезарейский колодец расположен поблизости от тех мест, где некогда были суд, театр и гладиаторская арена, без которых ни один, даже провинциальный, римский городишко не обходился. Может быть, проклятия, скопившиеся здесь, принадлежали как раз клиентам и посетителям именно этих почтенных заведений.

Табличкам осталось хранить свои тайны еще несколько месяцев. Прележав века в пропитанных водой песках, они требуют с собой весьма осторожного обращения.

ДИНОЗАВР НЕ ВИНОВАТ!

Еще в 1923 году палеонтологическая экспедиция Нью-Йоркского музея естественной истории, работая в монгольской пустыне, обнаружила гнездо, в котором лежали окаменевшие яйца динозавра. Случай не столь уж редкий, но здесь поверх кладки находился скелет другого динозавра, который, как решили тогда ученые, миллионы лет назад как раз собирался пообедать этими яйцами, но был захвачен песчаной бурей и погиб, не успев воспользоваться своей беззащитной добычей.

Неудачливому хищнику было присвоено название «овираптор», что в переводе с латыни означает «похититель яиц». Под этим именем он и вошел на 70 лет во все палеонтологические справочники мира. Предполагали, что овираптор с его острыми костями и тяжелым, как у полугая, клювом, был серьезным хищником своего времени.

А продолговатые яйца, которые сохранила пустыня, вероятно, принадлежали другому виду — растительноядному протоцератопсу, встречавшемуся в этих краях куда чаще.

Однако точно доказать принадлежность ископаемых яиц — дело нелегкое. То, что скрывается под скорлупой, сохраняется в бо-

лее или менее доступном для определения виде крайне редко.

Но вот в 1994 году новая монголо-американская экспедиция, ведя раскопки в 300 километрах от того места, где работали их предшественники, нашла весьма схожее с первыми окаменелое яйцо древнего ящера. Внутри него сохранился крошечный скелетик маленького...овираптора, почти готового выплутиться на белый свет!

Стало ясно, что поверх первого яйца лежал вовсе не яростный хищник, а один из родителей, во всяком случае, представитель того же рода, что и еще не выплупившиеся детеныши, которых он, очевидно, пытался или высиживать, или прикрывать своим телом от опасности, возможно — от той же песчаной бури.

Это первый случай находки зародыша живших 80 миллионов лет назад динозавров, близкородственных современным нам птицам. А то, что динозавры, подобно нынешним пернатым, заботятся о своих наследниках, было доказано несколько лет назад.

В том же гнезде находились и другие любопытные свидетели далекого прошлого: окаменелые черепа двух молодых мелких хищников, принадлежащих к семейству веприрапторов, прославленных популярнейшим фильмом «Парк Юрского периода». Вот они-то, возможно, и имели серьезное намерение закусить яйцами овираптора.

ВОЕВАЛ ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА?..

А четкие свидетельства того, что люди вовлекались в организованные массовые конфликты, относились к периоду, отстоящему от нас не более чем на 5 тысяч лет. Считалось, что война как таковая впервые стала известна в Древнем Египте и Месопотамии.

К иному выводу приводят теперь работы антрополога Пола Тасона из Австралийского музея в Сиднее и археолога Кристофера Чиппиндейла из Кембриджского университета Великобритании. Они проанализировали наскальную и пещерную живопись более чем в 650 пунктах на полуострове Арнемленд (крайний тропический север Австралии). Многочисленные батальные сцены, встречающиеся там, по их мнению, воспроизведены не менее 10 тысяч лет назад и, тем самым, являются древнейшими среди всех, известных науке. Они принадлежат предкам нынешних австралийских аборигенов, чья цивилизация не знала приемов земледелия и, вообще, была значительно более примитивной, чем у древних жителей Междуречья и долины Нила.

Это противоречит утверждениям, согласно которым организация боевых действий появилась вместе с оседлыми ведением хозяйства, а более древние цивилизации кочевников, которые вели образ жизни охотников и собирателей, потребности сражаться не испытывали и не имели никакого военного опыта.

Исследователи прослеживают ход развития боевой техники, в творчестве древних австралийцев. От сражения почти голыми руками персонажи более поздних рисунков постепенно переходят к использованию бумеранга, метанию копья и преследованию врага с высоко поднятым оружием. Некоторые фигуры изображены в проткнутом колье в виде. Другие, очевидно, склонились, помогая раненым соратникам.

Сцены, запечатленные 6 тысяч лет тому назад и вплоть до начала нашего века, уже содержат изображения копьеметалок и трехконечных дротиков. На них воспроизведено больше участников боя, ими руководят

вожди, которых можно отличить по особым головным уборам. На рисунках более древних изображены стычки всего нескольких человек и даже единоборства.

Авторы работы полагают, что подобная эволюция есть следствие резкого изменения природной среды на полуострове Арнемленд, происшедшего по окончании последнего ледникового периода, около 6 тыс. лет назад. Таяние ледников привело тогда к повышению уровня моря и подтоплению значительной части данного региона.

Очевидно, в распоряжении человека в то время осталась лишь ограниченная территория суши, а пищевые ресурсы сократились. Постепенно стали формироваться общественные группы, различавшиеся языком и культами. Формы агрессивного поведения изменились, стали обычными всплески боевых действий, что отразилось и в искусстве.

Гипотеза П.Тасона и К.Чиппиндейла нашла себе сторонника в лице видного антрополога Джоан Вастокас из Трентского университета в провинции Онтарио (Канада), считающей войну неотъемлемым элементом жизни любого человеческого сообщества.

ВУЛКАН «ПЛЮЕТСЯ» ЗОЛОТОМ

В начале 1993 года американский геохимик Фрейзер Годф из Лос-Аламосской национальной лаборатории (штат Нью-Мексико) направился к вулкану Галерас в Колумбии, чтобы определить количество трития, содержащегося в его магне. Однако вскоре после его прибытия на место началось бурное извержение, в ходе которого погибло девять ученых, совершавших восхождение в перерыве между заседаниями международной конференции по вулканологии.

Когда стихия несколько поуспокоилась и Ф.Годф возобновил свою работу, местный Гид повел его к золотой жиле, находящейся в 16 километрах к западу от вершины Галераса.

Анализ взятых там образцов показал, что в некоторых из них содержание благородного металла достигает 269 частей на 1 миллион. И в других породах, встречающихся в окрестностях вулкана, количество золота составляет 22 ч/млн.

Общая масса газов, выбрасываемых Галерасом, с большей или меньшей степенью точности, известна. Благодаря этому можно подсчитать, что вулкан ежесуточно «выплевывает» около полукилограмма золота. Таким образом, Галерас занимает первое место в мире среди вулканов — «производителей» благородного металла. Правда, множество его «коллеги» остаются пока не изученными в этом отношении. Во всяком случае, Галерас «выдает на-гора» в 20 раз больше золота, чем известный вулкан Сент-Хеленс в штате Вашингтон и примерно в четыре раза — чем Эребус в Антарктиде.

Опасаясь, что сообщения об этом открытии вызовет в Колумбии «золотую лихорадку», первооткрыватель тянул с сообщением о ней вплоть до конференции Американского геологического общества, состоявшейся в Сиэтле (штат Вашингтон) в ноябре 1994 года. Впрочем, ежесуточные полкило драгоценного металла разбрасываются вулканом на таких больших площадях, что вряд ли овчинка будет стоить выделки.

По материалам
зарубежной печати
подготовил Б.СИЛКИН

Пиренейская дикарка

Жорж ЛЕНОТ

Эта история была опубликована в «Журналь де л'Ампир» 17 января 1814 года за подписью супрефекта округа Фуа — Баскля де Лагреза. Однажды — дата точно не определена, но не ранее лета 1807 года — охотники заметили среди неприступных скал совершенно обнаженную женщину. Она стояла на одной из вершин на краю обрыва и, казалось, без тени страха что-то внимательно рассматривала в глубине пропасти, над которой склонилась, будто готовая броситься вниз. Хотя до нее было довольно далеко, удалось рассмотреть, что она высока и худа, кожа ее была загорелой и длинные волосы покрывали плечи и спину.

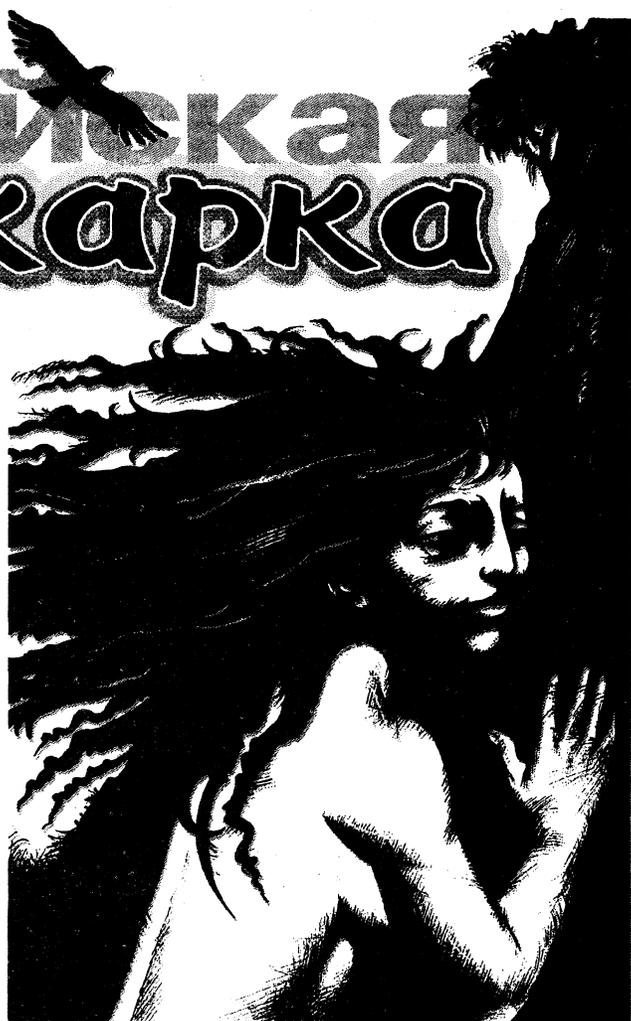
Охотники попытались приблизиться. Увидев людей, она испустила крик ужаса и бросилась бежать, с поразительной ловкостью прыгая по нагромождению неустойчивых, шатающихся камней. Пришлось отказать от преследования. Охотники вернулись в Сюк, довольно большую деревню в долине от города Вик-Дессос, административного центра этого живописного кантона. Менее чем через час все обитатели деревни уже знали, что в окрестных горах появилось удивительное существо — полуженщина-полуобезьяна. Самые отважные решили немедленно устроить облаву, и уже перед рассветом они сидели в засаде за скалами вокруг места, где женщину видели накануне. С восходом солнца она появилась, не подозревая об опасности. Ее окружили, схватили, не обращая внимания на крики и сопротивление. Пришлось связать ей руки, чтобы завернуть ее в кусок ткани, который она, однако успела превратить в лохмотья. Когда же она поняла, что ее собираются увести с собой, забилась в отчаянных конвульсиях, испуская яростное рычание. Окружающим показалось, что среди рыданий и воплей они различили угрозы, произнесенные на французском языке. Они доставили ее, не без труда, в дом местного священника.

Кюре встретил эту отбившуюся от божьего стада овцу ласково и мягко. Обратился к ней с утешающей и успокаивающей речью. Нельзя было понять, поняли ли хоть слово дикая пленница его сочувственной беседы, но вид сутаны пробудил в ее помутившемся мозгу какие-то далекие воспоминания. Бедная женщина внезапно успокоилась. Она опустила голову и, кажется, погрузилась в горестные раздумья. Плача, шевелила губами, как будто произносила молитву. Возможно она вспоминала исчезнувшего мужа: некоторые из присутствующих утверждали, что услышали обрывок фразы: «...что скажет мой муж?» Воспользовавшись этим моментом просветления, начали задавать ей вопросы. Она не ответила ни на один. Предложили еду. Она от нее отказалась. Смущало, что, несмотря на жалкую наготу тощего тела, грубую, обветренную кожу, спутанные волосы, эта несчастная, еще довольно молодая, не утратила благородного и полного достоинства вида. Наступил вечер. Кюре решил, что необходимо дать пленнице отдохнуть. Он приготовил комнату с удобной кроватью, белье и еду, принял меры, чтобы несчастная не смогла поранить себя, и оставил ее одну, заперев на два оборота ключа, чтобы исключить всякую возможность побега. Рано утром на следующий день он был уже на ногах. В доме было тихо. Святой отец осторожно отпер дверь... Комната была пуста! На тропе, ведущей в горы, нашли разорванные платье и юбку, оставленные накануне около постели беглянки. Все местные охотники и пастухи бросились в погоню. Но все было напрасно.

Потом ее иногда видели издали, собирающей траву на неприступных скалистых гребнях, или бегущей по берегу вдоль озера — огромного пространства стоячей, загнивающей воды, полного лягушек, саламандр и пиявок. Она бросалась в воду с прибрежных камней и вылезала из воды с добычей, которую она тут же, на ходу, съедала. Иной раз замечали ее фигуру на вершине высокой скалы.

Зима в тот год была ранней и суровой. Выпало необычайно много снега. Запертые на долгие месяцы в своих жилищах, крестьяне часто вспоминали о несчастной женщине. Теперь она, несомненно, была мертва. Ее или убили морозы, или она неминуемо должна была умереть от полного отсутствия пищи: земля покрылась трехметровым слоем снега, а горные озера перомрзли до самого дна. Если, конечно, до того ее не растерзали медведи.

В первые осенние погожие дни самые смелые отправились в горы в надежде отыскать хотя бы какие-нибудь следы, способные пролить свет на судьбу несчастной. Едва они достигли первых горных отрогов, как увидели ее — как всегда, совершенно обнаженную. Слухи о чуде распространились по всему району. Г-н Варнье, мировой судья кантона, решил, что необходимо действовать. Он отправился в Сюк, на-

брал несколько отрядов охотников и сам возглавил их. Дикая женщина была поймана, и ее отвезли на этот раз в Вик-Дессос.

Варнье попытался сначала завоевать доверие своей пленницы. Ему удалось заставить ее принимать из его рук простую еду: зелень, мясо и рыбу. Но, несмотря на все расспросы, она хранила упорное молчание. Однако, когда он спросил, как ей удалось избежать когтей медведя, она сказала: «Медведи, они мои друзья, они согрели меня.» Она произнесла эти слова вяно, голос ее был чист, речь — без иностранного акцента. По манере говорить было очевидно, что она не из простолюдинов. По некоторым другим обрывкам фраз, что удалось из нее вытянуть настойчивыми расспросами, можно было установить, что в 1793 году, спасаясь от революции, она с мужем эмигрировала в Испанию. После многих лет жизни на чужбине супруги решили вернуться на родину. То ли некие политические мотивы не позволяли им пройти мимо пограничной стражи, то ли они решили вернуться во Францию инognito, но они отправились без проводника по горным тропам через Пиренеи. Там они подверглись нападению контрабандистов. Муж ее, вероятно, в борьбе был убит, а обезумевшая от горя и решившая умереть женщина забралась в самый глухой горный угол. Так началась ее жизнь Робинзона, которая продолжалась не менее двух лет. Мировой судья, будучи примерным служащим и подозревая в этой безумной врага империи, посчитал за лучшее перевести ее в Фуа, центр департамента, и представить дело на рассмотрение г-на префекта.

Публикация этой моей статьи вызвала множество писем, некоторые из них были резкими, даже ругательными. Меня обвиняли в том, что я рассказываю читателям малоинтересные, скучные истории, неправдоподобность которых очевидна. Другие предупреждали меня услужливо, что, приняв за подлинную историю рассказ, напечатанный в «Журналь д'Ампир», я стал слепой жертвой известного мистификатора. Автор этого розыгрыша, известного уже сто лет, не кто иной, как Муссон. В архивах, как известно, при желании можно найти все. Я разыскал досье на женщину-дикарку, хотя это и стоило мне некоторого труда, поскольку, вопреки тому, что я узнал из повествования супрефекта, она была поймана совсем не в 1814 году. Мне пришлось просмотреть переписку властей Арьежа с министром полиции вплоть до 1808 года, чтобы найти следы происшествия. Личное дело супрефекта Лягреза показывает к тому же, что он приступил к своим обя-

занностям только в 1811 году, то есть через три года после описываемых событий. Этот факт, как мы увидим в дальнейшем, окажется нам полезен.

Некоторые мои любезные корреспонденты, писали мне, что воспоминания о безымянной сумасшедшей остаются живы в селениях графства Фуа. «Когда я прибыл в Арьеж, — писал один из них, — это была первая история, которую я услышал». Она была рассказана также и Эли Берте, в молодости служившему в управлении рудников в Вик-Дессосе... Позднее, уже модный писатель, он вспомнил о ней, и она легла в основу его романа «Антония», опубликованного в 1850 году. В следующем году «Антония», конечно, значительно дополненная, превращается в три тома «Пиренейской девицы», которая переиздается в 1877 году под названием, более соответствующим сюжету — «Безумная из Пиренеев».

Я также имел честь получить послание от уважаемого специалиста г-на д-ра Поля Курбона, главного врача психиатрической лечебницы Стефансфельда, недалеко от Страсбурга. Он сообщил мне содержание одного доклада, представленного на конгрессе психиатров-нейрологов, прошедшем в Тунизе в 1912 году. Сумасшедшая из Пиренеев там не упоминалась, но рассматривались похожие случаи. «И в наши дни, — писал мне д-р Курбон, — случаи, когда сумасшедшие, сбжавшие из лечебниц, неделями живут зимой без одежды, под открытым небом, не являются исключительными. Физиология этих больных совершенно отлична от показателей нормальных людей и позволяет им переносить неблагоприятные погодные условия.

Каждый человек несет при рождении генетическую наследственность, восходящую к далеким предкам. Часто можно видеть сходство, иногда поразительное, внука со своим дедом, или даже с портретом прадеда или прапрадеда. Вкусы, склонности, которыми он будет обладать, когда вырастет, часто, вопреки всему, окажутся вкусами и склонностями своих, более или менее далеких предков. Однако, ученые допускают, что по капризу природы, к счастью, редко, новорожденный наследует черты поколений, живших сотни, тысячи лет назад. Предок, которого он копирует, — первобытный человек. Тогда генетическое наследие его страшно неразвито. Голосовые связки несчастного не способны издавать членораздельные звуки, а воспроизводят лай, мяуканье или рычание.

Прекрасный пример такого случая — персонаж, известный под названием Дикарь из Аверона, исследованный недавно Итаром и Пинелем. Это ребенок двенадцати лет, несколько лет проживший один в лесу, питаясь желудями и корешками, утоляя жажду в ручьях, ночуя под деревьями и удирая каждый раз при приближении человека... Всегда настороже, безголосый, не умеющий ходить прямо, передвигающийся рысью или галопом, обнюхивающий все предметы он походил больше на животное, чем на человеческое существо". Его поймали, пытались привить ему цивилизованные навыки, но все усилия воспитателей оказались напрасными. Оказавшись на улице городка, где его содержали, «только после того, как он долго обнюхивал руки своей воспитательницы, он ее узнал и согласился следовать за нею».

Доктор Поль Курбон приводит еще один интересный случай с ребенком двенадцати лет, глухонемым, который жил среди крестьян. Они кормили его, совершенно не заботясь о его воспитании и обучении. Когда его поместили в лечебницу, он своими жестами и действиями больше походил на обезьяну, чем на человека. Свою радость он выражал прыжками и кульбитами; чтобы выразить хорошее отношение к какому-то человеку, он его обнюхивал, облизывал, покусывал; когда был недоволен — кусался и рычал... Он ходил, поджимая пальцы и выбрасывая руки вперед, как будто применение верхних конечностей облегало ему передвижение. Этот ребенок ничего не ел, предварительно не обнюхав пищу, не пользовался ни ложкой, ни вилкой, пил, погружая губы в посуду с водой. Через несколько месяцев медико-педагогических обследований этот случай был достаточно изучен, чтобы можно было поставить диагноз — идиотизм и констатировать, что речь идет об умственном атавизме.

Чтобы покинуть высокие сферы науки, где я со своей некомпетентностью чувствую себя неудобно, я должен еще раз выразить мою глубокую благодарность г-ну префекту Арьежа. Он, по своей доброй воле прислал мне, кроме ценных библиографических указаний, копии редких документов, касающихся дикарки и сохранившихся в городских архивах. Она была упомянута в «Описании департамента Арьеж», изданного в 1839 году, и в издании 1863 года, в том же, выпущенном в Фуа г-ном Жозефом, директором школы в Арьеже, а также в 1905 году, в путеводителе г-на Луи Госсена. Она даже вдохновляла поэтов. Один из них, подписавшийся именем Рукатил, посвятил ей балладу на местном диалекте, другой, арьежский бард Рауль Лафажет, использовал ее сюжет в поэме своей книги «Вершины и долины». Еще до Эли Берте был написан роман на эту тему. В 1817 году, в Париже, появляется «Жизнь и трагическая смерть мадам де Будуа, найденной в январе 1884 года (дата ошибочна, как это уже было доказано выше), совершенно обнаженной в скалистых горах...» Написанный современником событий, он мог бы, казалось, пролить дополнительный свет на таинственную личность несчастной узницы тюрем в Фуа. Но представил собой лишь набор экстравагантных фраз, к кото-

рым История не имеет никакого отношения. То же можно рассказать и о рассказе, опубличкованном в Каркассоне в 1884 году аббатом Лаборном, кюре из Рейсак-сюр-Лампи под названием «Эрманс де Вальмега, или История сумасшедшей, найденной в 1809 году (еще одна ошибка) среди скалистых отрогов Монкальма». Для того, чтобы его произведение имело счастливый конец, автор не допустил смерти своей героини в тюрьме, а позволил ее мужу, графу де Вальмега, при содействии надсмотрщика, освободить ее и увезти в почтовой карете, а затем его самоотверженные заботы вернули ей разум.

Все это чистый вымысел. Официальные и подлинные документы, к сожалению, очень лаконичны. Те, которыми я обладаю благодаря господину префекту Арьежа, полностью совпадают с сообщениями, хранящимися в Национальном архиве. Из них следует, что несчастная упорно сохраняла молчание: «На все задаваемые ей вопросы она отвечала рыданиями, прерываемыми словом «муж», это позволяло предположить, что она потеряла рассудок в результате какого-то большого несчастия». Такое положение вещей стало в конце концов доставлять властям неудобства. Поскольку в департаменте Арьежа не было ни одной психиатрической лечебницы, префект обратился к своему коллеге в Верхней Гаронне с просьбой предоставить место для женщины в приюте Тулузы. Но там ее отказались принять. На что чиновники из Фуа пытались ответить, что случайная клиентка принадлежит в такой же степени Верхней Гаронне, как и Арьежу: никто не знает откуда она родом.

Пока местными властями предпринимались попытки устроить ее судьбу, министр полиции настаивал на выяснении некоторых подозрительных моментов в истории с этой пленницей: «С момента, когда она отказалась отвечать на вопросы и до того, как совершила побег, ее действия не казались такими безумными, какими она хочет их представить; необходимо выяснить мотивы, по которым эта особа упорно не хотела отвечать, что она на самом деле». Почему, когда это дело было чисто административным и к тому же доставляло столько неудобств чиновникам, нельзя было отпустить на свободу эту женщину?

После одной или двух недель, проведенных в приюте, примерный порядок которого она нарушила своими экстравагантными выходками, ее было решено «изолировать», то есть поместить в тюрьму. В то время тюрьмой в Фуа служила старая крепость, три, феодальные башни, которой гордо возвышались над городом. Когда несчастная ощутила себя запертой в тесной камере, ее отчаяние и ужас выразились в таких жалобных и продолжительных криках, что надзиратель буквально обезумел от воплей и поместил ее на лестнице круглой башни между двумя запертыми дверями. Там безумная подверглась еще большей опасности: во-первых, она не терпела на себе никакой одежды, во-вторых, само это место было очень вредно для здоровья. Представьте весь ужас положения этой несчастной — госпожи Будуа, или графини де Вальмега, или кого-нибудь еще: когда-то она, возможно, владела замком, слугами и каретами, а теперь умирала совершенно раздетая на каменных ступенях тюремной башни. Поскольку она продолжала стонать днем и ночью, тюремщики «догадались» упрясть ее в один из тех каменных мешков, которые сегодня показывают туристам как главную достопримечательность крепости. Надзиратель оставил возле нее кусок хлеба, воду, закрыл люк и спокойно удалился.

Пленница осталась обнаженная в этом темном и ледяном подземелье. Когда через несколько дней надсмотрщик решил, что пора покормить заключенную, то нашел ее мертвой. Та, что пережила две зимы в заснеженных горах, та, которую приняты и согрели в своих берлогах дикие звери, не смогла перенести варварства людей и жестоких порядков «цивилизации». Это произошло как раз в тот момент, когда пришло известие, что ей предоставлено место в приюте для душевнобольных в Сент-Лизье. Передо мной свидетельство о смерти: 29 октября 1808 года перед мэром Фуа предстал Арно Буртоль, смотритель тюрьмы, сообщивший, что сегодня, в 1 час ночи, женщина, имя, фамилия, род занятий, место рождения и жительства которой неизвестны, примерно 45 лет от роду, умерла во вверенной ему тюрьме...

Можно считать доказанным, что история женщины-дикарки не мистификация. То, что в ней не хватает многих интересных деталей, связано, скорее всего с тем, что из архивов исчезли некоторые документы. Достаточно перечитать статью супрефекта Баския де Лагреза, и станет ясно, что он был знаком с документами, которых нет у нас: протоколами допросов сумасшедшей, материалами расследования Бернье, мирового судьи из Вик-Лессоса, сообщений о двух побегах, поисках беглянки и так далее. Можно предположить, что, приехав в Арьеж в 1811 году, он ничего не знал об этой драме. Ему рассказали. Он заинтересовался. Поскольку его положение позволяло ему легко получить доступ к официальным документам, он собрал их, изучил, написал на их основе статью, и когда, в результате известных событий в ноябре 1815 года, он потерял свое место и покинул страну, ценные бумаги не были возвращены в архив. И пока они не будут найдены кем-нибудь из его потомков, я думаю, мы ничего больше не узнаем о трагической и таинственной судьбе пиренейской дикарки.

Перевел с французского
Ф. КРАВЧУК
Рис. С. СУХАРЕВА

МАТЕРИНСКАЯ БОЛЕЗНЬ ЛЕВИЗНЫ

Ученых уже давно интересовал вопрос: почему 80 процентов женщин, убавляющая младенцев, держат их на левой руке? И лишь недавно исследователи из Ливерпульского университета получили ответ на этот животрепещущий вопрос, сделав при том своего рода открытие. Кстати сказать, самки горилл, шимпанзе и orangутов ведут себя точно так же.

Ученые Джон Мэннинг и Эндрю Чемберлен полагают, что матери поступают так вовсе не для того, чтобы держать дитя, что называется, ближе к сердцу. Объяснение столь любопытного факта лежит в другом — в устройстве человеческого мозга. Сигналы, воспринимаемые левым глазом и ухом, посылаются в правую часть мозга, отвечающего за переработку информации эмоционального характера. Таким образом, когда младенец находится на левой руке, информация о его поведении передается в ту часть мозга, которая лучше приспособлена для ее расшифровки. Кроме этого, исследование ученых доказывают и то, что, если младенец находится на левой руке матери, для него это весьма полезно: такое положение позволяет ему видеть левую, эмоционально более выразительную часть ее лица.

В заключение остается добавить, что открытие английских ученых лишний раз подтверждает общеизвестную истину: ничто в нашем мире не происходит просто так.

СНОВА ПРО ЭТЦИ

Изучение изготовленной самой природой мумии человека, относящейся к началу бронзового века и найденной туристами в 1991 году на леднике в Ирольских Альпах, преподносит все новые открытия. Человек этот, получивший по названию хребта, где его обнаружили, прозвище Этци, очевидно, не отличался хорошим здоровьем.

Об этом говорят, в частности, рентгеновские снимки, сделанные опытейшим специалистом Дигером цур Недденем из Инсбрукского университета (Австрия). Обработавший их Уильям Мерфи, глава онкологического центра им. М.Д.Андерсона

при университете штата Техас в Хьюстоне (США) установил, что у Этци было всего 11 пар ребер вместо обычных двенадцати, что ныне встречается весьма редко. Часть его реберносит признаки пережитых им переломов.

Надбровные дуги этого человека, жившего примерно 5 тысяч лет назад, массивны, большеберцовые кости длиннее и уже, чем у современных людей, а зубов мудрости у него вообще нет. Кроме того, между передними зубами необычно большие пробылы. Все эти черты могут встречаться временами и у нынешних людей, но лишь порознь, а не вместе у одного и того же индивидуума.

Замечены свидетельства того, что при жизни Этци, которому было к моменту смерти около 35 лет, страдал хроническими болями от артрита шейных позвонков, поясницы и правого бедра.

Переломы ребер, очевидно, произошли в более раннем возрасте, и к моменту гибели Этци они уже срослись. Такие травмы могли возникнуть при сильном падении, в результате боевых ранений или нападения крупного зверя.

Специалисты сумели провести различия между травмами, полученными при жизни, и поврежденными, нанесенными уже труп, лежащему в двигающемся леднике, а также во время изъятия его из ледяной и каменной могилы.

Один из пальцев ноги Этци несет следы артрита повреждения, связанного с постоянным обморожением, длившимся месяцами или даже годами. Значит, Этци был не новичком в горах и, скорее всего, охотником, а не пастухом.

Более странным выглядит тот факт, что артерии и кровеносные сосуды древнего человека явно отвердели в результате их обезызвествления. Обычно такое заболевание сейчас приписывают несбалансированной диете, свойственной нашим современникам. Специалисты полагали, что люди каменного и бронзового веков питались правильнее, чем мы, и, благодаря этому могли избегать ряда сердечно-сосудистых заболеваний. Судя по состоянию здоровья Этци, не всегда было так. У Мерфи даже считает, что, прожив его необычный пациент подольше, он скончался бы от сердечного приступа.

Изучение уникальной мумии продолжается.

НАХОДКА ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Население маленького тихого поселка Мак-Грат, что на Аляске, вдруг переполошилось. Еще бы: совсем неподалеку, на одном из частных золотых приисков случилось нечто небывалое — добытчики искали золото, а нашли... прекрасно сохранившийся че-

реп мамонта, да еще с клыками. С помощью углеродного метода ученые тут же определили, что это останки самого молодого мамонта из всех, когда-либо обнаруженных на Аляске. Возраст мастодонта — 150 тысяч лет. Длина черепа вместе с клыками — около двух с половиной метров.

На вертолете находку доставили в город Фэрбанкс, где она заняла почетное место в Музее естественной истории Аляскинского университета. Как утверждает сотрудник музея Роберт Торсон, большой специалист по ископаемым, «по пыльце, растениям и насекомым, сохранившимся на месте находки черепа, мы можем доподлинно восстановить, например, условия окружающей среды, какими они были во времена обитания мамонтов».

Что же касается золотоискателей, они были рады безмерно: ведь отныне их имена запечатлятся в анналах фэрбанкского музея, можно сказать, навеки.

ДАВНЫМ-ДАВНО...

...а точнее — незадолго до распада Гондваны, материка, существовавшего в далекую палеозойскую эру, Индостан своим восточным краем была соединен с чем-нибудь, а с Антарктидой — во всяком случае, так утверждают специалисты из Национального геофизического института в Хайдарабаде.

В последние годы индийские ученые провели не одну серию геологических, геохимических, геохронологических и палеомагнетических исследований на анализ образцов скальных пород ледового континента, собранных различными экспедициями. В ходе работ удалось выявить сходство между составами антарктических пород и скальных образований, распространенных на востоке Индостана — от Бхубанешвара до Мадраса — и далее на юге. В настоящее время ученые пытаются определить и классифицировать конкретные признаки взаимосвязи между восточными областями Индостана и Землей Эндерби в Антарктиде.

По словам одного из ведущих специалистов института С.К.Шармы, Индостан в своем теперешнем виде был образован в результате соединения нескольких древних континентов: Дхарвара (нынешний Карнатака), Бунделкханда (Уттар-Прадиш) и Сингхума (Бихар). Этот геологический процесс продолжался несколько миллиардов лет. На западе Индостан смыкался с Мадагаскаром, который после распада Гондваны — свыше 150 миллионов лет назад — стал островом.

НЕ НУЖЕН НАМ ДОМ ИЗ ЖЕЛЕЗА...

Сокрушительный провал потерпела программа переселения пигмеев в Уганде. Больше года одно австрийское благотворительное агентство пыталось приобрести чернокожих карликов — охотников, рыболовов и собирателей к современным методам ведения сельского хозяйства.

Однако у заморских благодетелей, увы, так ничего и не вышло. И виной тому — сборные железные домики, поставленные специально для пигмеев неподалеку от поселка Бундибу. Пигмеям новое жилье, ясное дело, пришлось не по душе: ведь они привыкли к мабаати — плетеным бамбуковым хижинам, в которых жили еще их далекие предки.

«В этих железных коробках в жару задохнуться можно, а в дождь такая барабанная дробь по крыше и стенам, что голоса собственного не услышишь», — сетовали бедные пигмеи.

Вот и вернулись они в просторные, прохладные мабаати, что стоят близ дороги, ведущей в Форт-Портал. И вновь занялись собирательством — с этой лишь разницей, что теперь этот исконный их промысел иначе как попрошайничеством не назовешь.

ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ...

...а оказался под следствием. Столь незавидная участь не так давно постигла Жана-Анри Видаля, мэра небольшого французского городка Ларок-Тамбо. Бедняга был готов на все ради блага горожан. И вот однажды, что называется, нахилил.

Бывший управляющий одного из подразделений электроэнергетической компании «Электрикс де Франс», а до недавних пор уважаемый городской голова, мэре Видаля «обеспечил» бесплатную подачу электрической энергии во все общественные здания Ларок-Тембо путем хитроумных манипуляций со счетчиками электроэнергии. Так что какое-то время уличные фонари, местная библиотека, муниципальный спортивный зал, мэрия и другие общественные места освещались совершенно бесплатно. Но, как говорится, недолго музыка играла... А финал этой истории нам известен.

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

Не так давно правительство Австралии приняло закон, согласно которому те из искателей морских сокровищ, которые пройдут официальную регистрацию, будут освобождены от судебной ответственности за безрассудное разграбление кораблей, затонувших у берегов этого континента. А судов, потерпевших крушение в прибрежных водах Австралии хоть отбавляй — пять тысяч штук, никак не меньше.

За несколько месяцев после принятия закона о кладоискательстве в Австралии официально зарегистрировалось 55 искателей подводных сокровищ и было установлено местонахождение более чем трех десятков затонувших кораблей.

Однако находки, поднятые со дна моря, пока представляют собой ценность скорее историческую, нежели материальную. Но бывают исключения. Так, например, двоеρευничков из Сиднея извлекли из обломков корабля, затонувшего в 1857 году, небольшой сундучок, доверху наполненный бриллиантовыми кольцами, золотыми цепочками, монетами и столовым серебром. А еще один счастливец обнаружил на судне «Королева наций», потерпевшем крушение в 1881 году, несколько ящиков с бутылками прекрасного сохранившегося коньяка...

Что примечательно, в Австралии все официально зарегистрированные кладоискатели становятся полноправными хозяевами поднятых с морского дна сокровищ. А вот подводным «браконьерам» теперь не поздоровится: их облачивают такими штрафами, что не приведут Господи... Ничего не попишешь — закон есть закон.

КОЗЯВКИ НА ДОБАВКУ

«На безрыбье и рак рыба, а в степи и хрущ мясо», — так утверждают путешественники, которым нередко приходится терпеть лишения в пути. Шутят, конечно, однако не до шуток бывает иным гурманам, которые, несмотря на продуктивное изобилие в магазинах, ломают голову над тем, где бы раздобыть что-нибудь эдакого, экзотического, что можно положить на зуб, — ну хоть какую-нибудь козьявку.

А между тем обеденный стол

многих народов изобилует козьявками, которые летают, прыгают, ползают вокруг нас. В меню, например, одного известного в Мехико ресторана, специализирующегося на азиатской кухне, значится суп из личинок черных муравьев и стрекоз, в Колумбии, в кинотеатрах, вместо кукурузных зерен подают куколок гусениц-листоедок.

В США недавно выпущена книга «Оригинальное руководство по приготовлению блюд из насекомых». Вот один из рецептов, который помещен в этом руководстве: «Шоколад с кузнечиками. На сковороде перемешивается сахар, сливки, шоколад и соль. Готовить следует на среднем огне, постоянно перемешивая массу ложкой, пока шоколад не расплывется и не растворится сахар. Продолжить приготовление, периодически перемешивая массу, до 234 градусов по Фаренгейту. Снять с огня и добавить сливочное масло.

Охладить полученную массу до температуры 120 градусов без перемешивания. Добавить ваниль и энергично взбивать с помощью деревянной ложки до тех пор, пока смесь не поднимется и не утратит стекловидности — в течение примерно 7-10 минут. Добавить жареных и измельченных насекомых, поместив равномерно в кастрюлю, предварительно растопив в ней немного масла. Охлаждать до отвердения, после чего разрезать на куски по 2 квадратных дюйма». В примечании к рецепту сказано: «По желанию, насекомых можно заменить орехами». Но это так, для разнообразия и чтобы, как говорится, вкус не позабыть.

ЛЕВША И В КИТАЕ ЛЕВША

Зовут его Се Шуйлинь. Первые навыки своего непревзойденного мастерства этот искусник из провинции Цзянси обрел еще в школьные годы, когда наострил стричить микроскопические шпательки, невидимые взору бдительного учителя.

А к пятидесятирехлетнему возрасту простой заводской рабочий Шуйлинь достиг в искусстве микрокалграфии поистине невиданных высот. Так, на клочке бумаги размером в половину обычной почтовой марки он иероглиф за иероглифом выписал ни мало ни много четыре выступления Уинстона Черчилля. Подобное достижение цзянсийского Левши, разумеется, никак не могло остаться незамеченным — и нашло себе достойное место в «Книге национальных рекордов Китая», которая, как ожидается, вот-вот выйдет в свет.

Но, как известно, ничто так не убеждает, как цифры. Применительно и искусству Се Шуйлиня они таковы: на клочке бумаги в 3,5 квадратных сантиметра миниатюрист с завидной легкостью способен уместить 3800 иероглифов

или 11840 букв английского алфавита. Так что теперь сами судите, что легче: блоху подковать или мелким бисером писать.

ВИНО ПОМНИТ...

Что обычно интересует человека, покупающего вино? Главным образом и прежде всего — букет, цвет, запах и вкус. А вот исследователи из Института по изучению пустынь в штате Невада заинтересовались в вине совсем другое, а именно: процентное содержание изотопов водорода и кислорода, обладающих своеобразной памятью.

Дело в том, что недавно американские ученые разработали принципиально новую компьютерную модель, позволяющую давать точные прогнозы температуры воздуха и количества осадков по всей западной территории Соединенных Штатов. Для испытания модели языкам потребовались более подробные данные, чем те, что хранятся в метеосводках и бюллетенях прошлых лет. И этот пробел ученые решили восполнить путем поиска ответов в вине, приготовленном из урожая винограда, возделываемого уже много лет на неорошаемых землях долины Напа. На анализ были отобраны вина из бутылок, заполненных начиная с 1961 года...

В результате были получены данные о соотношении изотопов водорода и кислорода в винах. Эти соотношения оказались разными и менялись в зависимости от осадков, ветров и прочих метеорологических факторов. Как говорят исследователи, виноградные вина, впитывая воду, «запоминают» все, что происходило с погодой. Другими словами, вино ведет своего рода кодовую запись хода осадков в течение всех времен года. И охотно делится своими «воспоминаниями» с учеными, служа им незаменимым подспорьем в работе.

БОТИНКИ С ПОДОГРЕВОМ

Патент на изобретение нового вида теплой обуви получил в прошлом году К. Эрвин, исследователь-любитель из США. И физическое явление, лежащее в основе этого изобретения, давно известно: это — пьезоэлектричество. Все дело в том, что под действием даже небольшого давления пьезокристалл способен генерировать электроэнергию. Именно ее и предложил использовать Эрвин для обогрева обуви.

Как же происходит процесс обогрева? Очень просто. В каблук ботинок вмонтируются специальные пьезокристаллы. Когда нога, обутая в такой ботинок, ступает на землю, эти самые пьезо... испытывают давление. Возникающее при этом напря-

жение генерирует электрический ток в проводниках, запаянных в подошву. Таким образом, некоторая часть энергии, выделяемой при ходьбе и тратившаяся прежде впустую, превращается в тепло, которое и обогревает обувь. Литро придумано, не правда ли? Но примечательно и другое: по утверждению самого изобретателя, «пьезоэлектрическая» обувь лишь ненамного дороже обычной теплой обуви, зато греет куда лучше.

РОДИЛСЯ АЙ-АЙ!

Ну и что же тут удивительного? Но дело в том, что, во-первых, руконожка ай-ай самый редкий зверь из приматов, во-вторых, родившийся в Центре приматов при университете Дьюка (Тархем, штат Северная Каролина, США) ай-ай, родина которого — Мадагаскар, первый из ай-аев, появившийся на свет в неволе. Это самец, весит он 5 унций (чуть больше 140 граммов), и назвали его Синим дьяволом — в честь баскетбольной команды чемпионов университета Дьюка. Правда, мать новорожденного, когда ее поймали, уже была беременна.

Тем не менее пребывание в неволе ничуть не сказалось на состоянии здоровья будущей матери, — говорит директор Центра приматов Кеннет Гландер. — А результаты проведенных нами сравнительных наблюдений за беременной самкой и другими особями того же вида, находящимися вместе с нею, позволяют предположить, что программа выведения этих животных в неволе скорее всего будет иметь успех». Что ж, как говорится, поживем — увидим.

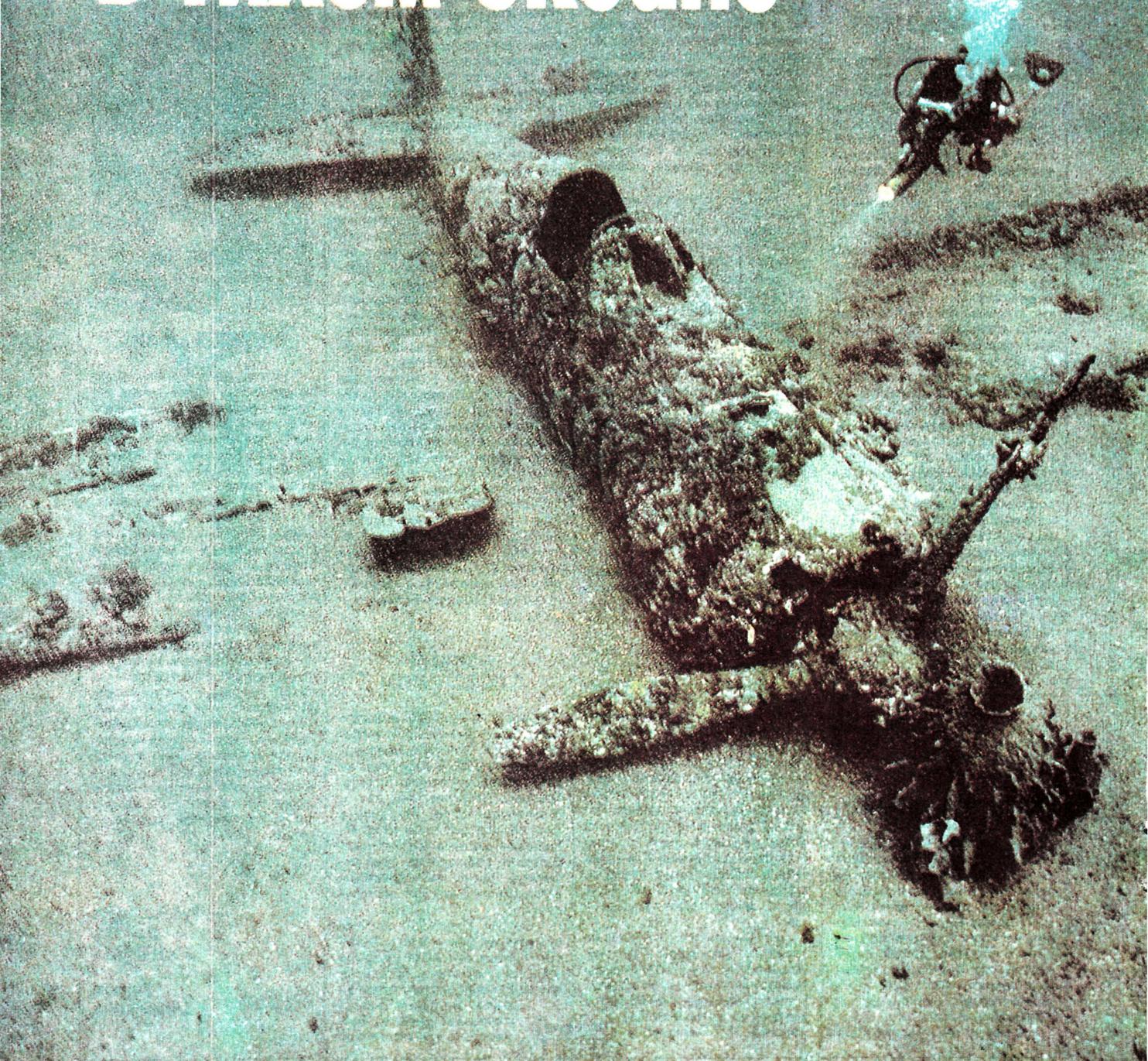
Рубрику ведут
Л.МИНЦ,
И.АЛЧЕВ

Рисунки
В.ЧИЖИКОВА

Жорж БЛОН,
французский
писатель

Уцелевший в Тихом океане

НЕВЕРОЯТНАЯ ОДИССЕЯ

РЕШАЮЩАЯ БИТВА

Вот уже несколько недель кряду шел проливной дождь — на всем пути американской эскадры из Новой Зеландии до островов Фиджи. Однако истребители прикрывали поднимались в воздух и в ливень, и в промозглый туман. Дождь прекратился неожиданно, ночью, и в просветах между кучевыми облаками на мало-помалу прояснявшемся небе показались крупные сверкающие звезды. Восстановилась хорошая погода, и на море снова лег штиль. Все моряки «Энтерпрайза», даже свободные от вахты, поднялись до рассвета — едва по кораблю объявили, что впереди показалась земля. Действительно, прямо по курсу, на северо-востоке, простиралась земля — ее было очень хорошо видно в бледном свете угасающего полумесца. И ни малейших признаков неприятельского присутствия. Вскоре моряки уже ясно различали живописные, поросшие буйной тропической растительностью склоны, спускающиеся к морскому берегу. Занималась заря, и небо, прояснившись еще больше, скоро сделалось совсем белесым. Звезды погасли. Эскадра взяла влево — и теперь земля лежала по правому борту. Зеленые горы и холмы, прорезанные долинами, в предупреденных рдеющих сумерках казались фиолетовыми и являли собой поистине величественное, впечатляющее зрелище. Вдоль подножий холмов тянулись широкие белопесчаные пляжи. Эскадра проходила так близко от берега, что было слышно, как шуршат, накатывая на песок, волны, поднятые форштевнями кораблей. Ни единого подозрительного звука — только рокот волн, шелест песка и гул корабельных двигателей. У входа в узкую долину показалась туземная деревня — несколько соломенных хижинок на деревянных сваях, а вокруг ни одной живой души. Туземцы, похоже, еще спали. И люди на кораблях спрашивали себя: неужели война придет и на этот тихий, мирный берег? Таким вот безмятежным предстал Гуадалканал перед взорами американских моряков ранним утром 7 августа 1942 года.

Гуадалканал — остров в архипелаге Соломоновых островов, протянувшийся пятисотмильной цепочкой с северо-запада на юго-восток от восточной оконечности Новой Гвинеи до Новых Гебрид. Другими словами, Соломоновы острова лежат почти параллельно северо-восточному побережью Австралии, от которого их отделяет Коралловое море. Соломоновы острова справедливо называют жемчужинами Тихого океана. Открыл их в 1569 году испанский мореплаватель Мендаль де

Нейра; он и дал им такое название — как поговаривали в свое время, с явным намеком на несметные сокровища великого царя Израильского.

Гуадалканал имеет 150 километров в длину и 50 в ширину. Японцев вряд ли привлек бы этот остров, если бы не его исключительно удачное географическое положение: в северной части Гуадалканала пролегает самая прекрасная на всем архипелаге долина — чем не место для аэродрома? Помимо того, с северного берега Гуадалканала виден другой остров, размерами поменьше, — Флорида, на побережье которого, обращенном в сторону Гуадалканала, расположена глубокая гавань с удобным местом для рейда, защищенная со стороны моря крохотными островками: Тулаги, Гавуту и Танамбого. Аэродром, гавань — вот вам и авиационно-морская база.

В первых числах апреля 1942 года японцы вторглись на Тулаги. А в начале июля высадили войска и рабочие бригады на Гуадалканале; началось строительство аэродрома и возведение полевых укреплений.

Между тем высшее военно-морское командование Соединенных Штатов решило «превратить всю юго-западную часть Тихого океана в основную район наступательных действий». И нам, я полагаю, было бы небезынтересно проследить — хотя бы вкратце — за тем, как разворачивалась подготовка к последующим крупномасштабным наступательным операциям, предусмотренным этим решением.

К тому времени в Окленде, Новая Зеландия, был создан новый командный пункт американского Тихоокеанского флота, и возглавил его вице-адмирал Роберт Гормли, который прибыл на место своего назначения 7 мая из Вашингтона. Через пять дней, 12 мая, Гормли получил от адмирала Нимица приказ «занять островные позиции, с тем чтобы начать незамедлительную подготовку к дальнейшим боевым действиям в юго-западной и центральной частях Тихого океана, а также к проведению десантных операций на островах, захваченных японцами». После победы американцев в сражениях за Маршаллы и Мидуэй верховное командование Соединенных Штатов полагало, что «по всем законам военной стратегии по неприятелю следовало нанести новый молниеносный и сокрушительный удар». А уже 2 июля Гормли получил приказ в скорейшем порядке начать широкомасштабное наступление.

День «Д»¹ был назначен на 1 августа. А за две недели до этого, 16 июля, вице-адмирал Гормли подготовил приказ, закодированный под схему бое-

вых учений. Для его исполнения были задействованы 3 авианосца, 1 линкор, 14 крейсеров, 30 эсминцев, с десанток вспомогательных кораблей, 22 транспорта и авиация.

С наступлением ночи эскадра снова вышла в море. 3 августа она миновала южную оконечность архипелага Новые Гебриды и взяла курс норд-вест. А спустя четыре дня, 7 августа, американские корабли подошли к Гуадалканалу.

В 5 часов 30 минут с трех авианосцев начали подниматься в воздух самолеты. В 6 часов 13 минут корабли эскадры открыли огонь по берегу, в то время как бомбардировщики, сбросив бомбы в глубь острова, отправились бомбить Флориду и соседние островки. В 6 часов 47 минут к Гуадалканалу подошли транспорты, и уже в шесть пятьдесят морским пехотинцам был дан приказ приготовиться к высадке. В спокойное море начали спускать десантные плавсредства. Погода стояла просто идеальная. Противника нигде не было видно — он точно испарился. Но вскоре японцы дали-таки о себе знать: в воздухе показался один-единственный неприятельский самолет, который, впрочем, тут же сбили, а вслед за тем послышались редкие залпы береговых зенитных орудий, но и они скоро смолкли. И больше ни звука.

В 8 часов морские пехотинцы высадились на пологий песчаный берег Гуадалканала двумя десантными группами, не встретив на своем пути практически никакого сопротивления, — во время этой операции шальная пуля, выпущенная из прибрежных зарослей японским стрелком-одиночкой, сразила только одного десантника. С кораблей в бинокли было отлично видно, как тяжело нагруженные солдаты в касках, увязая ногами в песке, продвигались к лесу, а у них над головами проносились на бреющем полете американские самолеты. Вступив в густые заросли, пехотинцы направились туда, где, по всем расчетам, должен был находиться японский аэродром.

Около полудня пехотинцы, углубившиеся в джунгли Гуадалканала, снова услышали со стороны моря рев самолетных двигателей — но это уже были японские высотные бомбардировщики. А через несколько секунд до людей в джунглях долетел раскатистый грохот орудий американских кораблей. Немного спустя канонада прекратилась, а через полчаса часа после полудня возобновилась вновь, сопровождаемая воем моторов пикирующих бомбардировщиков. Но пехотинцам, скрытым за плотной зеленой завесой, не было видно, что про-

Окончание. Начало см. в № № 1, 2/95.

¹ День «Д» — день начала боевых действий. (Здесь и далее прим. пер.)

исходит в воздухе и на море, — об этом им оставалось лишь догадываться.

Японские бомбардировщики прилетели с базы под городом Рабаулом, что на острове Новая Британия, расположенном примерно в тысяче километрах к северо-западу от Гуадалканала. Они атаковали эскадру в течение десяти минут, но безуспешно. Следом за ними на американские корабли устремились пикирующие бомбардировщики, сопровождаемые «зиро». С «Энтерпрайза» и «Саратоги» взлетели истребители — они тут же вступили в бой с самолетами противника. Одна из бомб, сброшенных японцами, попала в транспорт, в результате чего погибли 22 американских моряка. В том бою американцы сбили большую часть неприятельских самолетов, а сами потеряли только 11 истребителей.

Ночью крейсера под командованием контр-адмирала Крэтчли отправились патрулировать северо-восточные воды Гуадалканала, чтобы к транспортам не смогли подступиться ни подводные лодки, ни надводные корабли противника.

На другой день, 8 августа, около полудня американские морские пехотинцы захватили японский аэродром на Гуадалканале и назвали его Хендерсон-филд — в память о командире эскадрильи Хендерсоне, погибшем в боях за остров Мидуэй.

В тот же день, во второй его половине, в небе над Гуадалканалом показали сорок японских двухмоторных бомбардировщиков в сопровождении отряда истребителей. Они атаковали американскую эскадру с малой высоты. К тому времени транспортные корабли успели отойти подальше от берега, и теперь им приходилось маневрировать в открытом море, чтобы избежать бомбовой атаки японцев.

Как впоследствии писал адмирал Кинг, «хотя в первые дни сражения за Гуадалканал неприятель понес значительные потери, с его стороны можно было ожидать новых атак — как с помощью надводных кораблей, так и самолетов, взлетающих с базы на острове Санта-Исабель¹. И в этот критический момент нам пришлось отвести авианосцы на дозаправку подальше от Гуадалканала. Такое решение было принято и по двум другим причинам: с одной стороны, японцы продемонстрировали огромную мощь в воздухе, а с другой, как мы догадывались, они могли направить в воды Гуадалканала свои подводные лодки, которые угрожали бы нашим авианосцам». Таким образом, в соответствии с принятым решением в ночь на 9 августа авианосная группа американской эскадры покинула прибрежные воды Гуадалканала...

Спустя десять дней, 20 августа, американские разведывательные самолеты обнаружили, что в водах близ порта Рабаул японцы собрали большую эскадру, куда входили 3 или 4 авианосца, 2 линкора, 12 крейсеров,

20 эсминцев, 15 крупнотоннажных транспортов и несколько танкеров. И что на базе под Рабаулом сосредоточено 160 наземных бомбардировщиков и истребителей. 23 августа вице-адмиралу Флетчеру, командующему американской эскадрой, которая крейсировала к юго-востоку от Гуадалканала, сообщили, что южнее островов Трук, что в архипелаге Каролинские острова, замечены 3 японских авианосца и корабли сопровождения, идущие курсом зюйд-ост.

Получив это сообщение, Флетчер приказал эскадре срочно выдвигаться навстречу неприятелю. Американская эскадра состояла из двух ударных групп, ядро которых составляли авианосцы: «Саратога» (флагман) шла в сопровождении 2 тяжелых крейсеров и 5 эсминцев, а «Энтерпрайз» эскортировали 1 линкор («Северная Каролина»), 1 тяжелый крейсер, 1 легкий крейсер ПВО и 6 эсминцев.

24 августа, в 6 часов 30 минут, с «Энтерпрайза» взлетело первое звено истребителей-разведчиков — однако впереди по курсу эскадры летчики ничего не обнаружили. Позднее Флетчер приказал поднять с «Энтерпрайза» второе звено разведчиков. Эти истребители вернулись на авианосец поздно вечером, и летчики доложили, что примерно в двухстах милях к северо-западу идет целая эскадра — 3 авианосца, 8 тяжелых и 6 легких крейсеров, 16 эсминцев и несколько крупных транспортов. Армада двигалась в сильно рассредоточенном дугообразном порядке, растянувшись в ширину на 60–80 миль. Другими словами, японцы держали курс на Гуадалканал, где к тому времени уже прочно закрепились американцы.

Высланные вперед американские самолеты-разведчики сбросили на японские авианосцы несколько бомб, но мимо цели. Во время этой первой и короткой атаки был сбит один американский самолет. Пилот погиб, а хвостовому стрелку, Делмару Уили, хотя его и ранило, удалось выбраться из самолета, когда тот упал в море, и надуть спасательный плот. Уили провел в океане две недели, прежде чем его наконец прибило к небольшому островку, название которого он даже не знал. Туземцы радушно встретили несчастного летчика, долго ухаживали за ним, кормили и поили... а потом дали лодку, чтобы он смог доплыть до островка Флорида. Уили добрался туда лишь 11 апреля 1943 года — через 218 дней после того, как его самолет рухнул в море.

Вслед за разведчиками с обоих авианосцев поднялись в воздух пикирующие бомбардировщики и торпедоносцы. Первыми на цель вышел самолет «Саратоги». Это был небольшой авианосец «Риуджу». Выпустив по нему торпеды, американцы потом забросали его бомбами. В результате полетная палуба авианосца превратилась в груды обломков, а сам корабль, охваченный пламенем, остался дрейфовать, дав сильный крен на один борт.

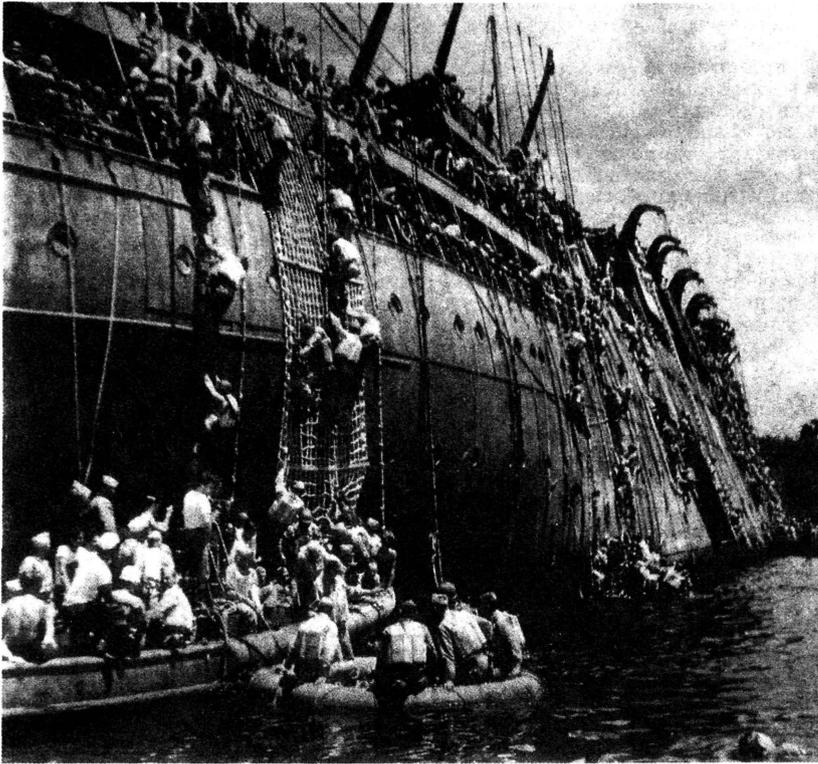
Но японцы тоже не сидели сложа руки. Не успели самолеты с «Энтер-

прайза» и «Саратоги» подняться в воздух, как их засекала система радиолокационного наблюдения японской эскадры...

В первый эшелон неприятельских самолетов входили 36 пикирующих бомбардировщиков, 12 торпедоносцев и 24 истребителя прикрытия. На перехват японцам вылетело звено истребителей прикрытия американской эскадры — однако многим истребителям и бомбардировщикам противника все же удалось уйти от американских перехватчиков, и они снова двинулись грозным строем вперед. Но их тут же засекала РЛС наблюдения «Энтерпрайза». Моряки, находившиеся на верхней палубе авианосца, впялись глазами в горизонт, откуда вот-вот должны были появиться японцы. Через некоторое время кто-то из моряков воскликнул: «А вот и они, сволочи!» И действительно, на синем горизонте, озаренном лучами закатного солнца, показались светящиеся точки.

Вскоре послышались громовые залпы зенитных орудий — это открыли огонь корабли прикрытия. В синее небо полетели сотни трассирующих снарядов, оставлявших за собой ослепительно-яркие шлейфы. Линкор «Северная Каролина», шедший на некотором удалении от «Энтерпрайза», палил из пушек так неистово, что со стороны казалось, будто на его борту вспыхнул сильный пожар. Первые японские самолеты, приближившиеся к эскадре на расстояние пушечного выстрела, разнесло буквально на куски. Но истребители и бомбардировщики, летевшие следом, продолжали прорываться вперед, ни на метр не уклоняясь от курса. Пробившись один за другим через огненный щит, бомбардировщики вошли в пике под углом 70 градусов и, снизившись до пятисотметровой высоты, начали сбрасывать бомбы. Многие из атакующих самолетов были сбиты из орудий «Северной Каролины», остальные же ринулись на главную цель — «Энтерпрайз», который начал маневрировать, стараясь уклониться от ударов. Но вот рев пикирующего бомбардировщика послышался уже совсем рядом с авианосцем. И в следующий миг моряки увидели, как прямо на верхнюю палубу, под небольшим углом, упала сверкающая бомба. Судя по всему, это была бомба замедленного действия: она пробила верхнюю и вторую палубы и разорвалась только на третьей. В результате погибло 35 моряков и вспыхнул пожар. На место взрыва тотчас же прибыли спасательная команда и группа живучести. Спасателям открылась страшная картина: потемневшие от копоти переборки отсеков твиндека разорвало буквально в клочья, точно сделаны они были не из металла, а из бумаги; крутом было черным-черно от дыма, а там, где бушевал пожар, языки пламени жадно пожирали разбросанные по палубе тела убитых взрывом матросов. Но корабль, содрогаясь всем корпусом, продолжал, однако, маневрировать, ничуть не убавив скорости. А наверху между тем слышался грохот зенитных ору-

¹ Остров в архипелаге Соломоновы острова, расположенный к северу от Гуадалканала.

дий и пронзительный вой заходящих в пике бомбардировщиков. Спасатели принялись тушить огонь, и вода, вырывающаяся из брандспойтов мощными струями, попадая на палубу, тут же вскипала и превращалась в пар.

В следующее мгновение в «Энтерпрайз» угодила еще одна бомба — она разорвалась в десяти метрах от кормового подъемника снарядов, расположенного по правому борту, где как раз в это время находилось человек шестьдесят моряков. По корме авианосца разлетелись снопы ослепительных ярко-оранжевых искр. Взрывом убило 38 человек зараз.

Взрывом третьей бомбы сорвало огромную крышку люка на полетной палубе авианосца, и под нею, в междупалубном пространстве, вспыхнул пожар. Четвертая бомба, едва не зацепив «Энтерпрайз», упала в море, взметнув в воздух гигантский столб воды, который, обрушившись на полетную палубу как раз в том месте, где зияла полыхающая дыра, почти сбил пламя... Но тут матросы, кинувшиеся было тушить огонь, заметили, что стрельба вдруг прекратилась и в небе не видно ни одного самолета.

Налет японских бомбардировщиков длился не больше четырех минут. Но за это короткое время на «Энтерпрайзе» погибли 74 моряка, 95 человек были ранены, и четверо из них смертельно. Через час после атаки японцев пожар на авианосце был потушен и корабль мог идти дальше со скоростью 24 узла. Вице-адмирал Флетчер приказал отправить «Энтерпрайз» на ремонт в Перл-Харбор, куда тот вскоре и отбыл в сопровождении крейсера и четырех эсминцев.

К тому времени, заметим, американцы научились довольно быстро ремонтировать поврежденные корабли и накопили в этом деле немалый опыт. Еще до того, как пострадавший корабль заходил в док, у судоремонтников, заблаговременно узнававших о наиболее серьезных повреждениях на борту, уже был составлен общий план ремонтных работ. Так, не успел «Энтерпрайз», изрядно пострадавший в бою за восточные Соломоновы острова, прийти в Перл-Харбор, как на его борту уже вовсю трудились ремонтные бригады. Так что 16 октября «Энтерпрайз» уже был готов снова выйти в море. На этот раз он отправился в плавание под командованием капитана 1 ранга Осборна Хардисона и под флагом адмирала Кинкэйда, а сопровождали его линкор «Южная Дакота», 2 крейсера и 8 эсминцев. Авианосец получил приказ идти полным ходом в южную часть Тихого океана, где его уже поджидал «Хорнет» в сопровождении 4 крейсеров и 6 эсминцев. Авианосцы встретились в полдень 24 октября в точке к северо-востоку от Новых Гебрид. Таким образом сформировалась ударная авианосная группа «Кинг», и командование ею принял на себя контр-адмирал Кинкэйд. Согласно боевому заданию группе «Энтерпрайз» — «Хорнет» предстояло обогнуть с севера архипелаг Санта-Крус и идти прямым курсом к острову Сан-Кристобаль, самому южному в архипелаге Соломоновых острова.

26 октября полудни «Энтерпрайз» получил радиосообщение от адмирала Нимица: «В 600 милях к северо-западу от той точки, где находится ударная группа «Кинг»,

замечены 2 неприятельских линкора и 4 тяжелых крейсера». Через час воздушная разведка уточнила предыдущее сообщение: «Обнаружены 2 японских авианосца и корабли сопровождения; координаты — 08 градусов 51 минута южной широты и 164 градуса 30 минут восточной долготы; курс — 145; скорость — 25 узлов». Иными словами, японцы находились меньше чем в 360 милях от ударной группы. Кинкэйд тут же приказал поднять в воздух первую поисково-истребительную авиагруппу. Однако в указанном квадрате она ничего не обнаружила, как ни старалась. Причем летчики настолько увлеклись поисками, что шесть истребителей, превысивших свой радиус действия на 80 миль, на обратном пути упали в море, так и не дотянув до «Энтерпрайза». Чуть позже летчиков подобрали прямо с воды, а самолеты затонули. Неудача постигла эту группу потому, что японские авианосцы попросту изменили курс. Однако самолеты-разведчики наземного базирования продолжали постоянно следить за их продвижением. И вскоре выяснилось, что неприятельские корабли, отклонившись вправо, взяли курс на Гуадалканал. Так что теперь, какой бы маневр ни замыслили японцы, было ясно, что ударная группа «Кинг» выйдет на неприятеля не позднее завтрашнего утра. На борту американских авианосцев за всю ночь никто не сомкнул глаз. Капитан 2 ранга Кроммлин, командовавший авиационным соединением «Энтерпрайза», собрал всех летчиков в кают-компанию и ввел их в курс дела. Сначала он в нескольких словах обрисовал положение на Гуадалканале, потом сообщил численный состав японской эскадры, которая оказалась раза в три мощнее американской ударной группы. «Зато теперь, — прибавил он, — вы летаете на самых лучших в мире самолетах, способных выдержать любой удар, не то что раньше. Кроме того, за плечами у вас большой опыт и вы в совершенстве владеете тактикой современного воздушного боя». Затем, обсудив с подчиненными кое-какие технические детали, Кроммлин отпустил летчиков немного отдохнуть перед завтрашним нелегким днем.

Бой, как и ожидалось, произошел утром 26 октября. А за тем, как он проходил, мы проследим — в буквальном смысле по часам — глазами непосредственных участников нижеописываемых событий — моряков и летчиков «Энтерпрайза». Итак:

4 ч. 30 мин. — Летчики завтракают в кают-компанию. В воздухе стоит запах кофе, яичницы и ароматного американского табака. Черная доска, закрепленная на переборке, испещрена цифрами и пометками, которые во время ночного совещания сделал Кроммлин. Разговор заходит о затонувших вчера самолетах-разведчиках (у них не хватило горючего, и они упали в море). Однако беседа не клеится — летчикам, похоже, смертельно хочется спать. В кают-компанию заходит корабельный капеллан и говорит, что с «Южной Дакоты» только

что просигналили прожектором — сообщили имена летчиков, которых выловили из моря матросы кораблей сопровождения; хвала Господу, все они целы и невредимы. Летчики слушают капеллана внимательно, с большим почтением. Многие из них уже исповедовались ему накануне...

5 ч. 5 мин. — Полетная палуба. Темно, как в полночь. На корме, тесно прижавшись друг к другу, точно испуганные птицы, стоят самолеты-разведчики, которым предстоит взлететь первыми. Из палубных громкоговорителей раздается четкий голос командира авиационной боевой части: «Всем отойти от пропеллеров... Включить двигатели...» Через несколько минут в воздух поднимаются первые самолеты.

А еще через какое-то время начинает светать. На бледнеющем небе вырисовывается силуэт островка (островных надстроек на авианосце), а вслед за тем — и очертания кораблей сопровождения. Идущая недалеко, слева по борту, «Южная Дакота» похожа на огромную черную щуку. Вскоре занимается заря. С палубы «Энтерпрайза» один за другим взлетают самолеты. На адмиральском мостике, в рубашке цвета хаки, без фуражки, стоит контр-адмирал Кинкэйд. Он окидывает взглядом море, перекрасившееся в зеленый цвет. Высоко в небе, с восточной стороны, маленькие пушистые кучевые облака снизу окрашиваются золотом. Вдоль правого борта пролетает стайка летучих рыб. Небо проясняется с каждой минутой. А вот и первый луч солнца. Через мгновение-другое над горизонтом величественно поднимается дневное светило. В тропиках так быстро светает — просто диву можно дать! В восьми милях к югу видна группа «Хорнета» — она идет параллельным курсом. Но вот палубу «Энтерпрайза» покидают последние самолеты — и воцаряется тишина.

7 ч. 30 мин. — Первое сообщение от летчиков (докладывает лейтенант Вивьен Уэлч): «Вижу два неприятельских линкора, тяжелый крейсер и семь эсминцев. Авианосцев с ними нет».

8 часов. — Второе сообщение от летчиков (докладывает капитан-лейтенант Джеймс Ли): «Вижу два японских авианосца и корабли сопровождения. На полетных палубах обоих авианосцев пусто... Нас атакуют «зиро»».

8 ч. 2 мин. — Кинкэйд отдает приказ поднять в воздух 10 пикирующих бомбардировщиков, 10 торпедоносцев и 10 истребителей.

8 ч. 12 мин. — Из палубных громкоговорителей доносится резкий голос — он даже перекрывает рев моторов взлетающих самолетов. Экипаж «Энтерпрайза» слышит сообщение от летчиков. Лейтенанты Стоктон Стронг и Чарлз Ирвин нанесли удар по японскому авианосцу «Схокаку», поразив цель дважды; следом за тем их атаковали «зиро», но четверо из них тут же были сбиты. Моряки на «Энтерпрайзе» прокричали громкое «ура!». (Позднее, правда, выяснилось, что подбитый авианосец назывался «Зуихо»).

9 часов. — Возвращается большая часть «Донтлесов», улетевших на расвете. Дует слабый ветерок, и «Энтерпрайз» принимает их, не меняя курса. Все бомбардировщики садятся благополучно и быстро.

9 часов 30 мин. — На «Энтерпрайз» возвращается одиночный истребитель. Перед заходом на посадку он делает круг над авианосцем на слишком малой высоте, описывая при этом странный вираж и заваливаясь то на одно крыло, то на другое. Однако ему удается сесть с первого захода, хотя посадка получается довольно жесткой. Летчик не может выбраться из кресла. К нему бегут механики. Летчик ранен. Придя в себя, он сообщает безрадостные новости о самолетах, покинувших «Энтерпрайз» с 8 до 12 часов: они были атакованы дюжиной «зиро», возникших с солнечной стороны; японцы сбили четыре американских истребителя, а сами потеряли только два. Что было дальше, раненый летчик не знает.

9 ч. 40 мин. — Голос из громкоговорителей: «Группе живучести и пожарной команде надеть спещодежду и приготовиться! В пятидесяти милях — японские самолеты».

9 ч. 42 мин. — Снова раздается рев моторов — в воздух поднимается звено из одиннадцати истребителей.

9 ч. 45 мин. — Погода резко портится. Начинается дождь, переходящий в ливень. Но самолеты продолжают взлетать.

10 часов. — Ливень прекращается так же быстро, как и начался. В синем небе снова сверкает солнце. На адмиральском мостике «Энтерпрайза» Кинкэйд и сопровождающие его офицеры. Но пока горизонт чист.

10 ч. 6 мин. — На «Энтерпрайз» возвращаются лейтенанты Стронг и Ирвин, атаковавшие два часа назад японский авианосец. Стронг говорит, что у него осталось только двадцать литров горючего, а у Ирвина — двадцать.

10 ч. 11 мин. — Зенитные орудия группы «Хорнет», по-прежнему идущей в восьми милях южнее, открывают огонь. Вслед за тем на светлоглубом фоне неба появляются крохотные облачка от разрывающихся в воздухе снарядов; облачка постепенно разрастаются, подобно распускающимся цветам. Зрелище кажется очень странным, поскольку пока оно разворачивается в полной тишине. И вдруг вдалеке слышится глухой раскатистый грохот корабельных орудий. Небо над группой «Хорнета» сплошь покрывается черными облачками разрывов.

10 ч. 13 мин. — В «Хорнет», похоже, попала бомба. В самом деле, в бинокль хорошо видно, как из носовой части авианосца вырывается пламя. Пламя вперемешку с дымом. А вокруг авианосца в море падают самолеты, оставляя за собой в воздухе огненные шлейфы. И никто не знает: то ли это японцы, то ли американцы. Моряки на «Энтерпрайзе» не в силах проронить ни звука. От «Хорнета» тянется в небо огромный султан черного дыма. А группа «Энтерпрайза»

продолжает идти своим курсом по спокойному морю.

10 ч. 25 мин. — Никаких кораблей в море больше не видно — только группа «Хорнета» во главе с дымящимся флагманом. Вскоре на «Энтерпрайз» поступают новые сообщения от летчиков — в общей сложности ими уничтожено двадцать пять «зиро». Но есть опасения, что все американские торпедоносцы сбиты. Пикирующие бомбардировщики «Донтлес» заметили сначала два неприятельских тяжелых крейсера и несколько эсминцев, о чем их пилоты тотчас доложили на «Энтерпрайз». Пролетев двадцать миль, они увидели два линкора, которые открыли по ним огонь, а чуть погодя наконец обнаружили два авианосца с кораблями сопровождения и под охраной воздушного прикрытия. Два «Донтлеса» были сбиты, другие два получили повреждение, остальные атаковали самый крупный из авианосцев, в который угодило сразу четыре бомбы полтонны весом каждая. (На сей раз это было точно «Схокаку».)

11 ч. 13 мин. — А вот и японцы! «Энтерпрайз» и корабли сопровождения открыли огонь. Несколько японских самолетов падают в море, но остальные приближаются как ни в чем не бывало. Огромная полетная палуба «Энтерпрайза» сильно накрывается — авианосец, не сбавляя хода, начинает маневрировать. На адмиральском мостике стоит Кинкэйд. А рядом с ним — Хардисон, новый командир «Энтерпрайза». Японских самолетов в небе тьма-тьмушая; это — пикирующие бомбардировщики. С оглушительным ревом, похожим скорее на душераздирающий, полный угрозы вой, они один за другим заходят в пике. Палуба «Энтерпрайза» резко накрывается в другую сторону. Моряки на секунду-другую вскидывают головы и смотрят то на море, то на небо, пытаются понять, что же, в конце концов, происходит, но из-за резких рывков авианосца и кораблей сопровождения, повторяющих маневры флагмана, ничего понять не могут. Единственно, что они различают совершенно четко, так это неисчислимый рой японских бомбардировщиков. Господи, неужто их так много!

11 ч. 25 мин. — Раздается глухой удар, как будто по кораблю шарахнули огромный тараном, — «Энтерпрайз» содрогается всем корпусом, от носа до кормы. Из палубы, сразу же за носовым самолетоподъемником, вырываются клубы серого дыма вперемешку с ослепительными искрами. Но корабль продолжает двигаться вперед полным ходом. Ветер гонит дым вдоль палубы. Второй толчок. Слева по борту поднимается гигантский фонтан, который тут же накрывает штурманский мостик. Один из самолетов, стоящих в кормовой части, срывается с креплений и, кружась волчком по полетной палубе, валится за борт. Грохот зенитных орудий и вой пикирующих бомбардировщиков сливаются в ужасающий, нескончаемый рев. Еще один толчок, а может, сразу два. Корабль вздрагивает от

разрывов бомб, падающих рядом в море, и от ударов, приходящих прямо в него. Но «Энтерпрайз» не сбавляет хода. Как ни странно, на верхней палубе авианосца не видно ни одного убитого.

11 ч. 27 мин. — Налет заканчивается. Зенитные орудия умолкают. (После осмотра выясняется, что «Энтерпрайз» поразили три бомбы. Одна из них пробила полетную палубу и разорвалась где-то в междупалубном пространстве, в результате чего погибло несколько человек и вспыхнул пожар; другая тоже ударила в полетную палубу — ближе к носу и под углом и, отскочив от нее рикошетом, взорвалась в море; третья бомба пробилась насквозь поясную броню правого борта. Лишь три процента членов экипажа «Энтерпрайза» были непосредственными свидетелями этого налета, во время которого было сбито немало японских самолетов, упавших прямо в море. Остальные же моряки, находившиеся во внутренних отсеках авианосца, только слышали, как громкоговорители передавали по всему кораблю предупредительные сигналы и команды: «Атака пикирующих бомбардировщиков. Приготовиться к бою!». И чувствовали, как от ужасных толчков стонут прочные металлические переборки и содрогается корпус корабля. От страшных сотрясений лопались даже трубопроводы, заливая водой внутренние отсеки. Свет погас. Первая бомба разорвалась прямо над зарядным погребом, и этот отсек загорелся сразу в нескольких местах. В соседнем отсеке, на своем боевом посту, находился вестовой старшина, молодой паренек-микронезиец родом с острова Гуам; он дежурил у телефона, связанного с Центральным постом, и должен был докладывать туда о любой аварии в его отсеке. Вот как ему виделся бой изнутри корабля: «Я решил, что палуба вот-вот обрушится мне на голову. Даже после взрыва в отсеке буквально все еще долго ходило ходуном. Вода била внутрь фонтаном, а вместе с нею врывался дым. И я уж подумал, а не применили ли японцы удашающий газ. Я буквально оборвал телефон. Все лампочки погасли, стало темно, как в аду, а вода все прибывала и прибывала. Сперва она была мне по пояс, а после — уже по самые плечи. Я стоял на цыпочках, и мне было очень страшно». Молодого старшину-микронезийца, которого звали Висенте Саблан, извлекли из полужатопленного отсека только в 17 часов 50 минут.)

11 ч. 28 мин. — Полетная палуба. Из громкоговорителей доносится голос: «Перископ по курсу справа». Но пока ничего не происходит. Впрочем, нет, с кормы заходит американский самолет. Офицер, руководящий посадкой, начинает делать ему отмашки сигнальными ракетками.

(Летчики американской военной морской авиации надолго запомнили имя этого офицера. Звали его Робин Линдсей. Прежде Линдсей уже не раз демонстрировал свои незаурядные способности во время аварийной по-

садки самолетов. Но в бою под Санта-Крус он даже превзошел самого себя. Впереди у нас еще будет время вспомнить этого человека. А пока давайте вернемся к тому, что происходило на море и в воздухе вблизи островов Санта-Крус.

В то время как японские бомбардировщики атаковали «Энтерпрайз», в небе над авианосцем и вокруг него разыгрывалась другая трагедия. Американские самолеты, у которых горючее уже было на исходе, описывали над «Энтерпрайзом» круги, ожидая любой возможности, чтобы сесть на авианосец. Это были те самые летчики, что взлетели с «Энтерпрайза» чуть позже 8 часов утра. А вместе с ними теперь кружили и летчики с «Хорнета», который был подбит семью бомбами и по меньшей мере двумя торпедами. Трагедия американских летчиков усугублялась еще и тем, что они не могли ни защищаться (у них вышли все боеприпасы), ни отлететь подальше от места боя (горючее было на исходе), так что им оставалось только одно — падать в море, тем более что некоторые из них были ранены, а многие машины получили повреждения. И все же большинству самолетов (десяти) удалось-таки сесть на «Энтерпрайз» — но только после того, как закончился первый налет японцев. Робин Линдсей посадил их мастерски и быстро.)

11 ч. 33 мин. — Громкоговорители: «С северо-запада надвигаются неприятельские самолеты, расстояние — 35 миль. Всем приготовиться к бою!» Линдсей, стоя на взлетно-посадочной полосе, продолжает руководить посадкой «своих» самолетов.

11 ч. 38 мин. — На полетную палубу авианосца садится последний, десятый самолет.

11 ч. 48 мин. — Японцы тут как тут! Зенитные орудия кораблей сопровождения встречают их шквальным огнем. Японские самолеты, идущие на бреющем полете, все ближе и ближе; это — торпедоносцы. Один из них взрывается в каких-нибудь пятидесяти метрах над поверхностью моря и, превратившись в огромный кувыркающийся огненный шар, летит по инерции дальше. Остальные самолеты продолжают приближаться, хотя многие из них падают в море. Следом за тем уцелевшие торпедоносцы делают на два звена и начинают атаковать «Энтерпрайз» с левого и правого бортов. Вот уже пущены торпеды! Поверхность моря рассекают длинные пенные борозды. Авианосец сильно накреняется на один борт. Люди на верхней палубе падают лицом вниз — все, за исключением Линдсея и еще одного офицера-летчика; они вдвоем где ползком, где короткими перебежками подбираются к стоящим на приколе самолетам, мгновенно запрывают в кабины ближайших машин и открывают пулеметный огонь по большому японскому торпедоносцу, который, подлетев с кормы, резко уходит вверх, подставляя брюхо под град пуль. По нему стреляют и другие пулеметы — и вот под ошеломляющим натиском трас-

сирующих очередей брюхо торпедоносца в прямом смысле разрывается на части. Японец, тщечно пытавшийся набить высоту, на секунду-другую зависает чуть ли не над самой палубой авианосца и потом камнем падает в море. Следом за ним та же участь постигает и три других неприятельских торпедоносца. Кажется, ни одна из выпущенных ими торпед не задела «Энтерпрайз». Через некоторое время слева от авианосца, в какой-нибудь сотне метров, падает еще один горящий японский самолет, похожий на огненный болид, — но он валится не в море, а на носовую палубу эсминца «Смит». Из носовой части эсминца вырывается огромный столб пламени, за которым вскоре исчезает весь нос корабля. Но кормовые орудия «Смита» продолжают стрелять. А еще через мгновение пламя пожара охватывает и «Южную Дакоту».

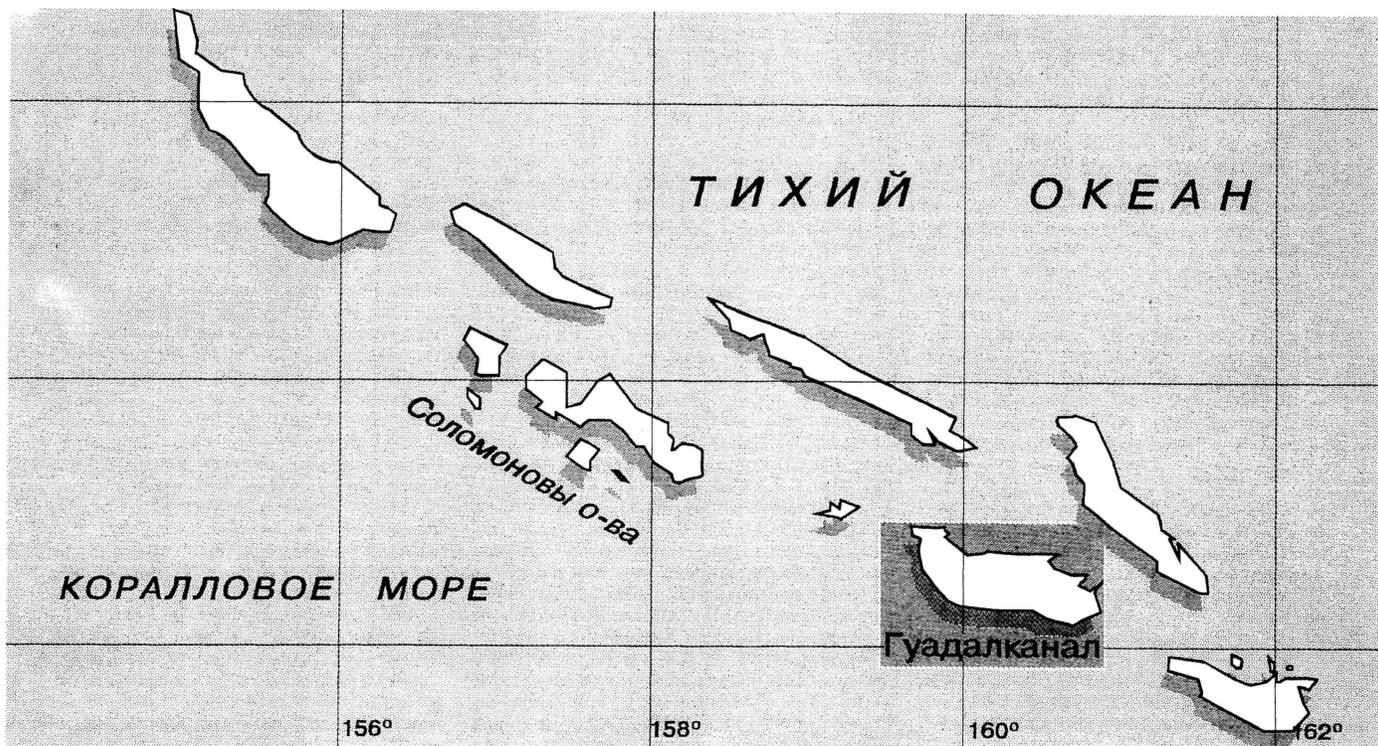
И тут громкоговорители «Энтерпрайза» буквально взрываются от крика: «Прекратить огонь! В воздухе — свой!» Орудия «Энтерпрайза» разом умолкают, а вслед за ними — пушки остальных кораблей. Наступает невероятная тишина — японцев вдруг след простыл, — которую внезапно нарушает рев моторов американского истребителя, открывающего пулеметный огонь по поверхности моря. Истребитель летит, чуть ли не касаясь крыльями воды, потом взмывает вывесь и снова устремляется вниз, не прекращая пальить из всех пулеметов. В двухстах метрах от «Энтерпрайза» стоит эсминца «Портер» — кажется, с ним что-то случилось. Но что именно — никто понять не может. И вдруг из-под борта «Портера», точно посередине, вырывается шипящий, пенящийся гейзер, а затем — огромное облако дыма, которое целиком скрывает эсминца.

Летчика, пилотировавшего этот истребитель, звали Дэвид Поллак. Пролетая на тысячетровой высоте над «Энтерпрайзом», он заметил на морской поверхности след от неуправляемой торпеды, описывавшей круги между «Энтерпрайзом» и «Портером». Эсминца остановился, чтобы подобрать с воды экипаж сбитого американского самолета. Поллак решил рискнуть и расстрелять торпеду из пулеметов с воздуха. Даже если бы он не попал в нее, все равно моряки на «Портере», услышав стрельбу, в конце концов заметили бы, что в море творится что-то неладное. Но было слишком поздно: когда на «Портере» наконец сообразили в чем дело и кинулись запустить машину, торпеда поразила эсминца.

11 ч. 58 мин. — Голос из громкоговорителей: «Справа по борту неопознанные подводные лодки».

Через тридцать секунд. — Голос из громкоговорителей: «Ложная тревога. Это обыкновенные морские свиньи, а не лодки». Общій взрыв смеха. Нервозность немного разряжается...

12 ч. 15 мин. — Голос из громкоговорителей: «С северо-запада надвигаются самолеты противника, расстояние — 12 миль. Всем приготовиться к бою!» Но небо на северо-запада, к со-

жалению, покрыто облачностью — японцам это только на руку.

12 ч. 20 мин. — Наконец из-за облаков показываются японские самолеты. Американцы открывают огонь. Похоже, самолетов всего штук двадцать и большинство из них торпедоносцы. Они резко идут на снижение. И вот один из них падает в море, а за ним — другой. «Энтерпрайз» начинает маневрировать. Один из японских бомбардировщиков заходит в пики и сбрасывает бомбу — она падает в море рядом с правым бортом авианосца, и корабль вздрагивает... Почти все японские торпедоносцы сбиты — ни одному из них так и не удается приблизиться к американским кораблям на расстояние пуска торпед. А уцелевшие самолеты противника разворачиваются и улетают прочь. Атака длилась не больше двух минут.

Капитан-лейтенант Дуайт Уильямс, наблюдавший эту атаку с высоты марсовой площадки, куда он забрался, чтобы привести в порядок порванную радиоантенну, потом вспоминал: «Бомбардировщик начал было заходить в пики, потом вдруг выпрямился, а после взорвался прямо у меня на глазах. Но сбросить бомбу он все же успел. Любои, кому случалось переживать бомбежку, знает: если бомба, которая летит на вас, имеет форму шара — то есть если вы видите ее не сбоку, — значит, она падает прямо вам на голову». Уильямсу показалось, что бомба, сброшенная на «Энтерпрайз», как раз имеет форму шара, и он уж совсем было распрощался с жизнью. Но в последнюю секунду авианосец, совершив маневр, уклонился чуть в сторону, и Уильямс увидел, как лежащий на него шар, тут же превратившись в эллипс, рухнул в море. Однако все это, разумеется, произошло в считанные мгновения.

12 ч. 30 мин. — Внезапный налет на «Южную Дакоту». Из-за облака выныривают несколько японских бомбардировщиков и с километровой высоты заходят в пики. Одна из бомб попадает прямо в носовую орудийную башню линкора. Объятая пламенем «Южная Дакота» отчаянно маневрирует, пытаясь прикрыть своим корпусом «Энтерпрайз». Остальные бомбы падают мимо цели.

12 ч. 32 мин. — Налет заканчивается... И вдруг громкоговорители взрываются снова: «С северо-запада приближаются самолеты противника, расстояние — 10 миль. Всем приготовиться к бою!»

12 ч. 36 мин. — Корабельные орудия открывают огонь. Из-за облаков показываются японские самолеты, однако вслед за тем они круто взмывают вверх и скрываются за облаками, расположенными чуть выше. Через несколько секунд они снова выныривают и заходят в пики. Но на этот раз японцы атакуют неудачно: слишком рано начинают они пикировать — и все бомбы падают в море. Вот уже десять бомбардировщиков сбиты. Остальные пять, несмотря на то, что их прикрывают «зиро», не рискуют продолжать атаку и улетают прочь.

На этом все закончилось. Других атак не последовало. Японцам вновь пришлось отойти от Гуадалканала, хотя в боях они не потеряли ни одного корабля — только два японских авианосца («Зуйхо» и «Схокаку») получили повреждения. Однако неприятель лишился доброй сотни самолетов — главным образом в жесточайшем воздушном бою над группой «Хорнета». Один только лейтенант Стэнли Вейтаса (по кличке Швед), летчик-истребитель с «Энтерп-

Квадратом на карте обозначен Гуадалканал, самый крупный остров в архипелаге Соломоновых островов.

райза», сбил два японских бомбардировщика и пять торпедоносцев.

Американцы же потеряли авианосец «Хорнет» и эсминец «Портер». А «Энтерпрайз», линкор «Южная Дакота», крейсер «Сан-Хуан» и эсминец «Смит», получившие серьезные повреждения, нуждались в капитальном ремонте. Кроме того, под Санта-Крус японцы сбили семьдесят четыре американских самолета. Впрочем, многие из них даже не были сбиты, а попросту затонули сами собой: покружив какое-то время над «Энтерпрайзом», подобно обезумевшим от отчаяния птицам, они, израсходовав последние остатки горючего и не имея никакой возможности совершить посадку на авианосец, один за другим, точно камни, падали в море.

На следующий день после воздушно-морских боев близ архипелага Санта-Крус американцы высадили на Гуадалканал дополнительные силы и таким образом еще больше упрочили свои позиции на этом острове. В самом деле, положение американцев на суше оказалось намного лучше, чем на море.

А между тем в Окленде командующий военно-морскими силами Соединенных Штатов в южной части Тихого океана вице-адмирал Уильям Хэлси ломал голову, пытаясь рассчитать, какой флот может он противопоставить японцам на тот случай, если они вдруг снова предпримут попытку штурмовать Гуадалканал с моря. Сколько линкоров? Не больше двух. А авианосцев? Ни одного. Ведь с начала

Там, за туманной дымкой, лежит Гуадалканал.

войны в Тихом океане американцы успели потерять пять авианосцев — «Лексингтон», «Саратогу», «Йорктаун», «Уосп» и «Хорнет». А единственный уцелевший авианосец, «Энтерпрайз», который японцам не удалось потопить никакими силами, нуждался в серьезном ремонте. Таким образом, на 27 октября 1942 года, когда закончились бои близ Санта-Крус, американский Тихоокеанский флот не имел ни одного авианосца. Что же делать? И вице-адмирал Хэлси отдает приказ «в самом срочном порядке ускорить ремонтные работы» на борту «Энтерпрайза», который отправился в док, расположенный в Нумеа. Это означало совершить практически невозможное...

Ударная группа «Энтерпрайза», куда вошли также линкоры «Южная Дакота» и «Вашингтон», тяжелый крейсер «Нортхэмптон», легкий крейсер ПВО «Сан-Диего» и 8 эсминцев, снялась из Нумеа 11 ноября и взяла курс норд-норд-вест — словом, на Гуадалканал. И в этот раз бригады инженеров и рабочих не стали дожидаться окончания ремонтных работ в доке и отбыли в плавание на борту авианосца, чтобы закончить ремонт прямо в море. Так что шум отбойных молотков слышался на «Энтерпрайзе» в течение всего перехода Нумеа-Гуадалканал — до тех пор, пока его не заглушила зенитная канонада.

В пятницу утром, 13 ноября, ремонт так и не был закончен — еще не был до конца отлажен носовой самолетоподъемник... А уже в 11 часов контр-адмирал Кинкэйд получил от вице-адмирала Хэлси приказ «срочно занять положение к востоку от островка Саво, лежащего севернее Гуадалканала, с тем чтобы не позволить японским бомбардировщикам и эскадре приблизиться к Гуадалканалу». Поскольку, по сведениям военно-морской разведки, как раз в это время на Гуадалканал с севера надвигалось крупное соединение японских кораблей — линкоров, крейсеров, эсминцев и транспортов — под прикрытием большого числа истребителей.

На другой день, 14 ноября, неприятельская эскадра подверглась ожесточенному налету истребителей и бомбардировщиков «Энтерпрайза», и главным образом транспорты, потому что, как потом рассказывали американские летчики, японские линкоры в последнюю минуту оставили транспортные суда, решив, очевидно, действовать самостоятельно. А еще летчики рассказывали, что атаковать беззащитные транспорты было проще простого, хотя и ужасно неприятно, — и многие пилоты, вернувшись на авианосец, даже называли себя палачами. Действительно, японские транспорты шли практически без воздушного прикрытия, а из тех немногих истребителей, что остались их сопровождать, восемь были сбиты, остальные же улетели прочь.

Транспортные суда были битком набиты солдатами. Два корабля были потоплены во время первой же атаки, после чего поверхность моря площадью в целый квадратный километр сплошь усеялась телами японских солдат в хаки, которые вскоре утонули либо были сожраны акулами.

Во время этой атаки зенитными орудиями японского крейсера был сбит один из пикирующих бомбардировщиков «Энтерпрайза», который пилотировал лейтенант Джефферсон Карум. Пилоту и его стрелку Хинсону удалось быстро вырваться из упавшего в море бомбардировщика и надеть спасательные пояса, а вот надуть плот у них не было времени. Но летчики не впали в отчаяние, потому как надеялись, что свои скоростные самолеты со своды. Однако они ошибались. В зешших водах нередко случалось, что сильные ветры и течения уносили потерпевших крушение моряков и летчиков очень далеко от места крушения еще до того, как о них успевали вспомнить. А что такое человек в море? Или два? Точка, две точки — не больше. Карум с Хинсоном упали в море в шестидесяти милях к северо-западу от Гуадалканала. Во время падения Карум заметил вдали небольшой островок. «Поплыли туда», — предложил он товарищу. И они отправились в плавание в том направлении, куда показал Карум. К счастью для летчиков, поблизости не

было акул: эти твари огромными стадами напали на оказавшихся в воде японских солдат с разбомбленных транспортов и, как видно, уже пресытились человеческой плотью. Но к полудню следующего дня силы у Хинсона сдали, и он захлебнулся. А Карум продержался на воде в общей сложности семьдесят три часа. От соленой воды у него так распухло лицо, что почти невозможно было открыть глаза. Только на третьи сутки, утром, он приблизился к острову, где уже различал струйки дыма от костров рядом с хижинами туземцев, однако течение неумолимо относило его назад, в открытое море. Бедный летчик провел в воде еще один день, одну ночь и весь следующий день. Иногда он впадал в забытие, и тогда ему виделись ужасные кошмары, от которых он, к счастью, тут же пробуждался. И вот, когда его ноги наконец нащупали твердое дно, но да доходила ему уже по пояс, Карум вдруг понял, что не сможет дойти до берега. Но, собрав последние силы, летчик все же выбрался из воды — передвигаясь сначала вплавав, а потом на четвереньках. С трудом одолев полком еще шестнадцать метров — уже по суше, — он наткнулся на дождевую лужу и вмиг осушил ее до дна. Дикари обнаружили его лишь на другой день. Они перенесли несчастного в деревню, в тридцати километрах от того места, куда его прибило к берегу, обмыли, смазали ему раны целебными мазями из трав, накормили рисом и напоили горячим чаем. А потом устроили в его честь праздник с плясками... Через десять дней у берегов острова приводелся американский гидросамолет, который наконец доставил Карума к «своим».

Битва за Гуадалканал закончилась на рассвете 15 ноября полным поражением японцев.

«Несмотря на понесенные нами крупные потери, — признавался впоследствии адмирал Кинг, — битва за Гуадалканал закончилась для нас решительной победой, во многом определившей дальнейший ход войны в Тихом океане».

Однако между этой «решительной» победой и окончательной оккупацией острова американцами прошло почти три месяца. В течение этого времени японцы предприняли еще одну попытку высадиться на Гуадалканале — 30 ноября, но были снова, и уже окончательно, отброшены прочь...

После долгой и кровопролитной битвы за Гуадалканал американцам и японцам понадобилась зима 1942-1943 годов, чтобы восстановить численность своих воздушно-морских сил. Потом начался совершенно новый этап войны в Тихом океане. И на этом этапе стратегической и тактической инициативой уже почти всегда владели американцы. И неизменным участником всех последующих воздушно-морских сражений на тихоокеанском участке боевых действий был авианосец «Энтерпрайз», по праву снискавший себе славу непотопляемого.

Перевел с французского И.АЛЧЕЕВ

Главный редактор
А.А.ПОЛЕЩУК

Редакция:
И.Н.АЛЧЕЕВ
Л.П.АНДРЕЕВА
Л.В.БОБРОВА
Л.В.КОСТЮКОВА
Н.В.КРИВЦОВ
В.И.КУХАРУК
В.А.ЛЕБЕДЕВ —
зам. главного редактора
Н.Г.МАЛИНИЧЕВА
Л.М.МИНЦ
Н.Н.НЕПОМНЯЩИЙ —
ответственный секретарь
В.К.ОРЛОВ
А.А.РЕБРИК
Н.А.САФИЕВ
В.В.СЕМЕНОВА
А.П.СТРЕЛЕЦКИЙ
Г.П.ШТУЛЬ

Главный художник
В.И. БЕЛЬТЮКОВ
Художник-дизайнер
К.В.ЯНСИТОВ
Художественный редактор
О.И.БОЙКО

Ведущий редактор
Л.А.ЧЕШКОВА

Отв. редактор
приложения «Искатель»
Е.Ф.КУЗЬМИН

Финансовая группа:
В. А.ЗЕЛЕНИНА
Е.И.ЧУБУРКОВА
И. А.ЕВДОКИМОВА

Операторы
компьютерного набора
М.В.ГРЯЗНОВА
Г.П.ПОЖИДАЕВА

Учредитель журнала:
коллектив редакции

Издатель журнала:
АО «Редакция журнала
«Вокруг света»

Председатель
совета директоров
В.В.ШИЛОВ

Адрес редакции:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а
16-й этаж
Телефоны:

для справок 285-88-83
реклама 285-89-56
редакторы 285-89-83
«Искатель» 285-88-84
бухгалтерия 285-88-09
Телефакс: 285-09-30

Перепечатка материалов
с разрешения редакции
© «Вокруг света», 1995 г.

ОТ МЫСА БУРЬ ДО «ТИХОЙ» ГАВАНИ

Быть в Южной Африке и не побывать на мысе Доброй Надежды, пожалуй, все равно что, будучи в Париже, не подняться на Эйфелеву башню. Больше того: это значит упустить уникальную возможность ступить на самый край света в прямом смысле слова. Хотя добраться туда проще простого — всего каких-нибудь полчаса езды на автомобиле на юг от городка Симонстад, что в нескольких десятках километрах от Кейптауна. К тому же дорога, ведущая на край света, то есть на мыс Доброй Надежды, пролегает по территории одноименного заповедника — огромного бота-

нического и зоологического сада, сотворенного самой природой, где волгоотно, в тиши и спокойствии, разгуливают антилопы, зебры, страусы и вездесущие любопытные павианы, от которых у заезжих путников просто нет отбоя.

И вот, некоторое время спустя, дорога, бегущая через благоухающие цветочные поля и сады, приводит нас к смотровой площадке, приотвешенной на вершине огромной отвесной скалы, обрывающейся прямо в море. Это и есть знаменитый мыс Доброй Надежды. Только теперь наконец понимаешь, почему это место изначально нарекли мысом Бурь: сильнее ветра дуют здесь не переставая круглый год, а у подножий остроконечных, изъеденных штормами скал постоянно грохочут волны, поскольку именно в этом месте сталкиваются в неистовой, непримиримой схватке течения двух великих океанов, Индийского и Атлантического, — теплое Мозамбикское и холодное Бенгальское.

Насладившись чудесными видами этого сурового края, мы, окрыленные доброй надеждой, отправимся на северо-запад от Кейптауна — в бухту Салданыя, чтобы вкусить прелестей, которыми нас может одарить эта радужная «тихая» гавань.

Бухта Салданыя — одна из крупнейших в мире естественных гаваней. А «тихой» ее называют потому, что она надежно сокрыта от штормов, которые в южной Атлантике явление отнюдь не редкое. И не случайно сами южноафриканцы говорят, что, если бы в окрестностях Салданыя пресноводных источников было столько же, сколько на берегах бухты Столовой, где расположен Кейптаун, столицу Капской провинции следовало бы возвести именно здесь, потому как лучшего места для размещения крупного портового города не сыскать на всем обширном побережье Южной Африки. Еще в XVII веке удачное местоположение бухты оценили не только голландцы, но и французы, не раз пытавшиеся установить в этом благодатнейшем крае свое господство. Однако французам не повезло — в конце концов и бухта, и прилегающие к ней земли перешли в полное владение к Нидерландской Ост-Индской компании.

В южной части бухты Салданыя лежит прекрасная Лангебанская лагуна. Это — настоящее птичье царство, куда в летнюю пору слетаются сотни тысяч пернатых самых разных видов. Тут можно увидеть как водоплавающих птиц, так и наземных — фламинго, очковых пингвинов, песочников, ржанок и многих-многих других, — обитающих на мелководье и на маленьких островках, раскинувшихся по всей акватории лагуны, которая в 1985 году была объявлена национальным парком.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ В ЛАТВИИ!

Приобрести журнал «Вокруг света»
и приложение «Искатель»
можно в г.Риге:

- на Центральном железнодорожном вокзале;
- на ул.Илукстес (район Урвцет), Сеску (район Ницгалес), Лидоно (район Илгумецмс);

- в торговом центре «Вильнюс» на ул.Зиедоню (район Иманта),
- магазине «Океан» на ул.Даирциема (район Илгумецмс),
- в торговом центре «Доле» на ул.Маскавас.

Оформить подписку на наши издания
(и не только на наши)
можно в СМ-почте, т.464490.

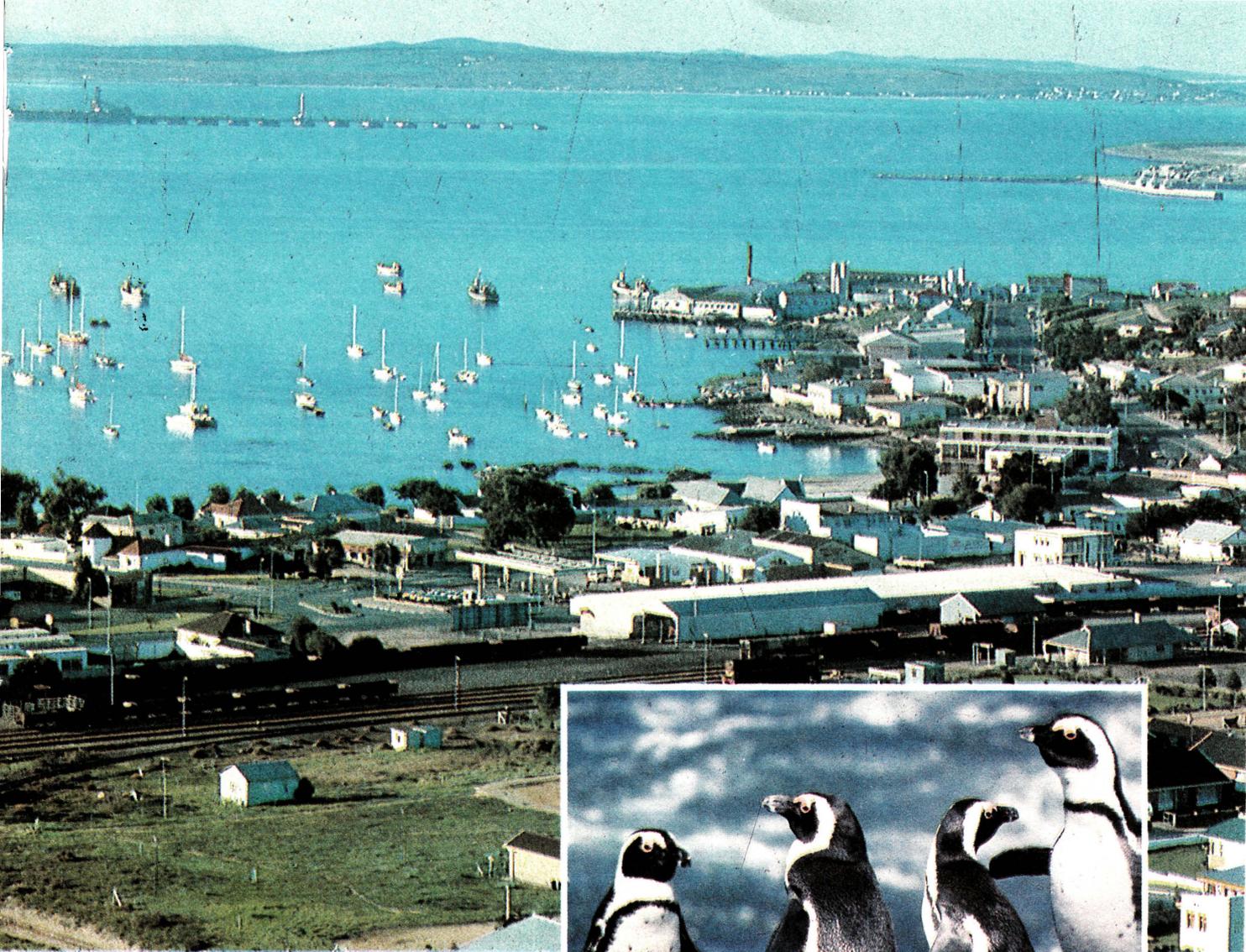
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых в журнале материалов и не несет ответственности за содержание печатаемой рекламы.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая, как правило, в переписку. Рукописи не рецензируются, редакция лишь сообщает авторам свое решение.

Сдано в набор 22.01.95. Подп. к печ.27.02.95.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр. — отт. 28,56.
Тираж 90 000 экз. Заказ 52006
Ценономера 3000 руб. (по подписке).

Типография АО «Молодая гвардия».
Адрес: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

«Вокруг света», 1995, 1-64

Бухта Салданья —
одна из крупнейших
в мире естественных гаваней,
снискавшая себе славу
самой безмятежной
на всем побережье Южной
Африки.

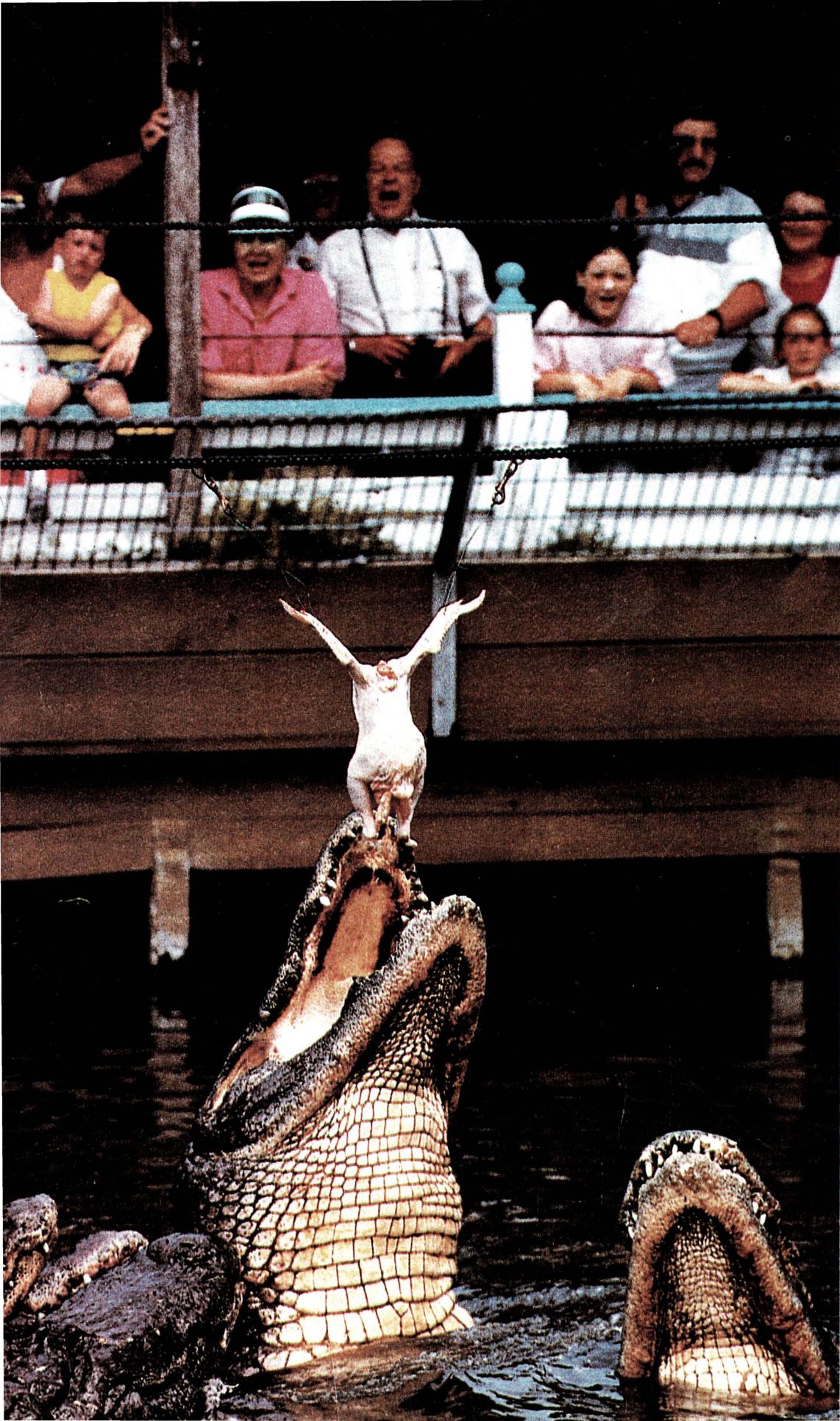
Очковые пингвины —
коренные обитатели
Лангебанской лагуны.

**SOUTH
AFRICA
2 SUMMET
ROAD DUNKELD
JOHANNESBURG 2196
TEL: (27) (11) 880 4013
FAX: (27) (11) 880 5341**

**MOSCOW
BUILDING 2
KRASINA ST. MOSCOW
123056 RUSSIA
TEL: (095) 254 26 74
FAX: (095) 956 34 83
TELEX: (64) 612932**

**ST. PETERSBURG
41, kv.3
BASSEYNAYA ST.
196070
RUSSIA
TEL: (7-812) 294 38 83
(7-812) 294 23 41**

Стремительный прыжок челюстей, — и подвешенная на бечевке курица оказывается в пасти крокодила. (Так, как это запечатлено на нашей IV странице обложки. Прыжок всегда неуловим). Аллигатор неожиданно взлетает в воздух, и это делает зрелище пугающе захватывающим. Тем оно и притягивает тысячи туристов в город Орландо, что в штате Флорида.

Когда-то в болотах Северной Америки водилось множество аллигаторов. Местным жителям, естественно, такое соседство не казалось приятным — кому охота жить в вечной опасности? Потому они на крокодилов немилосердно охотились. К тому же за крокодиловую кожу всегда неплохо платили — и вот за последние 200 лет численность хищников резко сократилось. С 1870 по 1965 годы примерно 10 миллионов аллигаторов отдали жизни ради развития кожевенной промышленности. Конечно, крокодил в качестве соседа — не подарок, но в природе нужен и он (как и промышленности). Федеральное правительство приняло множество законов для защиты зубастой фауны. Были созданы охотничьи ранчо и отведены специальные территории для разведения крокодилов.

Помимо чисто зоологических функций, крокодиловые ранчо выполняют роль аттракционов для туристов, и деньги от продажи билетов тоже идут на дело охраны природы. Правда, ранчо и сами уже приносят неплохой доход: шкура крокодила идет по 30 долларов за квадратный дециметр, а мясо — по 6 за фунт.

Во всем, конечно, нужна мера. Люди сберегли хищных тварей, а те, расплодившись, полезли в места, для них заведомо не отведенные, причем, туда они любят проникать незаметно! — через коллекторы канализации и систему водоснабжения.

Появившиеся на городских улицах аллигаторы пугают горожан. Еще менее приятно встретить крокодила у себя в саду или на веранде. — потому во Флориде ходит шутка (если это шутка!): «Не пора ли принять закон о защите людей?»

Фото из журнала
«National geographic»

Индекс 70142